

ДАГЕСТАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
РАН

Э.М. Загирова

**ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ
В ДАГЕСТАНЕ:
СПЕЦИФИКА И АЛЬТЕРНАТИВЫ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

instituteofhistory.ru

Монография

Ответственный редактор М.Б. Гимбатова

RU
science
RU-SCIENCE.COM

Москва
2021

УДК
ББК

З-14

Рецензенты:

С.И. Самыгин, д-р социол. наук, профессор РГЭУ (РИНХ),
Ю.М. Лысенко, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник ДФИЦ
РАН

Загирова, Эльвира Махачевна.

З-14

Традиционная семья в Дагестане: специфика и альтернативы институциональной трансформации : монография / Э.М. Загирова ; отв. ред. М.Б. Гимбатова. — Москва : РУСАЙНС, 2021. — 150 с.

ISBN 978-5-4365-7990-0

В монографии предлагаются авторская стратегия и результаты исследования традиционной семьи в Дагестане, которая характеризуется уникальным пространством взаимодействия семейных традиций и инноваций, определяющих вектор институциональной трансформации традиционной семьи в данном регионе. Исследование альтернатив институциональной трансформации традиционной дагестанской семьи осуществляется в данной работе путем выявления степени соответствия реальных семейных практик дагестанских народов идеальным представлениям о традиционной семье, отражающим их мнение о том, какой должна быть традиционная семья. Такой ракурс исследования определил необходимость исследования традиционной семьи в Дагестане на уровне ее реального и идеального воплощения.

Монография ориентирована на самый широкий круг читателей. Прежде всего, она может представлять интерес для социологов, специализирующихся на семейно-брачной проблематике. Ценность результатов данного исследования для социальной практики определяется возможностью их использования в области регионального управления сферой семейно-брачных отношений с целью профилактики и устранения деструктивных явлений в функционировании традиционной семьи, воспроизводства лучших семейных традиций в культуре народов Дагестана.

Ключевые слова: семья, традиционная семья, институт семьи, дагестанская семья, семейные традиции, семейные ценности, институциональная трансформация.

УДК
ББК

ISBN 978-5-4365-7990-0

© Загирова Э.М., 2021
© ООО «РУСАЙНС», 2021

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. Традиционная семья в Дагестане: методологические ориентиры исследования.....	9
1.1 Традиционная семья в фокусе социологического знания: теоретические проблемы исследования	9
1.2. Традиционная семья в Дагестане в проекции историко-социологической рефлексии	18
1.3. Методологическая модель социологического исследования традиционной семьи в Дагестане.....	31
<i>Выводы по главе первой</i>	42
Глава II. Институциональная трансформация дагестанской традиционной семьи: факторы кризиса и альтернативы развития	44
2.1. Традиционное и инновационное в институциональном пространстве дагестанской семьи.....	44
2.2. Деструктивные явления и факторы в функционировании традиционной дагестанской семьи	77
2.3. Институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане в условиях современной реальности	98
<i>Выводы по главе второй</i>	116
Заключение	119
Литература	123
Приложение.....	141

Введение

Отечественные исследователи во второй половине 70-х гг. XX столетия декларировали: «1. Тенденции повышения брачности населения и увеличения количества состоявших в браке лиц; 2. Уменьшения количества бездетных и неполных (без отца) семей; 3. Продолжение нуклеризации семьи»¹, однако «кануло четверть века, и, тем не менее, не зафиксировано признаков, например, сокращения неполных семей, напротив, их доля год от года возрастает»².

Без преувеличения семейную проблематику можно назвать одной из важнейших и популярных в этносоциологическом изучении народов Дагестана, что объясняется непреходящей ролью семьи в сохранении и воспроизводстве этнической культуры и структуры данного региона во всем его этнокультурном многообразии. Являясь и по сей день носителем специфических этнических черт и каналом трансляции этнокультурных ценностей молодому поколению³, семья в Дагестане привлекает пристальное внимание ученых, стремящихся осмыслить происходящие с ней изменения, дать им оценку с позиций современной реальности и определить вектор дальнейшего развития⁴.

Факторами, вызывающими особую тревогу дагестанской общности, в том числе научной, являются те явления и процессы, которые, несмотря на сохранение консервативного облика дагестанской семьи, свидетельствуют о тенденциях разрушения ее традиционных оснований, что находит выражение в снижении устойчивости семейно-брачных отношений, росте конфликтного потенциала и увеличивающейся динамике разводов в дагестанских семьях⁵.

Указанный спектр проблем требует глубокого социологического осмысления источников их возникновения и последствий функционирования традиционной семьи как базовой ячейки дагестанского общества. Включение в широкий социологический контекст проблем, традиционно изучающихся дагестанскими учеными, преимущественно с позиций этнографической и исторической науки, определяет необхо-

¹ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. С. 347, 354, 357.

² Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 2. С. 106.

³ Алимова Б.М., Ибрагимов М.-Р.А. Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 2. С. 69.

⁴ Курбанова З.А. Семейно-брачные отношения в Дагестане: ретроспектива и векторы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 4 (21). С. 100–103.

⁵ Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 48.

димось разработки методологического поля исследования традиционной семьи в Дагестане с учетом ее институциональной трансформации и кризисных факторов, обуславливающих векторы ее развития.

Этим обстоятельством определяется научная актуальность темы данного исследования, проведение которого имеет важное социальное значение с точки зрения определения альтернатив развития традиционной семьи в современном дагестанском обществе. Социокультурная динамика на данный момент характеризуется противоречивыми тенденциями архаизации и модернизации, во многом зависящими от вектора институциональной трансформации семьи.

Традиционная семья, являясь частью института семьи, влияет на общий процесс трансформации семейных отношений, что определяет значимость социологических разработок в области исследования институциональных изменений в сфере семейных отношений современного российского общества. В этом достаточно хорошо изученном направлении работают такие ученые, как А. И. Антонов, С. А. Сорокин, Т. Ю. Брыкова, А. В. Верещагина, С. И. Самыгин, Т. Н. Каменева, О. В. Кучмаева, Т. К. Ростовская, А. В. Носкова, М. М. Шахбанова, Г. И. Пещеров, А. И. Пирогов¹. Ключевые изменения в семейной, да и в социальной в целом сфере жизнедеятельности современного, в том числе и российского, общества ученые часто связывают с изменением положения и роли женщины в обществе².

¹ Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М., 2000. 426 с.; Брыкова Т.Ю. Возможно ли счастливое супружество в эпоху сексуальной революции? // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 140–145; Верещагина А.В. Институциональные изменения в семейной сфере и демографические перспективы России: методологическая матрица исследования // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 82–93; Верещагина А.В., Шахбанова М.М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестник ДНЦ. 2013. № 50. С. 65–71; Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49; Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи: монография [Электронное издание] / Т. А. Гурко; Институт социологии РАН. Электрон. текст. дан. (объем 2,5 Мб). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт социологии РАН, 2016. 210 с.; Каменева Т.Н. Семья в обществе риска: социологический анализ. Курск, 2018. 424 с.; Каменева Т.Н. Семья как антропосоциокультурная система процессуально – институционального типа // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 3. С. 38–43; Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Дискурс о модели современной российской семьи и стратегия семейной политики // Семья в современном обществе. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К.М., 2018. С. 33–41; Носкова А.В. Семья перед лицом вызовов глобализированного мира // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 147–149; Пещеров Г.И., Пирогов А.И. Институт семьи: эволюция и проблемы в современном мире // Власть. 2013. № 10. С. 106–109.

² Порохнюк Е.В. Роль, статус и положение женщины в светском институте семьи // Власть. 2014. № 1. С. 65–69; Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Дискурсивные эффекты модернизации

Анализ имеющейся литературы в данной предметной области показал, что существуют различные взгляды на данную проблему. Несмотря на то, что кризисная позиция доминирует в среде российских фамилистов, ей противостоят эволюционная парадигма в оценке изменений в институте семьи, а также трансформационная, согласно которой два процесса, традиционно представленные в социологии семьи как противоположные по своим идейным и концептуальным положениям, – кризис и эволюция семьи рассматриваются как взаимосвязанные и взаимозависимые. Именно с традиционной семьей отечественные социологи связывают кризисные факторы функционирования института семьи в современной России, расценивая их как закономерное явление эволюции института семьи¹, хотя наблюдаются и иные оценки, апеллирующие к традиции как базовой составляющей устойчивости семейных отношений, что, соответственно, сопровождается критикой кризисных явлений в функционировании традиционной семьи в российском обществе², в том числе в исторической ретроспективе³.

Нельзя, конечно же, не отметить вклад в развитие теории традиционной семьи Э. Гидденса, обосновавшего позицию о наличии общих черт традиционной семьи, просматривающихся у различных народов мира в процессе общественной эволюции, что позволило ему прийти к выводу о традиционной семье как обобщенной категории, характерной для всех «несовременных» культур с их системой родственных и семейных связей, организацией семейных отношений и ролевых взаимодействий⁴.

ции: «женский вопрос» как механизм интеграции женщин в общество модерна // *Власть*. 2013. № 12. С. 40–44.

¹ *Верещагина А.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И.* Неоматриархат в условиях кризиса патриархальной семьи: становление новой гендерной картины мира // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 3; *Верещагина А.В., Самыгин С.И.* Кризис традиционной семьи и альтернативы развития института семьи в России: теоретический анализ с позиций синергетической парадигмы // *Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона»*. 2014. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2531>. (дата обращения: 07.08.2018); *Верещагина А.В.* Традиционная семья в России: историческая специфика институционализации и тенденции разрушения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы истории». Хасавюрт, 2013. С. 19–29.

² *Дюльдина Ж.Н.* Семейные ценности и традиции как основа российского общества и государства // *Власть*. 2013. № 11. С. 97–100.

³ *Грицай Л.А.* Трансформация ценностных основ семейной жизни в России конца XIX – начала XX в. как предпосылка революционных событий 1917–1918 гг. // *История и современность*. 2012. № 1. С. 181.

⁴ *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2004. 120 с.; *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.

Традиционная семья привлекает особое внимание ученых Юга России, так как именно в этом регионе, и на Северном Кавказе в частности, традиционные элементы организации семейной жизни имеют тенденции к устойчивому воспроизводству, несмотря на наблюдаемые тенденции трансформации семейно-брачной сферы в современных условиях. В комплексном виде эти проблемы получили социологическую разработку в исследованиях А. В. Верещагиной, А. А. Акимовой, А. З. Нуриловой, О. В. Клименко, Д. Ш. Мустафаевой и др.¹

Проблемы традиционной дагестанской семьи стали предметом особого внимания Б. М. Алимовой², отмечающей, что семья по причине своей значительной консервативности и по сей день остается носителем и каналом трансляции специфических этнических черт, передаваемых через поколенческие каналы. В развитие этого направления с акцентом на трансформации гендерных отношений в дагестанской семье и исследовании семейного быта, традиций и обычаев отдельных народов Дагестана значительный вклад внесли также С. С. Агаширинова, А. В. Верещагина, С. Ш. Гаджиева, М. И. Гаджиева, М. Б. Гимбатова, М.-Р. А. Ибрагимов, Э. Ф. Кисриев, З. А. Курбанова, М. М. Шахбанова³. Оценки исследователей происхо-

¹ *Клименко Л.В.* Трансформация внутрисемейных отношений в традиционных культурах народов Северного Кавказа // *Семья и брак в условиях модернизации российского общества*. Майкоп–Ростов н/Д.: Ред.-изд. отдел АГУ, 2010; *Мустафаева Д.Ш.* Характеристика основных ценностей современной дагестанской семьи // *Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки*. 2010. № 3. С. 25–30; *Vereshchagina A.V., Nurilova A.Z., Akimova A.A., Zagirova E.M.* The Traditions of the Interethnic Marriage Process in the North Caucasus: The Socio and Cultural Factors of Formation and the Trends of Destruction (For Example, Dagestan Republic) // *The Social Sciences*. 2015. № 10 (9). С. 2256–2262.

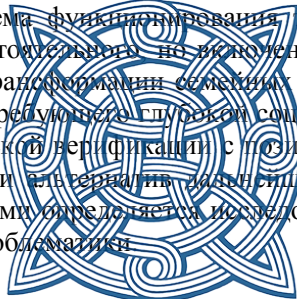
² *Алимова Б.М.* Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: Равнинный Дагестан. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1989. 112 с.; *Алимова Б.М.* Брак и свадебные обряды у табасаранцев // *Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX–начале XX в.* Махачкала, 1986. С. 29–46; *Алимова Б.М.* Диалог полов в современной дагестанской семье // *Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции*. Махачкала, 2008. С. 76–79; *Алимова Б.М.* Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // *Вестник Института ИАЭ*. 2011. № 1. С. 48–52; *Алимова Б.М.* Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики) // *Вестник Института ИАЭ*. 2015. № 2. С. 124–142.

³ *Агаширинова С.С.* К проблеме взаимоотношений в дагестанской семье на современном этапе // *Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции* / Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала, 2008. С. 59–61; *Алимова Б.М., Ибрагимов М.-Р.А.* Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // *Вестник Института ИАЭ*. 2016. № 2. С. 69–79; *Верещагина А.В., Шахбанова М.М.* Этнокультурная специфика демографического поведения дагестанской семьи // *Социологические исследования*. 2013. № 3. С. 78–85; *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX–начале XX в. М.: Наука, 1985. 360 с.; *Гаджиева М.И.* Семья Дагестана в традиционном и современном обществе: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Махачкала, 2004. 63 с.; *Гаджиева С.Ш.* Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2005.

дящих в семейной сфере дагестанского общества процессов достаточно дифференцированы, что объясняется динамикой негативных явлений в данной сфере, как правило, связываемых с разрушением традиционных семейных ценностей, снижением нравственности и морали в дагестанском обществе. Появляются работы, в которых научной оценке подвергается феномен многоженства, распространяющийся в современном дагестанском обществе, и эта оценка в большинстве случаев носит отрицательный характер¹.

В целом давая оценку степени научной разработанности темы представленного исследования, следует отметить тот факт, что она представлена широким массивом источников, научных разработок, идей, позиций и взглядов, содержащих исторические, философские, этнографические, социологические аспекты исследования дагестанской семьи и изменений, которые происходят с ней на протяжении последних десятилетий в свете российских и мировых трансформаций, определяющих либерализацию семейной сферы и кризисные факторы в ее развитии.

Вместе с тем остается на уровне фрагментарного и мозаичного представления проблема функционирования традиционной дагестанской семьи как самостоятельного и включенного в широкий массив институциональной трансформации семейных отношений в современной России явления, требующего глубокой социологической концептуализации и эмпирической верификации с позиций анализа институциональных изменений и их влияния на дальнейшее функционирование. Этими обстоятельствами определяется исследовательская перспектива разработки данной проблематики.

instituteofhistory.ru

433 с.; *Гимбатова М.Б.* Понятие «настоящая женщина» в дагестанском сознании // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 139–148; *Гимбатова М.Б.* Отражение гендерных отношений в религиозных верованиях тюркоязычных народов Дагестана // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 3. С. 123–134; *Ибрагимов М.-П.А.* Этнодемографические аспекты развития дагестанской семьи в XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 53–65; *Кисриев Э.Ф.* Современная дагестанская свадьба: социологический анализ трансформации ритуала // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1988. С. 141–160; *Курбанова З.А.* Семейно-брачные отношения в Дагестане: ретроспектива и векторы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 4 (21). С. 100–103.

¹ *Алиев А.К.* Многоженство – социальная болезнь // Народы Дагестана. 2013. № 5. С. 25–27.

Глава I. Традиционная семья в Дагестане: методологические ориентиры исследования

1.1 Традиционная семья в фокусе социологического знания: теоретические проблемы исследования

В современном обществе происходят значительные изменения в функционировании базовых социальных институтов, и институт семьи, испытывая на себе веяния новой информационной эпохи, под влиянием глобализационных процессов также трансформируется. В современном российском обществе данные тенденции проявляются достаточно ярко, причем в разной степени в зависимости от региона, его этнокультурной и конфессиональной специфики.

В целом, как отмечают исследователи, институт семьи в современной России характеризуется изменениями в ценностно-нормативном пространстве: появлением и распространением новых типов семей и семейных отношений, трансформацией функциональных отношений между обществом и семьей¹, а также структуры функций, уже далеко не однозначной для различных типов семей.

Институт семьи в современной России характеризуется в большинстве случаев с позиций кризисных проявлений, таких как: снижение рождаемости и переход к малодетной модели семьи как доминантной; высокий уровень семейных разводов и, как следствие, неполных семей; распространение семей группы «риска» и, соответственно, молодежной и подростковой девиации; стремительное снижение социального здоровья семьи и молодежи, что расценивается учеными как проявление духовного кризиса общества².

Ставя вопрос о том, возможно ли счастливое супружество в эпоху сексуальной революции, Т. Ю. Брыкова характеризует современный институт супружества как чрезмерно свободный от каких-либо обяза-

¹ *Верещагина А.В., Самыгин С.И.* Кризис традиционной семьи и альтернативы развития института семьи в России: теоретический анализ с позиций синергетической парадигмы // Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона». 2014. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://ivdon.ru/tu/magazine/archive/n3y2014/2531>. (дата обращения: 07.08.2018).

² *Верещагина А.В., Гафиагулина Н.Х., Самыгин С.И.* Духовные аспекты формирования национальной идентичности: социологический анализ угроз социальному здоровью и духовной безопасности России // Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона». 2015. № 3 // [Электронный ресурс] URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n3y2013/1824>. (дата обращения: 12.12.2018).

тельств партнеров друг перед другом, стремящихся максимально удовлетворить свои потребности в положительных эмоциях, в самореализации, в сексуальных отношениях¹. Соглашаясь в целом с тем, что счастье супругов в современном мире во многом зависит от уровня удовлетворенности супругами семейной жизнью, где эмоциональный и сексуальный аспекты имеют высокую значимость, мы все же полагаем, что эта характеристика, особенно в той ее части, которая гласит об отсутствии обязательств у супругов, излишне критична, как и кризисные оценки института семьи в России.

Здесь надо заметить, что существуют различные взгляды на данную проблему, и несмотря на то, что кризисная позиция доминирует в среде российских фамилистов, ей противостоят также эволюционная парадигма в оценке изменений в институте семьи, а также трансформационная, согласно которой два процесса, традиционно представленные в социологии семьи как противоположные по своим идейным и концептуальным положениям, – кризис и эволюция семьи рассматриваются как взаимосвязанные и взаимозависимые.

Речь идет о том, что в институциональном пространстве семьи имеют место как разрушительные (кризисные) процессы, так и эволюционные, порождаемые кризисным явлениями, поэтому появление новых типов семейных отношений и ценностей, а также типов семьи возможно только в процессе кризиса и разрушения традиционных оснований семейных отношений, и в российском обществе этот процесс в связи с постсоветскими преобразованиями и включением в мировое глобализационное пространство стал протекать заметно интенсивнее, в том числе в тех регионах страны, которые всегда отличались высокой приверженностью традициям в семейной сфере.

Примером может служить Северный Кавказ, большинством исследователей характеризующийся как регион, где позиции традиционности и ее воспроизводства более сильны, чем во многих других регионах России, в том числе и в семейно-бытовой сфере. Тем не менее даже здесь наблюдаются изменения во взглядах на организацию семейного быта, прежде всего со стороны женщин, правда, с разной степенью выраженности, но, как отмечает Л. В. Клименко, ориентирующихся на декомпозицию традиционной модели семейных отношений².

¹ *Брыкова Т.Ю.* Возможно ли счастливое супружество в эпоху сексуальной революции? // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 140.

² *Клименко Л.В.* Трансформация внутрисемейных отношений в традиционных культурах народов Северного Кавказа // Семья и брак в условиях модернизации российского общества. Майкоп – Ростов н/Д.: Ред.-изд. отдел АГУ, 2010. С. 96.

А. В. Верещагина и М. М. Шахбанова следующим образом объясняют происходящее в сфере семейных отношений современного российского общества: «Процесс перехода к современному типу семьи на основе разрушения традиционных основ функционирования семьи, сформированных на протяжении исторического, по своей сути авторитарного, развития российского общества, представляется совершенно закономерным и позитивным явлениям в условиях демократизации всей общественной жизни»¹. Данная точка зрения о позитивном характере разрушения традиционной семьи в России противоречит официальным заявлениям и программным документам, в которых провозглашается необходимость возврата к традиционной семье при полном отсутствии понимания того, что представляет собой традиционная семья², возврат к которой, как совершенно справедливо считают А. В. Верещагина и М. М. Шахбанова, в принципе невозможен в силу необратимости процессов в институциональном пространстве российской семьи³.

Е. О. Тарасова также полагает, что «современный этап развития семьи стоит рассматривать как кризис традиционной (крестьянской, патриархальной) семьи, но не института семьи в целом»⁴. Ключевые изменения в семейной, да и в социальной в целом сфере жизнедеятельности современного, в том числе и российского, общества ученые часто связывают с изменением положения и роли женщины в обществе⁵.

Что же представляет собой традиционная семья и какими специфическими чертами она характеризуется? Является ли это явление универсальным для всего общества или следует дифференцированно подходить к нему в зависимости от конкретного региона, страны? На эти вопросы мы попытаемся ответить в ходе дальнейшего изложения материала в данной части работы.

Начнем с того, что традиционная семья, обладая общими чертами, имеет свою специфику в каждом обществе. Общий характер черт

¹ *Верещагина А.В., Шахбанова М.М.* Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестник ДНЦ. 2013. № 50. С. 66.

² *Гурко Т.А.* О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 35.

³ *Верещагина А.В., Шахбанова М.М.* Формирование новых семейных ценностей ... С. 65–71.

⁴ *Тарасова Е.О.* Проблемы развода в современной семье // Власть. 2015. № 1. С. 142.

⁵ *Порохнюк Е.В.* Роль, статус и положение женщины в светском институте семьи // Власть. 2014. № 1. С. 65–69; *Козлова Н.Н., Рассадин С.В.* Дискурсивные эффекты модернизации: «женский вопрос» как механизм интеграции женщин в общество модерна // Власть. 2013. № 12. С. 40–44.

традиционной семьи обусловлен тем, что очень длительное время семья в обществе у самых различных народов развивалась в русле универсальной патриархальной логики, для которой характерны следующие явления в семейной сфере:

- четкая ролевая регламентация поведения членов семьи при главенствующем положении мужчины – главы семьи;
- ориентация на рождение и воспитание детей как основные функции семьи;
- экономическая зависимость членов семьи (жены и детей) от главы семьи;
- действие двойного стандарта в отношении женщины в семье и в обществе, т. е. различная оценка поведения мужчины и женщины;
- негативное отношение к разводу и его неприятие общественным сознанием.

При всей схожести выделенных черт традиционной семьи, связанных с патриархальной составляющей организации семейных отношений, конечно же, сохранялись и сохраняются различия, обусловленные обрядовой стороной организации семейно-брачных отношений, у каждого народа имеющей собственный неповторимый характер.

Наличие специфических, общих черт традиционной семьи, просматривающихся у различных народов мира в процессе общественной эволюции, позволило Э. Гидденсу прийти к выводу о традиционной семье как обобщенной категории, характерной для всех «несовременных» культур с их системой родственных и семейных связей, организацией семейных отношений и ролевых взаимодействий.

Среди общих черт, свойственных традиционной семье в недернизированных обществах, Э. Гидденс выделяет такие, как¹:

- экономическая обусловленность традиционной семьи, являющейся экономической ячейкой традиционного общества;
- отсутствие в традиционной семье равноправия между мужчинами и женщинами;
- отрицание сексуальности (прежде всего у женщины) как таковой вне ее подчиненности задаче продолжения рода, с чем преимущественно и связывалась функция женщины в семье;
- незакрепленность прав детей законодательно, отсутствие личного подхода к детям – ребенок в традиционном обществе не воспринимался как личность;

¹ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2004. С. 70–72.

– отсутствие резко негативного отношения к однополой любви, зачастую имевшей место у ряда народов по причине влияния естественных факторов и сочетания традиций.

При всем том, что семья активно изменяется, «осовременивается», особенно в экономически развитых и модернизированных обществах, во многих уголках современного мира организация семейной жизни и семейных отношений еще продолжает носить традиционный характер. В большей степени это характерно для сельских регионов, а если говорить о России, то традиционные основы семейной жизни во многом сохраняются, как мы уже указывали, в северокавказских республиках, где традиционная культура значительно определяет функционирование различных сфер жизни и прежде всего семейной, при всем том, что и в этом регионе происходят значительные изменения в институциональном пространстве семьи.

Так, отмечая исключительную стойкость родственных уз в Дагестане, где традиционно было принято проживание под одной крышей большого числа членов семьи, составляющих разные поколения, Б. М. Алимова пишет о том, что на современном этапе эти многопоколенные семейные связи значительно ослаблены, а также разрушается установка на традиционное главенство мужчины (мужа и отца) в семье¹.

Таким образом, по мере стремительных социальных изменений меняется и облик традиционной семьи, хотя и с различной степенью интенсивности, и этот процесс связан с парадигмальным переходом от семьи детоцентристской к семье супружеского типа, и в результате образ традиционной семьи патриархального многодетного типа постепенно стал вытесняться семьей эгалитарного малодетного типа.

Анализ изменений в семейной сфере современного общества показывает обоснованность идей Э. Гидденса, в понимании которого современная семья характеризуется значительными переменами, связанными с изменениями в сфере интимной жизни вообще, что, с его точки зрения, выражается в определенных явлениях². Так, наблюдается:

- постепенное стирание так называемого двойного стандарта в половой морали, прежде определявшего различное отношение к поведению мужчины и женщины в сфере интимных отношений;
- отделение сексуальности от воспроизводственной функции с параллельно протекающим процессом обретения женщиной права на собственную сексуальность и получение сексуального удовольствия;

¹ Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 49.

² Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. С. 13–14.

- развитие сексуальной сферы как более открытой, что происходит на фоне коммерциализации секса;
- изменение отношения к добрачным половым связям: их стали воспринимать более толерантно, как и нетрадиционные формы половых отношений и семейных союзов (речь идет об однополых браках, в ряде европейских стран получивших правовой статус).

В силу того, что динамика семейных трансформаций неодинакова в различных регионах мира и в границах отдельных стран, в частности в России, традиционная семья приобрела многоликий характер, что определяет важность пересмотра сложившихся теоретических подходов и концепций к исследованию такого явления, как традиционная семья в современном мире.

И в этом отношении привлекает подход А. В. Верещагиной, которая с позиций неинституционального подхода определяет традиционную семью как семью, которая по своему типу, характеру семейных отношений, репродуктивному и в целом семейному поведению соответствует нормам и правилам семейного поведения, принятым в обществе как на формальном, так и неформальном уровне¹. Иными словами, согласно концептуальным установкам данного ученого, традиционная семья – это такая семья, которая соответствует устойчивым представлениям общества о том, какой должна быть семья, ее ценности, ролевая структура, нормы семейного поведения².

Нам импонирует это понимание традиционной семьи, укладываемое в неинституциональную теоретическую парадигму, согласно которой социальный институт представляет собой целостный устойчивый комплекс формальных и неформальных «правил игры», т. е. принципов, норм, установок, способов контроля, поощрений и санкций, выполняющих функции регуляции системы ролей и статусов, образцов поведения и типов социальных практик в различных социальных сферах³.

Вышеприведенное определение Т. И. Заславской, представительницы неинституционального подхода в российской социологической школе, базируется на разработанном в западной научной школе

¹ Верещагина А.В. Институциональные изменения в семейной сфере и демографические перспективы России: методологическая матрица исследования // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 89.

² Верещагина А.В. Традиционная семья в России: историческая специфика институционализации и тенденции разрушения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы истории». Хасавюрт, 2013. С. 19–29.

³ Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 102–103.

неоинституциональном направлении. Его видный представитель Д. Норт в рамках разработанной им концепции пат-зависимости полагает, что анализ настоящего общества в его культурной преемственности и социальной эволюции возможен только в сочетании с исследованием прошлого, которое неразрывно связано с настоящим процессом институционального развития¹. Суть его неоинституциональных воззрений заключается в том, что институциональная траектория, по которой сегодня развивается общество, сформирована прошлым выбором, а потому заимствование иных, чуждых институциональной природе социума схем социального развития, реформирования, модернизации зачастую оказывается безрезультатным и бесперспективным, что и демонстрирует весь постсоветский сценарий развития российского общества, безуспешно пытавшегося перейти к демократическим основам функционирования в условиях отсутствия самих институциональных оснований для демократизации общества, всю свою историю развивавшегося как авторитарное.

Традицию, как отмечает Н. Г. Бондаренко, прежде всего идентифицируют с такими способами культурного наследования, как миф, религия, фольклор, бытовые обряды, которые, проявляясь в различных сферах и формах, находят свое выражение в «научной традиции», «художественной традиции»² – конечно же, семейная сфера не исключение.

Семейные традиции относятся к одним из самых устойчивых во времени. Во всяком случае так было раньше, когда динамика социальных и культурных изменений была невысока, а семья выступала основным механизмом воспроизводства традиционного способа жизни. Таким образом, традиции выполняют в обществе функции передачи из поколения в поколение определенных ценностей³, норм поведения, форм восприятия действительности в ее исторической проекции.

В современной науке актуально поставлен вопрос о соотношении традиций и инноваций. Данная проблема свою остроту приобретает именно в современном обществе, так как в обществах, веками развивавшихся преимущественно в русле традиционной колеи при минимальном влиянии инноваций, не подвергавших сомнению традиционные общественные устои, она не могла возникнуть. В современном

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 12.

² Бондаренко Н.Г. Традиция как исторический вектор трансляции ценностей в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9.

³ Шацкий Е. Утопия и традиция / Общ. ред. и посл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. С. 284.

мире идея традиции и инновации, которые не исключают, а скорее взаимодополняют друг друга, является основой эффективной модернизации¹ и уже стала общепризнанной. Однако возникла другая проблема – наступило время, когда перестали формироваться традиции.

В этой связи обращение к семье, обеспечивающей «как воспроизводство, так и развитие норм и ценностей, традиций и обычаев, принятых в той социальной группе, к которой она принадлежит»² представляется теоретически и практически значимым. И в этом плане следует понимать, что семья как проводник традиций и канал передачи социокультурных ценностей, составляющих их основу, также подвержена историческим, логическим, а также историко-культурной системы общества и реагирует на тенденции структурной динамики.

Таким образом, стремительно меняющаяся реальность не создает основы для формирования сколько-нибудь устойчивых и долговременных ценностей, норм, моделей поведения. По мере разрушения созданного ранее, в ходе исторического развития каждого общества пласта традиций, создается платформа для другого типа общества – общества, лишенного устойчивых традиций.

Здесь стоит оговориться и признать, что сама семья, облик которой значительно изменился в современную эпоху, все же продолжает оставаться устойчивой традицией. Да, ученые-фамилисты со всего мира обеспокоены явлениями, которые свидетельствуют о кризисе моногамии (рост числа одиноких мужчин и женщин, разводов и повторных браков, а также неполных семей, распространение различных форм добрачных и внебрачных связей, однополых браков³), но сама семья как форма организации человеческих отношений, пусть и в различных вариациях, сохраняет свою ценность и значимость для современных людей. Это позволяет несколько критически по отношению к мнению тех ученых, которые прогнозируют в скором времени исчезновение института семьи из практики общественных отношений только потому, что его традиционные формы и модели уже перестали быть однозначным идеалом и образцом семейно-брачных отношений⁴.

¹ Нагряльян А.А., Филошкина Д.В. Традиционное и инновационное в социальном пространстве современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4 (9). С. 181.

² Сатыбалдина Е.В. Особенности семейной культуры жителей уральского моногорода // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 141.

³ Пецеров Г.И., Пирогов А.И. Институт семьи: эволюция и проблемы в современном мире // Власть. 2013. № 10. С. 106.

⁴ Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М.: Издательский Дом «Грааль», 2000. 416 с.

Мы всецело согласны с мнением ученых, утверждающих, что при имеющихся расхождениях во взглядах на традиционную семью и происходящие в ней процессы, институт семьи по-прежнему имеет большое значение для общества, которое, вступив в эру интенсивных изменений, определило высокий темп изменений в семейно-брачной сфере¹. Более значимыми являются вопросы о социальных последствиях этих изменений, в частности: «К чему они приведут общество – к прогрессу или к регрессу?», «Приобретет ли человечество в результате глубинной трансформации института семьи и разрушения его традиционных основ или больше потеряет?». Видимо, на эти вопросы дать ответы сейчас сложно, а если можно, то лишь на уровне предположений, причем применительно к конкретному обществу, делая те или иные выводы без права их распространения на другие территориальные, национальные и иные сообщества и группы. Признавая допустимость изменений в институте семьи в свете социокультурных, политических и прочих преобразований в обществе, Ж. Н. Дюльдина, например, отмечает допустимость некоторых моментов из числа этих изменений, связанных с изменением самой сущности семейных ценностей и традиций, что приводит к распространению семей неблагополучного типа². Иными словами, современный институт семьи, по объективным причинам и закономерностям претерпевающий изменения, все же должен сохранять в качестве своего неизменного ядра семейные ценности и традиции, обеспечивающие его устойчивость и благополучие.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Традиционная семья как объект социологического анализа нуждается в дифференцированном подходе с учетом цивилизационных и институциональных особенностей ее развития в каждом конкретном обществе. Разрушение основ традиционной семейной жизни также протекает неоднозначно и с различной степенью динамики в каждом обществе, что формирует различные институциональные семейные поля, когда взаимодействие традиционных и современных норм и правил семейных отношений порождает уникальное сочетание, определяющее облик семьи в обществе, характер семейных проблем и механизмов их разрешения. И с этой точки зрения наиболее перспективным в исследовании семейных трансформаций в российском обществе, связанных с разрушением традиционной семьи и формированием новых типов семейных отношений, является неинституциональный подход, который коррелирует с

¹ Пещеров Г.И., Пирогов А.И. Указ. раб. С. 107.

² Дюльдина Ж.Н. Семейные ценности и традиции как основа основ российского общества и государства // Власть. 2013. № 11. С. 97–100.

теорией множественности современностей (multiple modernities) как теоретического основания цивилизационного подхода, исходящего из альтернативности путей исторического развития, отрицания однолинейности в виде единой для всего мира логики развития, которую задают западные государства.

Подробно указанные теоретические подходы как составляющие методологическую основу данной работы будут рассмотрены в третьем параграфе данной главы.

1.2. Традиционная семья в Дагестане в проекции историко-социологической рефлексии

Семья и семейные отношения, как справедливо отмечает Л. А. Грицай¹, – это опора, своего рода крепость, защищающая человека от угроз внешнего мира, но при этом требующая от него самоотдачи, следования семейным традициям и служения близким и родным, и это понимание сущности семьи, ее роли, значения и ценности для человека и общества характерно для всех народов Дагестана, который во многом сохраняет до сих пор традиционный облик благодаря устойчивости института традиционной семьи. Конечно, он меняется во времени и со временем под влиянием масштабных трансформационных процессов, происходящих на уровне всего российского общества, но значительно медленнее, нежели в других регионах страны.

Проблемы семьи, как отмечает Б. М. Алимова, посвятившая дагестанской семье ряд исследований², всегда занимали важное место в этнографическом изучении народов Дагестана, поскольку семья по причине своей значительной консервативности и по сей день остается носителем и каналом трансляции специфических этнических черт, передаваемых через поколенческие каналы³. За постсоветский период и дагестанская семья, несмотря на сохранение своего консервативного

¹ Грицай Л.А. Трансформация ценностных основ семейной жизни в России конца XIX–начала XX в. как предпосылка революционных событий 1917–1918 гг. // История и современность. 2012. № 1. С. 183.

² Алимова Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: Равнинный Дагестан. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1989. 112 с.; Алимова Б.М. Брак и свадебные обряды у табасаранцев // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX–начале XX в. Махачкала, 1986. С. 29–46; Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 48–52; Алимова Б.М. Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики) // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 124–142.

³ Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 48.

облика, значительно изменилась, и сегодня в Дагестане достаточно актуально стоит проблема утраты этнокультурных традиций, а также снижения морали и нравственности¹.

Безусловно, эти тенденции связаны со снижением стабильности и устойчивости самого института семьи в Дагестане, который характеризуется повышением конфликтного потенциала семей и увеличивающейся динамикой разводов, прежде всего среди молодых семей. Причина этого – не только либерализация и упрощение процедуры развода, факторы, связанные с экономическими, жилищными, бытовыми и т. д. проблемами. В основе непрочности современной семьи в Дагестане – факторы разрушения традиционных семейных устоев, норм и стандартов поведения, которые регулировали сферу семейно-брачных отношений в дагестанском обществе, предотвращая ряд ситуаций, которые могли бы сформировать почву для конфликтов в семье.

Принимая во внимание тот факт, что семейные традиции и обычаи Дагестана дифференцируются по этническому показателю, то есть их столько, сколько этносов проживает на ее территории, мы все же попытаемся, не проникая в обрядовую сторону семейной сферы каждого из дагестанских народов, решить поставленные в данной части исследования задачи на уровне тех культурных универсалий, которые сформировались в данном регионе и отражают сущность дагестанской традиционной семьи как целостного явления.

В русле данной логики можно с уверенностью утверждать, что показателем дестабилизации института семьи в Дагестане является разрушение семейной культуры дагестанских народов как явления, содержащего в своей основе особое отношение к семье и семейным ценностям, отношениям и нормам, поддерживаемое и передаваемое от поколения к поколению через семейные традиции, обычаи, обряды, которые в городах современного Дагестана все чаще и чаще не соблюдаются.

К примеру, Б. М. Алимова указывает на то, что такие традиционно важные и непрекословно соблюдавшиеся в Дагестане явления, как сватовство и обручение, в городской местности постепенно забываются, а ведь следование этим обрядовым традициям позволяло будущим супругам лучше узнать друг друга за период обручения, который предшествовал свадьбе и мог длиться достаточно долго – от 5 месяцев до года и больше². Поспешно принятые решения о создании семьи, не прошедшие психологической подготовки к семейной жизни

¹ Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и ... С. 48.

² Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: ... С. 49.

отношения (на это также ориентирован период обручения) юноши и девушки становятся причиной последующего распада семьи.

Бесспорно, не все разрушенные традиции, связанные с семейно-брачной сферой дагестанского общества, следует рассматривать как серьезную потерю. Наоборот, целый ряд утративших актуальность обычаев и традиций следует расценивать как прогресс. К примеру, такой способ приобретения невесты, как похищение (в данном случае, не имеется в виду похищение по предварительной договоренности с невестой), а также раннее замужество девушек (в 13 – 15 лет)¹, многоженство, заключение браков по воле родителей и ряд других обычаев, отражающих бесправное положение женщин в сфере выбора супруга, возраста вступления в брак и, в целом, самоопределения в семейной сфере, не могут вызывать положительных эмоций, а потому изживание данных традиций – нормальное явление, в то время как возврат к некоторым из них, наблюдаемый в настоящее время (например, многоженство), стоит рассматривать как общественный регресс.

Традиционная семья в Дагестане характеризуется не только и не столько приверженностью конкретным обычаям и обрядам, хотя, безусловно, это важная сторона воспроизводства семейной культуры дагестанских народов, сколько внутренней сплоченностью, исключительной стойкостью родственных связей, причем традиционная дагестанская семья, как пишет уже не раз упоминавшаяся нами Б. М. Алимова, не ограничивалась числом ее членов, проживающих под одной крышей, а включала в свой состав широкий круг родственников, живущих отдельно. В современное время такая родственность и семейственность уже не являются массовой семейной практикой и постепенно такого рода семейные связи ослабевают².

Не является уже столь неоспоримой и главенствующая роль мужа и отца в семье при всем том, что для народов Дагестана эта семейная установка являлась, пожалуй, самой главной чертой традиционной семьи, которая еще в начале XX в. представляла собой большую патриархальную или, как ее еще называют исследователи, неразделенную семью, объединявшую в своем составе семьи нескольких поколений общей численностью от 20 до 50 чел., а порой и больше³. Со временем численный состав неразделенной семьи сокращался и, в среднем, в ее состав уже входило, как правило, 20 – 25 чел., однако в дальнейшем

¹ Алимова Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: С. 9.

² Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: ... С. 49.

³ Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX–начале XX в. М.: Наука, 1985. С. 36.

под влиянием процесса нуклеаризации семьи, т. е. обособления малых семей, институт неразделенной семьи стал распадаться, и ей на смену в начале XX в. пришла малая семья¹, но патриархальная традиция, определявшая главную роль старшего мужчины в доме (отца, деда) на долгие времена еще определяла характер семейных интеракций и организации жизнедеятельности семьи и ее членов.

Патриархальную семью в ее неразделенной форме возглавлял, как уже было сказано, старший мужчина (иногда эту роль мог играть старший сын или, реже, старшая в семье женщина после смерти мужа), обладавший непререкаемым авторитетом в кругу семьи как в хозяйственных делах, так и в области общественного этикета и воспитания домочадцев и исключительными правами не только на семейное имущество, но и принятие решений относительно судеб всех членов возглавляемой им семьи².

В контексте данной проблематики хотелось бы затронуть важный вопрос относительно роли и места женщины в традиционной семье. Сразу следует заметить, что широко распространенное мнение о бесправном положении женщины в дагестанской традиционной семье (зачастую эти роли приравнивают к роли рабыни мужа) не совсем адекватно семейной реальности дагестанского общества, в том числе и в ранний, досоветский период.

Как показал анализ историко-архивных материалов и полевых данных, собранных С. С. Агашириновой, женщина в дагестанской семье, хоть и пользовалась меньшими правами, «никогда не была бесправной, униженной, обездоленной»³. Ее авторитет в семье был достаточно высок. Да, женщина в дагестанской семье находилась в зависимом положении от мужчины, но являлась полноправным членом семьи у всех народов Дагестана, имея определенные права как мать детей и женщина, отвечающая за ведение домашнего хозяйства и воспитание детей.

Аналогичной с С. С. Агашириновой позиции придерживается М. Б. Гимбатова, утверждая, что «многократно тиражируемые в дореволюционной и советской литературе утверждения о бесправном положении дагестанской женщины в семье не соответствуют действительности», при этом акцентируя внимание на крайне высокой степени уважения к женщине в семье, которую «в горах Дагестана ее (женщи-

¹ Агаширинова С.С. К проблеме взаимоотношений в дагестанской семье на современном этапе ... С. 59.

² Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана ... С. 63.

³ Агаширинова С.С. К проблеме взаимоотношений в дагестанской семье ... С. 60.

ну – Авт.) сравнивали с лампадой, горящей на почетном месте»¹. Также М. Б. Гимбатова отмечает, что фактически непререкаемым был авторитет женщины в сфере хозяйственно-бытовых вопросов, воспитания детей и организации их семейной жизни: «при решении вопроса о выдаче дочерей замуж и женитьбы сыновей решающее слово принадлежало матери, особенно весомо было слово бабушки – матери отца»². Кроме того, в рамках культуры дагестанских народов тактичное и уважительное отношение к женщине всегда занимало важное место и являлось отличительной чертой поведения мужчин. Считалось недопустимым нанести обиду или оскорбление женщине. Такое поведение мужчины крайне негативно оценивалось в дагестанском обществе и приравнивалось к позору³. Наибольшим статусом и уважением в дагестанском обществе пользовалась замужняя женщина. К замужеству дагестанских девочек готовили с раннего детства, так как будущее дочерей родители не представляли вне брака. У одинокой или разведенной женщины социальный статус был гораздо ниже, нежели у замужней, что нашло отражение в дагестанских пословицах: «Женщина без мужа, что птица без крыльев», «Женщина не замужем – все равно что сирота»⁴.

Отличительной особенностью воспитания девочек в семье было также формирование уважительного отношения к мужчинам – прежде всего к отцу и брату. Особое место в культуре отношения к мужчинам со стороны женщин занимает любовь и преданность сестры брату, но и братьев воспитывали в духе глубокого уважения к сестре. Множество пословиц у различных дагестанских народов тому доказательство: «У девочки язык высохнет, если она станет бранить своего брата», «Обидевший сестру век плакать будет» и т. д.⁵.

О том, что женщина не была бесправной и незащищенной в дагестанском обществе и в семье, в частности свидетельствуют ее имущественные права, которые защищались адатами и особенно шариатом. В горах Дагестана, пишет М. Б. Гимбатова, зачастую женщинам принадлежали участки земли, за которыми закреплялись их имена, а имущество женщины, которое у нее появлялось после выхода замуж,

¹ Гимбатова М.Б. Понятие «настоящая женщина» в дагестанском сознании // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 141.

² Там же. С. 141.

³ Агаширинова С.С. К проблеме взаимоотношений в дагестанской семье на современном этапе ... С. 59.

⁴ Гимбатова М.Б. Понятие «настоящая женщина» ... С. 139.

⁵ Там же. С. 140.

было неприкосновенно: муж мог им распоряжаться только с согласия женщины¹.

Таким образом, женщина в Дагестане, в семье и обществе, занимала особое, отнюдь не приниженное и бесправное, положение, хотя, безусловно, главенствующая роль в дагестанской семье у всех народов принадлежала мужчинам. Это гендерное неравенство, имевшее место в истории большинства народов мира, закреплялось на уровне религиозных верований, которые в Дагестане формировались еще в языческий период: у тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX вв. еще сохранялись отголоски домусульманских религиозных верований², что не является уникальным явлением (вспомним языческие праздники, вошедшие в измененном виде в состав православных). Таким образом, ислам, прочно укоренившийся в сознании дагестанских народов, стал преемником ряда религиозных верований³, связанных с гендерными различиями и признаками, которыми была наделена вся окружающая среда в представлениях древних тюрков, и при этом все мужское в этих религиозных представлениях было наделено властью и неограниченными возможностями, а женское ассоциировалось с плодородием и непрерывностью жизни⁴.

С религиозным фактором в семейной жизни дагестанского общества связан такой феномен, как многоженство, возрождение которого в современной дагестанской реальности вызвало и вызывает множество споров и дискуссий, а также рост семейных конфликтов и распавшихся семей. В России большинство граждан отрицательно относятся к многоженству⁵, что объясняется отсутствием традиций полигамии у православных и политикой Советского государства, во многом искоренившей это явление из жизни советских людей. Негативизм в отношении многоженства даже среди мусульманского населения, а также рост семейных конфликтов в регионах, где многоженство получило новое рождение (в том числе и в Дагестане), также объясним. Дело в том, что на современном этапе многоженство как проявление неотрадиционализма лишено своих социокультурных и социально-экономических, а также психологических оснований. Появление в

¹ Гимбатова М.Б. Понятие «настоящая женщина» ... С. 142.

² Гимбатова М.Б. Отражение гендерных отношений в религиозных верованиях ... С. 123.

³ Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала, 2005. С. 390–391.

⁴ Гимбатова М.Б. Отражение гендерных отношений ... С. 123.

⁵ Алиев А.К. Многоженство – социальная болезнь // Народы Дагестана. 2013. № 5. С. 25.

настоящее время характерного для дореволюционного периода, хотя и не имевшего большого распространения в семейно-брачной сфере дагестанцев, явления «многоженство» не вписывается в систему изменившейся ментальности и семейных ценностей современных дагестанцев и прежде всего дагестанских женщин. Иными словами, возрождение многоженства, не обусловленное реальной потребностью в данном явлении со стороны общества, не прижилось в сознании дагестанских народов, уже отошедших от этой традиции, которая и не была чрезмерно распространенной в Дагестане и в те давние времена, когда была закреплена в нормах шариата.

Возвращаясь к формам организации традиционной семьи в Дагестане, следует заметить, что распад неразделенной семьи как формы организации семейных отношений в Дагестане проходил неравномерно. Так, М.-Р.А Ибрагимов отмечает, что уже в начале XX в. наиболее распространенной формой семьи в Дагестане была малая семья нуклеарного типа, состоявшая из супружеской пары и их детей, но наиболее распространенной она была в центральной горной и западной частях Дагестана, в то время как в равнинных и южных горных районах данного региона продолжала, хоть и в несколько измененной форме, функционировать неразделенная (большая, сложная) семья¹.

На современном этапе, конечно, господствующей формой семьи в Дагестане является малая семья (т. е. семьи, состоящие из двух и более брачных пар с детьми и без детей, с одним из родителей супругов (или без него) и с другими родственниками (или без них). Семьи такого типа составляли 6,1 % в городских поселениях и 5,0 % в сельской местности²), но будучи образованной на основе традиционной патриархальной семьи, она во многом впитала в себя ценности и нормы большой семьи, в том числе и ориентацию на многодетность, при всем том, что и в дагестанском обществе тенденции снижения рождаемости, как и во всем современном мире, имеют место быть.

Дагестанская традиция иметь много детей дала глубокие корни и к таковым относится поощрение общественным мнением многодетности, в которой была заинтересована сельская община (джамаат), что нашло закрепление в обычаях и традициях дагестанских народов, у которых бытовала даже традиция заключения принудительных браков в соответствии с решением сельской администрации, но только с раз-

¹ Ибрагимов М.-Р.А. Этнодемографические аспекты развития дагестанской семьи в XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 54.

² Ибрагимов М.-Р.А. Этнодемографические аспекты развития дагестанской семьи в XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 61.

решения женщины. Это подтверждается и законодательством имама Шамиля, один из низамов (законов) которого также предусматривал принудительный брак или брак по инициативе женщины. Такая практика, кстати, предусматривалась и народными традициями и обычаями (например, широко известный обычай забрасывания папах (головных уборов мужчин) в комнату, где специально собирались незамужние женщины)¹. Такие обычаи сформировались неслучайно: например, при высоком уровне рождаемости в Дагестане вплоть до начала XX в. одновременно отмечалась и высокая смертность с значительной долей детской смертности. Дети, по сравнению с взрослым поколением, чаще заражались инфекционными болезнями (малярия, тиф, туберкулез и т. д.), в результате чего более 50 % смертей от этих заболеваний приходилась именно на них.

Таким образом, тяжелые условия жизни, отсутствие качественной медицины и, соответственно, высокая смертность определили в дагестанском обществе завышенную рождаемость и ряд мер, вошедших в систему обычных нравов и закрепивших традицию многодетности как важнейшую составляющую семейной культуры и ценностей традиционной семьи. И сегодня рождаемость в Дагестане, по сравнению с рождаемостью в других российских регионах, испытывающих серьезные проблемы и, в данном, демографическом показателе, остается на высоком уровне, что свидетельствует о сохранении традиционного типа репродуктивного поведения, ориентированного на многодетность у сельского населения, которое составляет порядка 58 % от всего населения Дагестана². Правда, рождаемость, как отмечают дагестанские исследователи, значительно снизилась по сравнению с советским периодом вследствие в том числе и того, что коррелирует с ростом разводов в дагестанском обществе при всем том, что в целом «в Дагестане семья стабильная и разводов значительно меньше по сравнению с другими регионами России»³.

Характерной чертой дагестанской семьи, что подчеркнуто еще М. М. Ковалевским, является строгая ориентация на эндогамию, поэтому сватовство и сам дагестанский тухум был им охарактеризован как эндогамный, так как только у жителей Дагестана существовали предписания, запрещающие вступать в брак с женщинами другого ро-

¹ Там же. С. 55.

² *Ибрагимов М.-Р.А.* Этнодемографические аспекты развития дагестанской семьи в XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 61.

³ *Алимова Б.М.* Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики) // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 125.

да, что способствовало сильной обособленности дагестанских родов¹. Однако следует уточнить – М. М. Ковалевский писал про горы, а на равнине вплоть до седьмого колена кровнородственные браки запрещались². Правда, другие исследователи данную точку зрения отвергают, утверждая, что межтухумные браки не только разрешались, но и поощрялись у дагестанских народов, так как они позволяли расширить круг родственников, и эндогамным в Дагестане, по мнению Б. В. Далгата, вслед за Ковалевским, изучавшим семью и быт дагестанских народов, следует считать сельское общество – джамаат, которое могло включать в себя до десяти и более тухумов³. Эта ситуация и порождала устойчивую систему родственных связей, причем большое значение при выборе невесты уделялось сословным факторам, поэтому невеста подыскивалась из круга семей, равных по социальному и экономическому положению семьи жениха⁴.

Иными словами, институт семьи являлся определяющим механизмом сохранения и воспроизводства социальной структуры дагестанского общества. В современный период эндогамные традиции формирования брачных пар в дагестанском обществе в том виде, в котором они существовали в XIX – начале XX вв., конечно же, во многом изжили себя, и родители, как было прежде, не вправе распоряжаться судьбой дочери, единолично принимая решение о выдаче ее замуж за выбранного ими же жениха, равно как и запрещать выбрать себе супруга из другого села и т. д. Но это не означает, что само явление эндогамии исчезло из семейно-брачной практики дагестанских народов. Более того, оно по-прежнему определяет облик семьи и брака в Дагестане с той только разницей, что эндогамия «переросла» тухумные и общинные рамки и теперь действие эндогамных принципов распространяется на этнические и конфессиональные общности, определяя на неформальном уровне правила выбора брачного партнера в пределах собственной этноконфессиональной группы, так как по формальным нормам запрета на экзогамию не существует, о чем свидетельствует наличие в дагестанском обществе, хотя и в достаточно ограниченном

¹ *Агларов М.А.* Сельская община как эндогамный круг в Дагестане / Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX–начале XX в. Махачкала, 1986. С. 6.

² *Гимбатова М.Б.* Отражение гендерных отношений в религиозных верованиях ... С. 123–134.

³ *Гимбатова М.Б.* Отражение гендерных отношений в религиозных верованиях ... С. 10–11.

⁴ *Алимова Б.М.* Брак и свадебные обряды у табасаранцев ... С. 29.

количестве по сравнению с другими регионами России, межэтнических браков¹.

О межэтнических браках стоит сказать отдельно, так как в рамках института традиционной семьи в Дагестане межэтнические браки рассматривались не иначе как исключение из семейно-брачной практики до тех пор, пока интернациональная политика Советской власти не изменила взгляд дагестанцев на такого рода браки, хотя традиция заключать браки в пределах своей этнической общности, т. е. эндогамная традиция, и в советское время сохраняла свое определяющее значение. Это объясняется тем, что за эндогамной семьей исторически закрепились функции воспроизводства этнической структуры общества, этнической идентичности, этноса в целом, в то время как межэтнические семьи, полиэтнические по своему составу, представляют угрозу этнической целостности.

Безусловно, возможностей сохранить обычаи и традиции, культуру и национальный язык в моноэтнической семье гораздо больше, нежели в межэтнической, но многое зависит от того, в какой этнической и культурной среде находится межэтническая семья, насколько реальны в этой среде угрозы этнической маргинализации. И в этом отношении следует согласиться с мнением специалистов: для Дагестана процесс этнической маргинализации не был характерен даже в период наиболее интенсивной межэтнической брачности, так как маскулинная культура дагестанских народов в подавляющем большинстве случаев способствовала на уровне межэтнической адаптации в пределах межэтнической семьи поглощению женской этнической культуры². Поскольку доминантной этнической культурой в межэтнических дагестанских семьях оставалась этническая культура мужчины, в лоне которой воспитывались дети, на уровне этнического самоопределения со временем не сильно задававшийся вопросом о выборе этнической принадлежности.

Другими словами, воспроизводству этнической структуры общества и этнической культуры народов Дагестана межэтнические браки не препятствовали, тем более что их никогда, если соотносить с показателями моноэтнических браков, не было много в данном регионе,

¹ Vereshchagina A.V., Nurilova A.Z., Akimova A.A., Zagirova E.M. The Traditions of the Interethnic Marriage Process in the North Caucasus: The Socio and Cultural Factors of Formation and the Trends of Destruction (For Example, Dagestan Republic) // The Social Sciences. 2015. № 10 (9). Pp. 2256–2262.

² Верещагина А.В. Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности // Социологическая наука и социальная практика. 2014. №3 (7). С. 47–59.

хотя в современном Дагестане они становятся все более и более частым явлением. Высокая значимость этнического фактора в жизни народов Дагестана делает межэтнические семьи не востребованными, их статус в дагестанском обществе стремительно снижается по сравнению с моноэтническими, которые, по мнению жителей данной республики, считаются более устойчивыми при всем том, что большинство опрошенных в исследовании М. М. Шахбановой и А. В. Верещагиной дагестанцев не связывают устойчивость семьи с ее этническим составом¹.

Мы полагаем, что закрепление за моноэтнической семьей статуса идеальной модели семьи, в восприятии дагестанских народов, является следствием сложившейся эндогамной традиции, определявшей облик традиционной семьи в Дагестане на протяжении всего периода ее формирования и эволюции, независимо от самых различных исторических событий и потрясений, связанных с изменением общественно-политического и социального порядка в российском государстве.

Иными словами, в этом плане традиционная семья в Дагестане сохранила свою эндогамную специфику, незначительно отклонившись от традиций, заложенных ранее, чего не скажешь о таком важном семейном ритуале у дагестанских народов, как свадьба, которая, сохранив свою внешнюю форму, во многом, как следует из оценок специалистов, утратила внутреннее содержание. С целью обоснования этого положения обратимся к мнению Э. Ф. Кисриева, анализирующего наиболее актуальные и болезненные вопросы, связанные с трансформацией свадебного ритуала как составной и ключевой традиции семейной сферы дагестанского общества. Так, он указывает на тот факт, что свадьбы в Дагестане утратили свою функцию праздника и превратились в обременительное, прежде всего с материальной точки зрения, мероприятие, которое трансформировалось на современном этапе в финансовое мероприятие, чуждое моральным и эстетическим чувствам человека, когда под эгидой следования традиционным семейным ценностям и ритуалам эксплуатируется как сама, позитивная по своей сущности, свадебная традиция, а также элементарная порядочность большинства, вынужденных следовать принятым традициям².

Речь о том, что по традиции всех народов Дагестана и Северного Кавказа в целом приглашение на свадьбу нельзя игнорировать, так как

¹ Верещагина А.В., Шахбанова М.М. Формирование новых семейных ценностей ... С. 65–71.

² Кисриев Э.Ф. Современная дагестанская свадьба: социологический анализ ... С. 149.

это будет расцениваться как проявление неуважения к семье, в которой предстоит свадебное торжество. Более того, неприглашение на свадьбу для тех, кто мог бы быть приглашен, тоже расценивается как оскорбление, а потому формирование списка приглашенных уже само по себе является сложным занятием, а для приглашенных, которых бывает очень много, особенно если свадьба происходит в сельской местности, где сеть родственных и дружеских связей, как правило, охватывает весь аул (селение), свадьба становится обязывающим в присутствии и денежном поздравлении действием. А если учесть, что в период свадеб (как правило, это происходит летом) такие мероприятия происходят достаточно часто, их посещение становится серьезной нагрузкой на семейный бюджет. И если традиционно у народов Дагестана свадьба организовывалась усилиями всей общины, без особых излишеств, в родственном кругу без демонстрации и соперничества при поздравлении молодых, то в организацию современной свадьбы в результате обрядотворчества проникает цинизм, зачастую граничащий с нахальством, когда под запись, затем глубоко анализируемую и просчитываемую, фиксируется сумма, подаренная молодоженам.

Другими исследователями, в частности, Б. М. Алимовой и М.-Р. А. Ибрагимовым, также отмечается, что организация свадьбы в современном Дагестане требует значительных материальных затрат. Беспокойство всего дагестанского общества вызывает возрастающее значение материальной составляющей свадьбы, причем, по мнению самих жителей Дагестана, многие из свадебных затрат являются бессмысленными, разорительными, превращающими свадебные традиции в мещанское потребительство. Встает вопрос об ограничении и сокращении части расходов на свадьбу, а также возрождении традиционных элементов свадьбы, которая в недавнем прошлом проходила гораздо интереснее, будучи наполнена местным фольклором (песнями, танцами, шутками и т. д.)¹.

Анализируя происходящие в семейно-брачной сфере преобразования, дагестанские исследователи подчеркивают возврат к проведению свадеб, практиковавшийся в досоветский период, в форме мавлида. В постсоветское время наблюдается кардинальное изменение проведения свадеб: в основном люди были ориентированы на проведение безалкогольных, но с музыкальным сопровождением свадеб, а в последующем распространение получила безалкогольная и без музыки свадебная церемония. Разумеется, в данном процессе существенную роль

¹ Алимова Б.М., Ибрагимов М.-Р.А. Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 2. С. 71.

сыграло возрождение религии, стремление людей жить по исламским правилам, поэтому свадьба переоплатилась в мавлид, «когда весь сценарий свадьбы проходит по канонам ислама с исполнением нашидов»¹.

Иными словами, наблюдаемые явления в сфере свадебного ритуала в современном Дагестане позволяют сделать вывод: происходит определенное искажение традиций, изначально заложенного в них смысла, и это явление ученые называют псевдотрадицией, получающей все большее распространение в Дагестане². По всей видимости, причина кроется в том, что стремление «жить по традициям» в динамично меняющемся мире входит в противоречие с современными реалиями, и в итоге в пространство традиций вводятся новации, не соответствующие самой сущности этих традиций. Сама традиционность в таких условиях становится во многом формальной, но полностью отказаться от нее в обществе, привыкшем верить в авторитет традиций, не получается, что и приводит к своего рода имитации традиционности, порождая в свою очередь противоречие между восприятием того как подобает поступать и как правильно поступать.

Иначе говоря, подобающее поведение может не всегда совпадать с правильным, но воспринимается как таковое только по причине его привязки к традиционному. По большому счету именно на подобных ожиданиях, исполняемых и поощряемых в обществе, основывается воспроизводство традиционного поведения, даже если оно уже и не соответствует духу времени, изменившейся реальности и становится откровенно обременительным с точки зрения следования принятым в обществе обычаям, нормам и ритуалам³.

Итак, в завершение можно подчеркнуть, что традиционная семья в современном Дагестане, еще сохраняющая свои позиции в институциональном пространстве семьи, являясь преемницей традиций и обычаев, сформировавшихся на протяжении длительного периода развития дагестанских народов, сохранила многие из прежних устоев, носящих достаточно универсальный характер для всех народов данного региона, но в видоизмененном состоянии. Это относится к гендерной специфике семейных отношений, воспитанию детей, роли женщины в дагестанской семье, отношениям между родственниками, к старшим и т. д. В общем можно сказать, что наиболее распространенным типом семьи в

¹ Там же. С. 71.

² Кисриев Э.Ф. Современная дагестанская свадьба: социологический анализ ... С. 149.

³ Кисриев Э.Ф. Современная дагестанская свадьба: социологический анализ ... С. 152.

современном Дагестане является нуклеарная семья, включающая супружескую пару и их детей, поддерживающая тесные связи с родственным кругом. Именно этот тип семьи и является традиционной семьей, в которой самым тесным образом переплелись традиционные и современные семейные ценности как результат эгалитаризации и автономизации института семьи в современном российском обществе.

Таким образом, современный тип семьи в Дагестане скорее можно определить как традиционно-модернизационный. Спецификой дагестанского общества является появление в пространстве семейно-брачных отношений форм неотрадиционализма, и одной из них является многоженство, что является следствием архаизации общественных отношений, возврата к давним традициям в процессе возрождения ислама. В итоге, семейная сфера дагестанского общества формируется под влиянием противоположных по своей сущности процессов – архаизации и модернизации. Первый связан с возрождением ислама в Дагестане и исламизацией массового сознания, а второй – с влиянием глобализации и транслируемых через глобальные каналы ценностей эгалитаризма и индивидуализма.

1.3. Методологическая модель социологического исследования традиционной семьи в Дагестане

Социология, по свидетельству ученых¹, – наука, в наибольшей степени ориентированная на использование полипарадигмальной методологической модели исследования социальных процессов и явлений, что создает наиболее выгодную, с точки зрения последующих результатов, ситуацию баланса между парадигмами. Мы хотим взять за основу эту методологическую особенность современной социологии и выстроить собственную стратегию конструирования методологического поля данного исследования с точки зрения сочетания различных парадигм, в науке представленных как противоположные, а потому редко используемые в синтезе.

В рамках этого методологического плюрализма наиболее перспективной с точки зрения решения поставленных в диссертации задач представляется неоклассическая модель исследования, которая ориентирована на анализ социальной реальности как многомерной на основе

¹ *Клунт М.А.* Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. 2014. Том 1. № 1. С. 35.

синтеза когнитивных установок и представлений, сформировавшихся в классической и неклассической социально-гуманитарной науке¹.

Для чего так необходима именно такая стратегия? Дело в том, что мы полностью солидаризируемся с позицией М. А. Клупта, который в рамках методологической рефлексии определил нецелесообразность для современной демографической науки придерживаться одной из двух основополагающих в социальных науках парадигм – формационной (стадиальной) и цивилизационной². Вторая парадигма, в отличие от первой, постулирующей, что современность едина, базируется на теории множественности современностей (multiple modernities) и альтернативности путей исторического развития, тем самым отрицая однолинейный характер логики развития человечества в виде траектории, заданной Западом (западоцентризм).

При всем том, что цивилизационный подход нам ближе, так как сочетается с идеей о необходимости исследования традиционной семьи с учетом цивилизационных и институциональных особенностей ее развития в каждом конкретном обществе, мы придерживаемся позиции о существовании неких универсальных, характерных для развития института семьи всего мира явлений и процессов, которые не позволяют игнорировать значимость положений линейной парадигмы.

Иными словами, традиционная семья, имея собственную логику развития и разрушения в каждом конкретном обществе, вместе с тем, будучи не изолированной от всего мира, находится под влиянием глобальных процессов, ознаменовавшихся поистине революционными в истории развития человечества явлениями сексуальной революции и женской эмансипации, изменившими не только характер гендерных отношений, традиционных моделей организации семейных отношений в разных регионах мира, но и вектор развития демографического развития. Кардинальные изменения в сфере рождаемости, определившие специфику современных демографических проблем западных стран, а также России, и нашедшие отражение в теории демографических переходов, тем не менее не стали характерными для всего мира, где существует еще множество примеров устойчивого воспроизводства традиционной модели демографического поведения, хотя, как полагают зарубежные ученые, второй демографический переход с его принципами самореализации, свободы выбора и эмансипации как определяющими

¹ Лубский А.В. Гуманизация и конструктивизм в социально-гуманитарных науках ... С. 70.

² Клупт М.А. Парадигмы и оппозиции современной ... С. 35.

облик семьи, мотивацию родительства и регуляцию рождаемости, охватил не только западное общество¹.

Ранее было указано, что разрушение основ традиционной семейной жизни протекает неоднозначно и с различной степенью динамики в каждом обществе, но, поскольку каждая семья включена в общее поле институциональных изменений, формируемых под влиянием в том числе глобальных факторов трансформации семейно-бытовой сферы, конечно же, мы считаем наиболее оптимальным использование принципов и положений двух указанных выше парадигм, тем более что это, с нашей точки зрения, не противоречит позициям неоинституционального подхода, с позиций которого взаимодействие традиционных и современных норм и правил семейных отношений порождает уникальное для каждого общества институциональное пространство семьи, в котором формируются определенные модели семейных отношений и механизмы их регуляции.

Именно с этих теоретических позиций дается то определение традиционной семьи, которое, как уже отмечали в предыдущей части работы, является инструментальным для данного исследования. Напомним, что, согласно этому определению, к традиционной семье можно отнести ту, которая по своему типу, характеру семейных отношений, репродуктивному и в целом семейному поведению соответствует нормам и правилам семейного поведения, принятым в обществе как на формальном, так и неформальном уровне².

Другими словами, в обществе складывается определенный комплекс семейных правил и норм (на формальном и неформальном уровне), которые разделяются большинством данного общества и регулируют (формальными и неформальными механизмами) сферу семейных отношений, что и способствует воспроизводству модели традиционной семьи как соответствующей представлениям этого общества о том, какой должна быть, с учетом сложившихся норм и правил, семья, какие функции она должна выполнять в обществе.

Это понимание традиционной семьи, сформировавшееся в рамках неоинституциональной теоретической парадигмы, соответствует данному с этих же теоретических позиций определению социального института как целостного устойчивого комплекса формальных и не-

¹ *Lesthaeghe R.* The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // *Population and Development Review.* 2010. 36(2). Pp. 211–251.

² *Верещагина А.В.* Институциональные изменения в семейной сфере и демографические перспективы России: методологическая матрица исследования // *Гуманитарий Юга России.* 2012. № 4. С. 89.

формальных «правил игры», т. е. принципов, норм, установок, способов контроля, поощрений и санкций, выполняющих функции регуляции системы ролей и статусов, образцов поведения и типов социальных практик в различных социальных сферах¹.

Мы уже приводили данное определение, но для стройности и ясности изложения наших методологических установок посчитали необходимым сделать это еще раз, а также подчеркнуть, что с концептуальных позиций неонституционализма прошлое в виде норм, традиций, правил играет важнейшую роль в развитии современных процессов и их исследования с целью объяснения специфики протекающих явлений и проблем в той или иной сфере жизнедеятельности социума, поскольку прошлое не проходит бесследно и, будучи неразрывно связано с настоящим, определяет траекторию институционального развития общества².

Основной посыл неонституциональной теории заключается в суждении о том, что современное состояние общества в его институциональном развитии определяется прошлым институциональным. В этой связи приобретает чрезвычайно важное значение знание и учет традиционной составляющей институционального поля, в котором развиваются те или иные социальные процессы и отношения. Особую важность это приобретает в эпоху перемен, когда общество нуждается в инновациях, реформах, возлагая на них большие надежды, которые не всегда реализуются. Причина кроется в том, что в процессе реформирования и внедрения инноваций традиционные модели социальных отношений, сформировавшиеся в рамках тех или иных социальных институтов, не принимались в расчет и не анализировались с точки зрения оснований инновационных изменений. Весь период постсоветского реформирования – это яркий пример того, насколько бесплодными и даже губительными для общества могут оказаться непродуманные, не связанные с социокультурной спецификой общества и его отдельных сфер жизнедеятельности реформы. Именно поэтому так важна роль традиций и их изучение, именно поэтому так долго и болезненно происходит разрушение традиционных устоев, а результаты внедрения инноваций далеко не всегда отвечают сформировавшимся ожиданиям.

¹ Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 102–103.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 12.

В этой связи необходимо, конечно же, привлечь теорию традиции, которая также составляет основу методологического поля, разрабатываемого нами для изучения традиционной семьи в Дагестане. Сразу следует заметить, что в социологии сложилась своя традиция исследования феномена «традиция» и очень глубокий анализ этого был проведен А.Б. Гофманом, тонко подметившим, что традиционное общество не знает понятия «традиция» – оно руководствуется традицией, живет в соответствии с ней, не задумываясь о том, что она собой представляет¹.

В социологии же, что такое «традиция», первым задумался тот, кто считает ее прогрессивным социологом Ф.А. Дюркгеймом, видевший в традиции основу человеческого и общественного прогресса². В отличие от него, К. Маркс в традиции видел некое социальное зло, полагая, что она препятствует социально-историческому прогрессу, источником которого является инновации, причем революционного характера, но иногда традиция может стать своего рода завуалированной инновацией, когда под ее маской осуществляются в обществе инновации³. Так легко адаптироваться к инновациям, а сама традиция становится идеологическим проводником инноваций. М. Вебер традиции как привычке, привычному поведению противопоставлял рационализацию как универсальную тенденцию исторического прогресса, а в трактовке традиций Э. Дюркгейма обнаруживается указание на их принудительную и коллективную, внеиндивидуальную природу и характер⁴.

Основной вопрос, который поднимается при обращении к проблеме традиций, можно выразить в дихотомии «традиции-инновации». На наш взгляд, дичью этого вопроса является обращение к эволюционному подходу Г. Спенсера, который не рассматривал традицию как антипод и что-то внешнее по отношению к эволюции, а утверждал, что традиции и инновации – это два аспекта эволюции, составляющие ее неотъемлемую часть и не существующие друг без друга⁵. С этой точки зрения он предостерегал от необдуманного, насильственного и резкого разрушения старых институтов, особенно при отсутствии тех институтов, которые могли бы их эффективно заменить, не нарушая тем самым

¹ Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 91.

² Гофман А.Б. Там же. С. 99.

³ Гофман А.Б. Там же. С. 102–103.

⁴ Гофман А.Б. Там же. С. 127.

⁵ Гофман А.Б. Там же. С. 107.

нормальный ход общественной жизни и функционирования социального организма.

Нельзя разрушать что-то, не разработав то, чем можно заменить разрушенное. Именно так были разрушены важнейшие социальные институты в постсоветской России (образование, воспитание, спорт, экономика и т. д.), а поскольку адекватной институциональной замены при резком переходе к принципиально иной логике общественного развития не было и лишь вслепую заимствовались элементы институциональных систем других обществ, результат оказался противоположным ожидаемому. Поэтому спустя более чем 20 лет после постсоветских реформ в России не был решен целый ряд социальных проблем¹, а некоторые из них приняли угрожающие масштабы, такие как бедность и социальное расслоение², рост коррупции³ и преступности⁴, духовная деградация общества⁵ и снижение уровня здоровья⁶, имитационный характер развития важнейших социальных институтов и явлений⁷ (демократии, патриотизма, гражданского общества и т. д.). Среди них и проблемы дестабилизации института семьи, если учесть, что уровень разводов в российском обществе за последние годы является одним из самых высоких в мире⁸.

Мы можем с уверенностью констатировать, что рост негативных явлений и тенденций в современном российском обществе – следствие разрушения институциональной колеи и эволюционной траектории развития социума в процессе перехода к новому социально-

¹ Горшков М.К. Россия: двадцать лет спустя (некоторые аспекты социологического анализа реформирования общества) // Власть. 2011. № 12. С. 11–22.

² Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя / Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2013. 168 с.; Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Верещагина А.В. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Часть I // Вестник Института социологии. 2014. №1. С. 14.

³ Очирова В.М. Коррупция в России: состояние и перспективы // Власть. 2014. № 9. С. 106.

⁴ Сулакишин С.С., Новиков Д.Б., Гаганов А.А., Хвеля-Олинтер Н.А. Проблемная повестка современной России. М.: Наука и политика, 2015. С. 130.

⁵ Filyushkina D.V., Volkov Yu.G. Spiritual lumpenization of the russian society in the circumstances of globalization // Middle East Journal of Scientific Research. 2014. Т. 21. № 3. Pp. 449–452; Петухов В.В. Российская трансформация и общественная мораль // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 28–40.

⁶ Vereshchagina A., Gafiatulina N., Kumykov A., Stepanov O., Samygin S. Gender Analysis of Social Health of Students. Review of European Studies. 2015. Vol. 7. No. 7. Pp. 223–230. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/ar-ticle/view/48999>.

⁷ Тоценко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 23–36.

⁸ Чурилова Е.В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 78.

политическому порядку, к которому, как показала практика, Россия не была подготовлена. Тем не менее кардинальные преобразования дали ход многочисленным процессам, адаптируясь к ним на уровне социальных институтов общества стали вырабатываться определенные модели и схемы поведения, многие из которых препятствуют развитию тех самых инноваций и становлению тех самых институтов, ради которых были начаты преобразования.

Так, в постсоветском обществе правовой нигилизм стал нормой правового сознания и поведения, еще сильнее закрепившись в массовом сознании россиян, для которых данная модель поведения является определенной ментальной установкой, активизировавшейся в условиях переходного периода. Рост молодежной девиации и преступности на современном этапе вновь обратил внимание на проблему правовой социализации российской молодежи¹, но в условиях кризисного состояния социализационной системы общества² и негативного криминологического фона эта проблема решиться не может.

Такое внимание аспекту, связанному с важностью соблюдения институционального баланса в рамках соотношения традиционного и инновационного в ходе институциональных преобразований уделено неслучайно, так как именно в этом эволюционном направлении изучения традиции, представленном Г. Спенсером, мы наблюдаем созвучие с положениями неоинституционального подхода (а именно – институционально-эволюционной теория Д. Норта³), составляющего основу методологического поля данной работы и отталкивающегося от идеи исторической зависимости в развитии социальных институтов. Так, для объяснения феномена исторической зависимости настоящего от прошлого, находящего выражение в функционировании социальных институтов и социально-экономическом развитии общества посредством их влияния, Д. Норт разрабатывает теорию пат-зависимости, которая и раскрывает механизм институционального развития в виде выбранной, исторически обусловленной траектории институционального развития. Ключевая идея его теории также гласит о том, что традиционные и современные социальные институты, появляющиеся в ходе взаимодействия традиционного и инновационного в рамках институциональной

¹ Самыгин П.С., Попов М.Ю., Самыгин С.И. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 295–303.

² Верещагина А.В., Бандурин А.П., Самыгин С.И. Незащищенное детство в социальном государстве: парадоксы российской действительности и угрозы социальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 33–52.

³ Норт Д. Указ. соч.

эволюции, сосуществуют в едином институциональном пространстве. Иными словами, традиционные институты не исчезают из социальной практики в условиях появления новых социальных институтов, а сосуществуют и взаимодействуют с ними, и в пространстве этого взаимодействия проявляется эффект исторической зависимости, определяющий значимость традиций как основы эффективного внедрения инноваций.

Применительно к нашей проблематике это положение укладывается в понимание того, что значительные изменения в институте семьи в современном российском обществе, вызвавшие к жизни многочисленные типы семей и формы организации семейной жизни, нормы и практики семейного поведения, семейных ценностей, в совокупности сформировавшие новое институциональное поле семьи, не означают, что исчезли из этого институционального семейного поля традиционные институты семьи. Они продолжают функционировать, сосуществуя с новыми институтами семьи и образуя пространство зависимости, «в котором и происходит разрушение старых, ставших неэффективными, социальных институтов и формирование новых социальных институтов, функционирование которых определяется типом, характером, особенностью их прототипов»¹.

В институциональном пространстве традиционной семьи в Дагестане, как было показано нами в предыдущих частях исследования, наблюдаются явления архаизации семейных отношений, возврата к тем из них, которые некогда выступали нормой для дагестанского общества, но на современном этапе, возвратившись в сферу семейных практик, вызывают неоднозначное отношение и порождают типы семейных моделей организации жизни, напоминающие прежние вариации, но отличающиеся от них по своей смысловой сущности. В этой связи нам представляется важным, в качестве объяснения этих явлений, применение потенциала социокультурного подхода в данной работе. В частности мы решили обратиться к социокультурному подходу П. Сорокина или к теории социокультурных изменений, в русле которой им рассматриваются два типа этих изменений в рамках экстерналистской и имманентной теорий².

Согласно первой, социокультурная система изменяется под влиянием внешних факторов, т. е. изменений, происходящих за пределами этой системы, в то время как вторая исходит из внутренней природы

¹ *Верещагина А.В.* Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе : Автореф. дис... д-ра социол. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 25.

² *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

социокультурных изменений, т. е. социальная система изменяется за счет собственных ресурсов. Более того, эти изменения неизбежны даже в том случае, если за пределами социокультурной системы не сложились условия для ее изменения¹.

Иными словами, любая социокультурная система обречена на изменения, но она преобразуется в силу собственной логики развития даже с учетом динамичности и подвижности современной социокультурной реальности, что отличает ее от всех предшествующих этапов развития человечества, а значит влияние внешних по отношению к социокультурной системе факторов значительно увеличивается. Целесообразным в данной ситуации представляется синтез положения экстерналистской и имманентной теорий и необходимость учитывать совокупное влияние условий функционирования социокультурной системы – внешних и внутренних. При этом следует понимать, что каждая социокультурная система будет реагировать по-разному на одни и те же вызовы внешней среды.

Так, под влиянием внешних факторов (глобализация, феминизация, эмансипация, модернизация и т. д.) изменения имманентного характера приобретают в институте семьи каждого общества особенный характер, поскольку внешние условия преломляются через совокупность присущих данному социальному институту традиционных для данного общества характеристик и свойств, порождая достаточно уникальное пространство норм и ценностей, правил поведения, типов и моделей семейных отношений, определяющих облик института семьи. Как видим, и здесь пересекаются описанные выше идеи эволюционной теории традиции и неоинституционального подхода.

Таким образом, выстраивая методологическое поле нашего исследования посредством включения в него неоинституционального, социокультурного подходов и теории традиций как ключевых, мы стремимся в его рамках исследовать традиционную семью в Дагестане с позиций ее сосуществования с современными типами и формами семейных отношений, а также современными семейными ценностями и ориентациями, оказывающими влияние на функционирование традиционной семьи с учетом того, что и ценности традиционной семьи оказывают влияние на развитие современной семьи.

С указанных методологических позиций мы ориентированы на выявление зависимости традиционной и современной семьи друг от друга, тем самым показывая уникальный характер института семьи как

¹ Там же. С. 798–800.

традиционной, так и современной в каждом обществе. В институциональном пространстве взаимодействия традиционных и современных семейных ценностей и норм формируются условия для разрушения старых и созидания новых семейных практик, форм семейной жизни. Все зависит от характера традиций и инноваций, их силы, совместимости друг с другом, характера взаимодействия.

Ранее, во второй части данной главы, в ходе анализа мнений и позиций исследователей в отношении семейных традиций в современном Дагестане с точки зрения их трансформации мы указали на важное обстоятельство: данный процесс (трансформация семейных традиций) зачастую приводит к формированию псевдотрадиций, искажающих изначальный смысл и содержание тех или иных семейных традиций. Однако в силу их исторически сформировавшегося авторитета и укорененности в сознании дагестанских народов они исчезают из общественной практики, несмотря на их явный деконструктивный характер (чрезмерная коммерциализация свадебного ритуала, к примеру). В итоге должное и правильное в представлениях дагестанских народов зачастую расходятся, что находит отражение и в семейной сфере, где наблюдается рост явлений, не свойственных прежде традиционной дагестанской семье: рост конфликтных, неблагополучных семей и разводов. В условиях искажения самого пространства традиционного, когда должное и правильное далеко не всегда сочетаются, сама традиционная семья в массовом сознании дагестанцев приобретает многоликий характер, который, с нашей точки зрения, с учетом проведенного ранее теоретического анализа традиционной семьи в Дагестане можно представить в виде следующих условных образов:

– «мифический» образ: традиционная семья в ее архаическом понимании как оплот традиций и обычаев каждого дагестанского народа. Этот образ уже не существует в реальности, но сохраняется в исторической памяти дагестанских народов и в отдельных элементах, в основном ритуального характера, в современной семье. Попытка возврата к этому образу традиционной семьи в реальных семейных практиках становится источником конфликтов в семейной сфере дагестанского общества: примером может служить возрождение практики многоженства в Дагестане;

– «реальный» образ: традиционная семья в ее современном понимании как наиболее распространенный, соответствующий реальности и семейным ценностям дагестанских народов тип организации семейных отношений (это, согласно оценкам исследователей, нуклеарная семья);

– «идеальный» образ: традиционная семья как совокупность идеальных представлений, в которых отражаются представления народов Дагестана о том, какой должна быть семья, чтобы соответствовать традициям и обычаям дагестанских народов в условиях современной реальности.

Данные образы традиционной семьи выделены по критерию реального и идеального восприятия традиционной семьи, т. е. какая она есть в реальности и какой должна быть. Первые два образа были нами рассмотрены на уровне анализа теоретических представлений и позиций ученых в отношении традиционной семьи в Дагестане. Эти образы отражают представления дагестанцев о реальной традиционной семье: один (мифический) уже стал своего рода страницей семейной истории дагестанских народов, хотя, как видим, попытки возврата к этой «истории» все чаще и чаще начинают предприниматься, а второй (реальный) функционирует сейчас. Но есть и третий образ – идеальный, который нам еще предстоит выявить, дабы показать, насколько идеальные представления о традиционной семье в Дагестане расходятся с реальными традиционными семейными практиками.

Таким образом, в дальнейшем, на уровне практического анализа, с привлечением данных эмпирического социологического исследования мы попытаемся:

– выявить «идеальный» образ традиционной семьи, сформировавшийся в массовом сознании дагестанского населения;

– определить, в каком соотношении в нем, в «идеальном» образе, представлены элементы сложившихся в реальности образов традиционной семьи («мифического» и «реального»);

– определить характер традиционной семьи в Дагестане, то есть дать ее характеристику посредством выявления характерных черт. Выявить потенциал его устойчивости/неустойчивости в современных условиях;

– показать характер и степень расхождений между идеальным образом традиционной семьи и реальными традиционными семейными практиками.

Проведенный в таком методологическом ключе практический анализ позволит, как нам представляется, выявить не только тенденции разрушения традиционной семьи в Дагестане, но и причины этого явления с его социальными последствиями с точки зрения формирования и апробации новых типов и форм семейных отношений.

Выводы по главе первой

Традиционная семья, являясь частью института семьи, обладая общими чертами, характерными для традиционной семьи в современном обществе, имеет свою специфику и уникальную природу в каждом социуме. В этом свете в социологической науке возникло обширное пространство дискурса, в котором отражаются эти вопросы, – природа традиционной семьи, сочетание универсального и специфического в ее пространстве, факторы кризиса и оценка разрушительных тенденций.

В российской социологической науке наибольшее внимание уделяется вопросу о специфике и последствиях разрушения традиционной семьи, и на этот счет сформировались две основные исследовательские позиции. В рамках одной позиции исследователи отталкиваются от необходимости возврата к традиционной семье в России, полагая, что разрушительные явления в ее институциональном пространстве следует оценивать как негативные, опираясь при этом на официально закрепленные на уровне государства концепции и проекты, апеллирующие к традиционной российской семье, но без интерпретации того, что она собой представляет. Сторонники другого подхода полагают, что возврат к традиционной семье в условиях современной изменившейся реальности невозможен, так как происшедшие в институциональном пространстве российской семьи явления и изменения носят необратимый характер. Разрушение традиционной семьи при этом расценивается ими как следствие не кризиса, а эволюции института семьи, что не нуждается в негативных оценках, а представляет собой закономерное явление.

В отношении традиционной семьи в современном Дагестане сложилась своя исследовательская традиция, в общем виде отражающая позицию, согласно которой дагестанская традиционная семья, формировавшаяся на протяжении длительного периода семейной эволюции, во многом еще сохраняет типичные черты традиционности, имеющие как уникальный, так и универсальный характер для всех народов данного региона. Универсальные черты традиционной семьи в Дагестане связаны с гендерной спецификой семейных отношений, характером воспитания детей, ролью женщины в дагестанской семье, спецификой отношений между родственниками, родителями и детьми и т. д.

Анализ имеющихся научных источников по данной теме показал, что наиболее распространенным типом семьи в современном Дагестане является нуклеарная семья, на данный момент являющаяся традиционной семьей для различных дагестанских народов. Исследование нуклеарной семьи с позиций трансформации ее институционального пространства автором предлагается провести на основе ряда подходов, составивших методологическую основу данного исследования. Это положения неинституционального, социокультурного подходов и теории традиций, в совокуп-

ности адекватно отражающие современные реалии развития традиционной дагестанской семьи, которая рассматривается как соответствующая сложившимся и разделяемым большинством общества нормативным представлениям о том, какой должна быть семья и какова ее функциональная специфика.

Методологическая матрица исследования базируется на введении трех условных, выявленных в процессе теоретического анализа образов традиционной семьи в Дагестане: 1) «мифического» образа – отражения традиционной семьи в ее архаическом понимании как оплота традиций и обычаев каждого дагестанского народа, не существующей в реальности, но сохраняющейся в исторической памяти дагестанских народов и в отдельных элементах, в основном ритуального характера, – в современной семье; 2) «реального» образа – отражения традиционной семьи в ее современном понимании как наиболее распространенной, соответствующей реальности и семейным ценностям дагестанских народов формы организации семейных отношений (согласно оценкам исследователей – это нуклеарная семья); 3) «идеального» образа – отражения традиционной семьи как совокупности идеальных представлений народов Дагестана о том, какой должна быть семья, чтобы соответствовать традициям и обычаям дагестанских народов в условиях современной реальности.

Данные образы традиционной семьи выделены по критерию реального и идеального восприятия традиционной семьи. Выделение «мифического» образа как разновидности реального в исторической проекции объясняется попытками реанимации некоторых из семейных практик, составляющих этот образ (например, практики многоженства). Социологический анализ, проведенный в логике выявления степени соответствия/расхождения между идеальными представлениями о традиционной семье в Дагестане и реальными традиционными семейными практиками, позволит выявить вектор институциональной трансформации традиционной семьи в дагестанском обществе.

Глава II. Институциональная трансформация дагестанской традиционной семьи: факторы кризиса и альтернативы развития

2.1. Традиционное и инновационное в институциональном пространстве дагестанской семьи

Институциональное пространство современной российской семьи характеризуется своей неоднородностью, разнообразием семейных отношений и практик, стилей супружеского и родительского поведения, сочетанием традиционных и инновационных семейных норм, высоким уровнем риска распада семейных союзов. Это, хоть в меньшей степени, чем для ряда других российских регионов, характерно для современной дагестанской семьи, подверженной влиянию внешних (глобализационных) и внутренних (экономических, духовных, социальных, культурных, этнических) факторов, дестабилизирующих сферу семейных отношений и повышающих уровень их конфликтности, особенно среди молодых семей¹.

Ранее, в методологической главе данного исследования, на теоретическом уровне было показано, что само пространство традиционного претерпевает изменения в дагестанском обществе, а потому должное и правильное в нем зачастую расходятся, что отражается и на восприятии традиционной семьи массовым сознанием дагестанцев, что приобретает многоликий характер.

По итогам теоретического анализа, проведенного в первой главе, и выстроенной методологической стратегии исследования традиционной семьи в Дагестане нами были выявлены три условных образа традиционной семьи, сложившихся в массовом сознании дагестанских народов: «мифический» образ как отражающий архаические представления о семье, уже практически не находящие реализации в реальных семейных практиках, но продолжающие оказывать влияние на них по-

¹ Бандурин А.П., Верещагина А.В., Самыгин С.И. Конфликты в молодой семье в условиях современной российской реальности: социокультурные основания и последствия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 22–26.

средством преимущественно ритуальных семейных практик; «реальный» образ как наиболее распространенный, соответствующий реальности и семейным практикам дагестанских народов; «идеальный» образ как отражение идеальных представлений народов Дагестана о том, какой должна быть семья, чтобы соответствовать традициям и обычаям дагестанских народов в условиях изменившейся реальности.

В основе выделенных образов находится такой критерий, как реальное и идеальное восприятие традиционной семьи, что позволит выявить расхождения между тем, какой является традиционная семья в реальности и какой она, судя по представлениям дагестанцев, должна быть.

В рамках данного параграфа, с учетом полученных результатов проведенного автором в Дагестане социологического исследования, предполагается описать все три образа семьи и показать, в каком соотношении в институциональном пространстве дагестанской семьи находятся традиционные и инновационные элементы семейных ценностей и отношений, что позволит в дальнейшем не только определить деструктивные явления в функционировании традиционной семьи, но и показать их источники.

Анализируя полученные в нашем исследовании результаты, мы будем исходить из их оценки с позиций традиционного/инновационного и реального/идеального, чтобы выйти на интересующие нас выводы относительно трех образов традиционной семьи и противоречий, сформировавшихся в институциональном пространстве дагестанской семьи в результате взаимодействия традиций и инноваций в семейной сфере.

Прежде всего в нашем исследовании важным является вкладываемый дагестанцами в понятие «семья» смысл с точки зрения ее состава, и по результатам нашего эмпирического исследования мы пришли к заключению, что в восприятии дагестанских народов семья представлена составом «супруги и родные дети», хотя если рассматривать данный вопрос в разрезе национальной принадлежности респондентов, то выявятся отличия. Так, по всему массиву, 75,7 % опрошенных семью определяют как «супруги и родные дети», из них 85,2 % русских, 81,4 % даргинцев, 79,9 % аварцев, 78,0 % лезгин, 76,9 % лакцев, 60,0 % кумыков и заметно меньшая часть чеченцев (33,3 %). С точки зрения семейного положения: определяющих семью как «супруги и родные дети» больше среди респондентов, не состоящих в браке: 85,1 % незамужних, 75,7 % вдов, 70,9 % холостых и 50,0 % вдовцов, по

сравнению с теми, кто находится в браке – 70,4 % женатых и 72,8 % замужних.

На второй позиции оказался, что было вполне ожидаемо, состав семьи «муж и жена, состоящие в официальном браке» (68,4 % по всему массиву опрошенных): отмечено 76,0 % опрошенных лакцев, 70,9 % аварцев, 68,4 % даргинцев, 67,0 % лезгин, по 66,7 % русских и чеченцев, 62,2 % кумыков. По семейному статусу: доля определяющих семью как «муж и жена, состоящие в официальном браке» среди женатых составляет 77,6 %, 67,7 % незамужних, 67,6 % вдов, 67,4 % замужних, 66,3 % холостых и 50,0 % вдовцов.

На третьей ступени располагается суждение «супруги и приемные дети», разделяемое каждым третьим опрошенным по всему массиву, среди аварцев, лакцев и лезгин, каждым вторым – среди даргинцев и русских, каждым четвертым – среди кумыков и среди чеченцев (8,3 %). Данный вариант ответа по семейному статусу отметили 39,1 % в подгруппе незамужних, 35,3 % холостых, 30,9 % женатых, 28,1 % замужних, 24,3 % вдов, причем можно заметить отличия между опрошенными, состоящими в браке и несемейными – выделяется здесь подгруппа свободных от брачных уз женщин.

Так называемые гражданские браки, когда супруги не состоят в официально зарегистрированном браке, были в большей степени поддержаны опрошенными чеченцами (19,0 %) и аварцами (13,4 %), каждым восьмым среди кумыков, каждым девятым среди даргинцев, а наименее популярными с точки зрения их соответствия понятию «семья» они оказались, как ни странно, среди лакского (8,7 %), русского (5,6 %) и лезгинского (6,4 %) населения Дагестана. По семейному статусу: разделяющих данный вариант ответа сравнительно с другими подмассивами заметно больше среди холостых (23,6 %) и вдовцов (20,0 %) и меньше среди женатых (11,8 %), замужних (8,5 %), незамужних (7,8 %) и вдов (2,7 %). При этом обращает на себя внимание позиция женской части опрошенных, для которых характерно более четкое понимание семьи в отличие от мужчин. Иными словами, подгруппами холостых и вдовцов «гражданские браки» приветствовались в большей степени, нежели респондентами с другим семейным статусом. Такая же картина проявляется при анализе полученного социологического материала по возрастному критерию, но с той только разницей, что молодежь «до 20 лет», по сравнению с другими возрастными подмассивами, предпочтение отдала суждению «муж и жена, состоящие в гражданском браке» (13,6 %), что вполне естественно, так как именно молодежь проявляет большую лояльность к инновациям в лич-

ной сфере и является источником их распространения в обществе. Хотя с небольшой разницей выделяются и возрастные подгруппы «от 40 до 50 лет» (11,6 %) и «от 60 лет и выше» (11,4 %).

Четвертое ранговое место занимают так называемые неполные семьи, которые оказались менее популярными с позиции соответствия понятию «семья» даже как гражданская семья, что позволяет сделать вывод о крайне негативном отношении дагестанцев к разведенным семьям и к разводу как социальному явлению, а также к семьям, образованным в результате внебрачного рождения ребенка. Содержание понятия семья как «один из родителей с детьми (так называемая, неполная семья)» ближе каждому восьмому опрошенному среди русских, что оказалось вполне предсказуемым с учетом высокого уровня разводов и численности неполных семей среди русского населения в других субъектах России; каждому девятому среди даргинцев и каждому десятому среди лезгин; доля остальных этнических подгрупп составляет менее 10,0 %. По уровню образованности: были получены те же распределения позиций по определению сущности явления «семья», но с одной примечательной разницей – респонденты с высшим образованием, хотя и с несущественной разницей, отдали предпочтение неполной семье (8,8 %) перед «гражданской» (8,3 %) по сравнению с имеющими среднее и среднее специальное образование, выбравшими суждение «муж и жена, состоящие в гражданском браке (официально не зарегистрированном)», – 15,4 % и 12,3 % соответственно. В качестве гендерных различий можно выделить следующее: неполному составу семьи женщины отдали большее предпочтение (9,4 %), нежели мужчины (8,6 %), в результате чего официально незарегистрированный брак мужчинами был поставлен на 4 позицию по степени соотнесения с понятием «семья», а женщинами – на 5 степень.

Примечательно, что именно респонденты лакцы, среди всех опрошенных по этническому признаку, отдали больше всех свои голоса за то, что однополые союзы тоже могут считаться семьей (1,9 %), в то время как русские и чеченцы оказались категорически против такого понимания состава семьи (0 %). Правда, дагестанское общество – общество традиционного типа и то, что одобряется на уровне восприятия, не всегда становится мотивацией для апробации в собственной жизни, которая во многом еще подчинена силе общественного мнения и традиций.

Наиболее серьезные расхождения в позициях относительно данного вопроса были выявлены при анализе ответов респондентов по критерию их религиозности: убежденно неверующие респонденты

проявили полный нонконформизм в оценках составов семей, продемонстрировав кардинально иные позиции по сравнению с группами самоидентифицирующимися как верующие и неверующие: на первое место ими была поставлена «семья из мужа и жены, состоящих в официальном браке» (66,7 %), на второе – «супруги и родные дети» (58,3 %), на третье – «супруги и приемные дети» (33,3 %), на четвертое – «неполная семья» (25,0 %), на пятое – «гражданские семьи» (8,3 %), которые получили равное количество голосов с «однополоыми браками» (8,3 %).

Итак, мы выявили, что в представлениях жителей Дагестана «идеальная» по составу семья – это та, которая в первую очередь включает в себя супругов и родных детей, но приветствуется также семья, состоящая только из одних супругов.

Как же сочетаются это представления с представлениями о детности в семье и материнстве? По мнению известного отечественного фамилиста С. И. Голод, при предпочтительности заключения официального брачного союза имеет место необязательность «вступать в брак, желательно иметь детей»¹, хотя их отсутствие в настоящее время не рассматривается как аномальное явление, несмотря на то, что в недавнем прошлом «некоторые специалисты (демографы и социологи) воспринимали бездетность как нарушение нормы»². По мнению Л. Е. Дарского, «можно спорить о наилучшем числе детей в семье, но бездетная семья есть явление патологическое с любой точки зрения»³. Автор разделяют характеристику бездетности, данную В. Голофастом: «По прошествии некоторого времени, если исчерпаны все допустимые возможности объяснения (учеба, отсутствие своего жилья и т. п.), бездетность становится предметом пристального оценивающего внимания и самих супругов, и родственников, и окружающих посторонних лиц. Наступает момент (раньше всего, видимо, для самих супругов), когда данное положение квалифицируется как ненормальное»⁴.

Иными словами, о трансформационных процессах в российской семье свидетельствует существующее в массовом сознании людей восприятие официальной семьи, превалирование с разной мотивацией ориентации на проживание в неофициальном (гражданском) браке,

¹ Голод С.И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XV. № 2 (61). С. 30.

² Голод С.И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XV. № 2 (61). С. 30.

³ Дарский Л.Е. Формирование семьи. М.: Статистика, 1972. С. 129.

⁴ Голофаст В. О взаимосвязи подходов к изучению семьи // Социологические проблемы семьи и молодежи. Л.: Наука, 1972. С. 34–53.

увеличение доли поздних браков, когда на первое место ставится карьера и жизненный успех и отодвигаются на второй план ценность семьи и установки на рождение ребенка, что в совокупности негативно отражается демографической ситуации в стране. В этой связи актуально звучит мысль В. Н. Лексина, что демографы, анализируя происходящие в семейно-брачной сфере процессы и репродуктивные установки россиян, «предлагают изысканные гипотезы и теоретические обоснования этого процесса, но крайне редко называют его главную причину – скептическое отношение общества ко всем без исключения смысловым основаниям обычной семьи», которая находит опору в отходе «от традиционных семейных ценностей»¹, более того, и само общество под разными предлогами приветствует бездетность.

Таким образом, проблема детности, планирование количества детей, ориентированность на малодетную или многодетную семью представляются очень важными в рамках данного диссертационного исследования. Поэтому в нашем исследовании респондентам был задан ряд вопросов, которые позволили уточнить их позиции по репродуктивным установкам. Анализ полученного социологического материала показывает, что примерно в равной степени, по критерию положительного и отрицательного отношения, представители разных национальностей Дагестана отреагировали на вопрос о том, как они относятся к бездетным семьям, что в целом соответствует выбранным в качестве приоритетных тем составам семьи, на которые мы указали выше, но в большей степени респонденты просто проявили жалость к подобным семьям (см. табл. 1).

Эмпирические данные показывают, что в общественном сознании дагестанцев к бездетным семьям превалирует сочувствие, причем выделяются подмассивы аварцев и русских, большая часть которых придерживается данной позиции. Далее: одна вторая часть опрошенных в подгруппе даргинцев, лакцев и лезгин, каждый третий среди кумыков испытывает аналогичное чувство к семьям, которые не имеют детей. Обращает на себя внимание позиция респондентов-чеченцев, в наименьшей доле проявившим жалость к семьям, не могущим иметь детей по состоянию здоровья (каждый четвертый опрошенный). На второй позиции, с большим отрывом, – негативное отношение к бездетным семьям, и опрошенные мотивируют его необходимостью иметь в семье ребенка: каждый третий опрошенный среди чеченцев, каждый пятый среди аварцев, кумыков и лакцев – здесь выделяются респон-

¹ Лексин В.Н. Идеологические основы упадка современного института семьи // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 29.

денты – русские, не придерживающиеся позиции об обязательности иметь ребенка. Третье ранговое место занимает вариант положительного восприятия бездетности по сравнению с другими подмассивами: его разделяет каждый четвертый опрошенный среди кумыков, лезгин и чеченцев, каждый пятый среди русских, даргинцев, лакцев и меньше всего таковых среди аварцев (одна шестая часть респондентов). Суждения «положительно, если людям хорошо без детей», «отрицательно, в стране демографическая проблема» и «отрицательно, предназначение женщины стать матерью» разделяет статистически незначимая доля респондентов.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к бездетным семьям?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Положительно, это право каждой семьи	Положительно, если людям хорошо без детей	Отрицательно, в семье должен быть ребенок	Отрицательно, в стране демографическая проблема	Отрицательно предназначение женщины стать матерью	Безразлично	Мне их жалко, может они не могут иметь детей по состоянию здоровья
Аварская	16,2	4,6	20,6	1,0	5,2	3,1	51,3
Даргинская	20,6	7,2	17,9	0,7	3,8	2,1	48,8
Кумыкская	25,2	10,4	20,0	3,0	3,7	1,5	36,3
Лакская	18,3	2,9	21,2	4,8	7,7	5,8	46,2
Лезгинская	22,9	6,4	18,3	0	6,4	5,5	40,4
Русская	22,2	3,7	5,6	1,9	5,6	3,7	57,4
Чеченская	25,0	4,8	29,8	8,3	1,2	2,4	22,6
Другие	18,0	3,3	27,3	1,3	2,0	4,0	45,3
Всего:	19,8	5,6	20,5	1,9	4,4	3,2	45,6

Анализируя современные тенденции в институте семьи, демографическую ситуацию и отношения к бездетным семьям, отечественными исследователями сделан вывод: численность населения в России заметно уменьшается, и в науке сложился определенный набор объяснения демографического кризиса, когда ключевым являются «бедность, стрессовая неуверенность в завтрашнем дне, алкоголизм

и т. п.»¹, хотя «все гораздо сложнее, потому что эти, в общем-то привычные для России явления в наше время соединились с фундаментальным пересмотром представлений о смысле и ценностях семейной жизни, деторождения и самих детей... сила воздействия этой перемены в сознании людей на все параметры современной российской жизни совершенно неслыханна»².

Таким образом, результаты нашего исследования констатируют, что менее критичными в отношении бездетных семей оказались дагестанские русские при наибольшей степени сочувствия и жалости к ним. Самую высокую степень отрицательного отношения, по сравнению с другими этнокультурными группами, продемонстрировали чеченцы и кумыки при одновременно по сравнению с другими подмассивами высоком уровне положительного отношения к бездетным семьям. Наряду с позитивным отношением к семьям такого типа, опрошенные чеченцы демонстрируют самый низкий уровень жалости и сочувствия к ним. При этом основным мотивом отрицательного отношения выступает довод «в семье должны быть дети», а не озабоченность демографической ситуацией в современном российском обществе, что свидетельствует о приверженности глубокой традиции детности в массовом сознании дагестанских народов и низкой ориентированности на социальную значимость репродуктивной функции семьи. Примечательно и то, что негативное восприятие бездетных семей слабо связывается опрошенными с предназначением женщины стать матерью, что следует рассматривать как определенный сдвиг в гендерных ценностях и отношениях, поскольку именно с этой функцией – рождения и воспитания детей – связывался образ женщины у народов Дагестана на протяжении веков, чем мы и пытаемся доказать.

Распределение ответов на этот же вопрос по критерию семейного положения показало, что многое зависит от жизненной ситуации респондентов, от их семейного статуса. Наиболее критичными в отношении бездетных семей оказались респонденты, состоящие в семейных отношениях и особенно вдовцы (одна вторая часть респондентов) по сравнению с женатыми (одна треть респондентов), холостыми (одна четвертая доля), замужними и вдовами (каждый пятый опрошенный), незамужними (одна седьмая часть). Подгруппа вдовцов (каждый пятый опрошенный) проявила столь же высокую ответственность за демогра-

¹ Лексин В.Н. Государственная семейная политика и обычная русская семья // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 57.

² Лексин В.Н. Государственная семейная политика и обычная русская семья // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 57.

фическое состояние общества и крайне критическое отношение к бездетным семьям, полагая, что предназначение женщины заключается в реализации ее репродуктивной функции (каждый пятый респондент) по сравнению с другими подгруппами, доля которых варьируется от 5,5 % замужних до 3,5 % незамужних. Правда, каждый пятый опрошенный среди вдовцов высказался и за право каждой семьи иметь или не иметь детей – «положительно, это право каждой семьи» – при полном отсутствии жалости к бездетным семьям.

Наивысший уровень критичности в отношении бездетных семей проявили представители старших поколений: «от 50 до 60 лет» (35,8 %) и «от 60 лет и выше» (37,1 %) по сравнению с подгруппами «до 20 лет» (14,5 %), «от 20 до 30 лет» (21,8 %), «от 30 до 40 лет» (18,6 %) и «от 40 до 50 лет» (22,6 %) при наименьшем уровне сочувствия к этим семьям, а наивысший уровень сострадания к таким семьям зафиксирован в ответах молодежи «до 20 лет» (52,2 %) и «от 20 до 30 лет» (44,4 %), впрочем, как и в возрастном разрезе «от 30 до 40 лет» (48,7 %) и «от 40 до 50 лет» (43,2 %), и их доля заметно уменьшается с возрастом: 30,2 % «от 50 до 60 лет» и 28,6 % «от 60 лет и выше». Респонденты «до 20 лет» по сравнению с другими возрастными подгруппами менее критично настроены к семьям, не имеющим детей (каждый седьмой опрошенный). При этом позицию «положительно, это право каждой семьи» разделяет почти одинаковая доля опрошенных во всех возрастных подгруппах: 15,1 % «от 30 до 40 лет», 18,9 % «от 50 до 60 лет», 19,9 % «до 20 лет», 20,1 % «от 20 до 30 лет», 20,0 % «от 60 лет и выше», 21,9 % «от 40 до 50 лет».

Образовательный статус респондентов стал фактором серьезных расхождений по изучаемому вопросу с данными по другим переменным. Так, респонденты со средним (каждый пятый опрошенный) и средним специальным образованием (каждый четвертый опрошенный) проявили высшую степень толерантности к бездетным семьям по сравнению с имеющими высшее образование, которые, в отличие от первых, высказались негативно в отношении бездетных семей (каждый пятый опрошенный), причем дань традициям в отношении предназначения женщины среди респондентов с высшим образованием отдали больше всего те, кто убежден, что женщина должна стать матерью (6,8 %). Сочувствие к бездетным семьям, не могущим иметь детей по состоянию здоровья, выражают респонденты с более высоким образовательным статусом (52,2 %) по сравнению с имеющими среднее (45,5 %) и среднее специальное образование (37,7 %).

В разрезе отношения к религии результаты исследования оказались достаточно ожидаемыми: заметно высокую степень толерантно-

сти по отношению к бездетным семьям по сравнению с убежденно верующими (21,5 %), верующими (20,7 %) и колеблющимися (19,4 %) проявили неверующие (29,2 %), хотя они же оказались и более традиционно настроены по вопросу о предназначении женщины: 16,7 % из них убеждены в том, что женщина должна стать матерью. По всей видимости, в данном случае фактор отношения к религии значительной роли не играет, а действуют иные мотивы: приверженность традиционным установкам, не связанным с религиозными ценностями. При этом жалость и сочувствие семейным парам, которые не по состоянию здоровья не в состоянии иметь ребенка, характерна для 50,4 % убежденно верующих, 46,3 % верующих, 34,0 % колеблющихся, и доля таковых заметно снижается в подгруппе неверующих (29,2 %) и убежденно неверующих (16,7 %).

По гендерному признаку неожиданных результатов получено не было: мужчины в большей степени положительно отнеслись к бездетным семьям (23,8 %) нежели женщины (18,1 %) при доминирующем отрицательном отношении к ним (26,7 %), в то время как среди женщин отрицательное отношение проявило примерно такое же количество респондентов (18,2 %), как и положительное, но женщины проявили большее сочувствие в адрес бездетных семей (50,9 %) по сравнению с мужчинами (33,8 %).

Удивительнее всего оказалось то, что при описанных выше результатах, касающихся отношения к бездетным семьям, которые в целом имеют отрицательную окраску, большинство респондентов на вопрос о том, как они относятся к добровольно бездетным семьям, проявили высшую степень толерантности: 59,5 % даргинцев, 56,0 % чеченцев, 55,0 % лезгин, 53,7 % русских, по 51,9 % кумыков и лакцев, 49,2 % аварцев считают «это личным делом каждой семьи». Однако осуждает такое семейное поведение одна третья часть аварского, лакского, русского и лезгинского населения, а высшую степень понимания такого поведения проявили кумыки (каждый четвертый опрошенный) и чеченцы (каждый пятый опрошенный). Представители других национальностей с непониманием отнеслись к такому семейному поведению, но, как мы уже показали, при признании права каждой семьи выбирать свой стиль семейной жизни: так, большая, по сравнению с другими этническими подмассивами, часть кумыков (23,7 %) и чеченцев (20,2 %), заметно меньшая доля даргинцев (9,6 %), аварцев (8,0 %), лезгин (5,5 %), русских (7,3 %) и лакцев (2,9 %) мотивируют свое позитивное отношение тем, что «добровольно бездетные семьи вполне можно понять».

Полученные данные достаточно красноречиво свидетельствуют о противоречиях, имеющихся в отношении к тому, какой должна быть семья и как относиться к реальной семье, т. е. уже можно зафиксировать расхождение между идеальным и реальным в пространстве отношения к семье и семейным ценностям, так как детность – одна из важнейших и традиционно присущих дагестанским народам семейных ценностей.

По показателю семейного положения ситуация примерно такая же: наиболее толерантными оказались люди в подмассиве вдовцов (80,0 %) и незамужних женщин (61,1 %), а также 50,4 % холостых, 56,4 % замужних, 54,1 % вдов, придерживающихся мнения, что это личное дело каждой семьи – иметь или не иметь детей, за исключением женатых мужчин, которые в своем большинстве осудили добровольно бездетное семейное поведение (32,9 %).

Молодежь и в этом вопросе проявила самую высокую степень толерантности: 59,4 % «до 20 лет» и 54,3 % «от 20 до 30 лет» считают это «личным делом каждой семьи», хотя и другие возрастные подгруппы придерживаются аналогичной позиции – «от 30 до 40 лет» (54,8 %) и «от 40 до 50 лет» (51,0 %); среди осуждающих такое семейное поведение в большей степени, что вполне предсказуемо и объяснимо, оказались представители старших поколений – «от 50 до 60 лет» (45,3 %) и «от 60 лет и выше» (45,7 %).

Отношение к добровольной бездетности незначительно детерминировано уровнем образования: примерно в равной степени респонденты с различным образовательным статусом отнеслись к ней как личному делу каждой семьи, выбрав эту позицию как основную, но респонденты с высшим образованием проявили несколько большую степень осуждения такого семейного поведения (32,1 %), хотя в своем большинстве (54,8 %) придерживаются либеральной позиции. Эта же позиция является доминирующей при анализе распределений ответов респондентов по показателю их религиозности, но здесь необходимо отметить, что между убежденно верующими ответы распределились примерно поровну: 40,8 % считают, что «это личное дело каждой семьи» и 40,0 % осуждают такое поведение семьи.

По гендерному показателю особых расхождений во мнениях не наблюдается, но женщины проявили вновь большую толерантность к добровольно бездетным семьям по сравнению с мужчинами: осуждают такие семьи 23,0 % опрошенных женщин и 32,2 % мужчин, но и те и другие в своем большинстве считают, что «это личное дело каждой семьи» – 57,5 % и 45,3 % соответственно.

Значительная степень расхождений между идеальным и реальным проявилась при ответе на вопрос: «**Как Вы считаете, должна ли каждая женщина в обязательном порядке стать матерью (родить ребенка?)**». Ранее мы отметили, что это предназначение женщины для большинства опрошенных уже не является столь очевидным, как это принято было считать ранее, в бытность той самой традиционной семьи, которая нами определена с позиций «мифического образа». Однако ответы на указанный вопрос выявили следующее: по гендерному признаку – мужчины (75,7 %) и женщины (73,2 %) разделяют суждение, что женщина должна стать матерью, если состояние здоровья позволяет ей сделать это. Противоположного мнения – «не обязательно, это личный выбор каждой женщины» – придерживаются 15,7 % опрошенных мужчин и 19,6 % женщин. Таким образом, получается, что при реальной оценке ситуации, заданной нами на примере бездетных семей, было проявлено высокотолерантное для дагестанского населения отношение к бездетности, а также к женскому предназначению (стать матерью), но на уровне массового сознания сохраняются традиционные установки, отражающие идеальные представления о семье и ее функциях, что, конечно же, не может не сказываться на реальных семейных практиках и уровне их конфликтности, о чем мы будем рассуждать позже, в соответствующей части данного исследования.

Аналогичную картину в отношении материнства мы наблюдаем и при распределении ответов по отношению к религии: большинство опрошенных полагают, что женщина должна стать матерью, если позволяет состояние здоровье (больше всех этой позиции придерживаются в подгруппе убежденно верующих – 81,2 %) и только убежденно неверующие на первую позицию поставили необязательность реализации этой функции женщины, считая «это личным выбором каждой женщины» (50,0 %).

Никаких расхождений по данному вопросу в возрастном и образовательном разрезе выявлено не было – с подавляющим перевесом доминирует позиция о том, что женщина должна стать матерью: 72,5 % «до 20 лет», 73,4 % «от 30 до 40 лет», 73,6 % «от 20 до 30 лет», 74,8 % «от 40 до 50 лет», 76,4 % «от 50 до 60 лет», 80,0 % «от 60 лет и выше», 71,4 % со средним, 73,8 % средним специальным и 75,4 % высшим образованием. По критерию семейного положения ситуация в целом такая же, за исключением позиции вдовцов, которые в равной мере высказались и за то, что женщина должна стать матерью (50,0 %) и за то, что это личное дело каждой женщины (50,0 %).

По этнической принадлежности в целом идентичная ситуация, и интерес здесь представляют только данные, свидетельствующие о большей или меньшей приверженности этому утверждению. Как показывают результаты опроса, респонденты-чеченцы (26,2 %), даргинцы (24,7 %) и русские (24,1 %) более либеральны в этом вопросе, что тем не менее не меняет общей картины – с численным перевесом доминирует традиционная установка на обязательность материнства для женщины: 79,8 % лезгинского, 78,5 % кумыкского, 77,6 % аварского, 71,2 % лакского, 70,2 % чеченского, 68,5 % русского и 63,9 % даргинского населения.

В массовом сознании дагестанцев сохраняется негативное отношение к искусственному прерыванию беременности и, как показало наше исследование, только особое предписание врача, определяющее угрозу жизни матери, может служить оправданием такого поступка. В национальном разрезе, по сравнению с другими подгруппами, придерживающимися данной позиции, больше русских респондентов (больше половины опрошенных). Такие мотивы, как нежелательная беременность или плохое материальное положение семьи, не могут быть оправданием искусственного прерывания беременности для большинства опрошенных нами, которые проявляют отрицательное отношение к этому поступку как по религиозным, так и по чисто человеческим, гуманистическим установкам. Так, конфессиональный фактор является определяющим для респондентов-чеченцев (больше половины опрошенных). В значительной, хоть и меньшей степени, по сравнению с респондентами-чеченцами, его придерживаются представители других национальностей, за исключением русских, а гуманистический принцип («нельзя убивать неродившегося ребенка») является значимым примерно в равной степени для всех опрошенных, кроме чеченцев, отдавших предпочтение религиозному фактору (см. табл. № 2).

Семейный статус и жизненная ситуация вносят, видимо, свои коррективы в отношении к тем или иным явлениям семейной реальности, а потому женатые (40,1 %), замужние (45,5 %) и вдовы (51,4 %) проявили в меньшей степени категоричность в оценке аборта с мотивировкой, «если это угрожает здоровью женщины и предписано врачом» нежели незамужние (35,1 %) и холостые (39,9 %), придерживающиеся отрицательного суждения – «по религиозным канонам – это грех». Далее: позиции «отрицательно, нельзя убивать неродившегося ребенка» придерживаются 10,0 % опрошенных в подгруппе вдовцов, 21,6 % вдов, 23,4 % женщин и 24,3 % мужчин, состоящих в браке, 34,1 % холостых и 36,4 % незамужних. Еще более категорично – «если

женщина забеременела, она обязана родить» высказывается большая часть из подгрупп, не имеющих семейный статус – 16,7 % холостых, 15,7 % незамужних и 13,5 % вдов.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы относитесь к искусственному прерыванию беременности?»
(варианты ответов даны по группам национальностей в %
от общего количества опрошенных)**

Варианты ответов // Национальности	Положительно, если это угрожает здоровью женщины и предписано врачом	Положительно, если эта нежеланная беременность	Положительно, если материальное состояние семьи не позволяет иметь больше детей	Отрицательно, по религиозным канонам – это грех	Отрицательно, нельзя убивать неродившегося ребенка	Отрицательно, если женщина забеременела, она обязана родить
Аварская	43,3	10,6	10,3	37,9	28,9	13,4
Даргинская	37,8	6,5	8,2	32,3	34,7	20,3
Кумыкская	31,1	15,6	7,4	34,8	24,4	10,4
Лакская	50,0	11,5	10,6	30,8	26,9	14,4
Лезгинская	41,3	7,3	14,7	22,9	27,5	15,6
Русская	53,7	9,3	16,7	11,1	33,3	14,8
Чеченская	19,0	2,4	0	67,9	14,3	10,7
Другая	36,7	8,0	10,0	30,0	30,7	13,3
Всего:	39,3	9,1	9,5	34,4	28,9	14,8

А вот наивысшую степень категоричности, если рассматривать данный вопрос в возрастном разрезе, проявила дагестанская молодежь: «до 20 лет» (39,5 %) и «от 20 до 30 лет» (39,9 %), хотя с возрастом снижается доля негативно оценивающих возможность искусственного прерывания беременности – 21,6 % «от 30 до 40 лет», 32,3 % «от 40 до 50 лет», 26,4 % «от 50 до 60 лет», 14,3 % «от 60 лет и выше». Иными словами, среди всех возрастных групп именно молодежь в большей степени воспринимает искусственное прерывание беременности как грех и наиболее негативно относится к этому явлению, что, с одной

стороны, может показаться странным, если учесть характер динамики добрых отношений в целом по России и статистику аборт среди молодого поколения, но, с другой – рассматривается нами как вполне закономерное явление с точки зрения доминирования в сознании дагестанской молодежи идеальных представлений о семье и семейном поведении, пока сама семейная реальность и жизнь не подвергают некоторой корректировке эти представления. Потому именно среди взрослого населения отношение к искусственному прерыванию беременности несколько иное, особенно если это поведение продиктовано состоянием здоровья женщины и угрожает ее здоровью: 43,2 % «от 40 до 50 лет», 49,7 % «от 30 до 40 лет», 54,3 % «от 60 лет и выше», 54,7 % «от 50 до 60 лет».

Вполне ожидаемо по критерию религиозности: наименьшую категоричность в отношении к данному вопросу проявили неверующие, в большей степени принимающие в расчет мотивы прерывания беременности, связанные с состоянием здоровья (50,0 %), нежелательной беременностью (25,9 %) или наличием материальных проблем (12,5 %), хотя при этом именно среди убежденно неверующих самый высокий процент отрицательно относящихся к аборту по гуманистическим причинам – «нельзя убивать неродившегося ребенка» (33,3 %). По гендерному критерию и уровню образования кардинальных расхождений не наблюдается в данном вопросе, хотя среди опрошенных женщин больше тех, которые оправдывают аборт в случае негативных показателей здоровья (41,5 %), тогда как среди мужчин доля таковых составляет 34,6 %.

Наиболее интересные и важные выводы с точки зрения соотношения традиционного и инновационного в пространстве семейных отношений дагестанского общества можно сделать, обратившись к вопросу о гражданских (незарегистрированных) семьях. Согласно исламским традициям, брак, заключенный по шариатским законам, не только приравнивается к официальному, но и имеет большее значение для мусульманских народов, а потому и были получены ранее нами данные о том, что незарегистрированный брак больше соответствовал по своему характеру понятию «семья» нежели неполная семья. Иными словами, традиционное и инновационное перемешалось в массовом восприятии современных дагестанских народов, а потому резко отрицательных оценок этому виду семьи мы не получили, а с учетом распространяющейся тенденции роста шариатских браков в Дагестане по ряду вопросов были получены удивительные, с точки зрения строгих нравов дагестанского общества, результаты. Так, каждый пятый опрошенный среди аварцев положи-

тельно относится к гражданским семьям, считая, что «печать в паспорте не имеет значения», хотя наибольшее количество позитивно настроенных к такого рода семьям было выявлено все же среди русских респондентов (каждый третий опрошенный), которые также убеждены больше, чем представители других национальностей из числа участников опроса, что «люди должны проверить свои отношения, прежде чем заключить официальный брак», что является своеобразным индикатором положительного отношения к гражданским семьям для каждого пятого опрошенного среди русских. Также русские респонденты, по сравнению с другими подмассивами, (каждый третий опрошенный), поддержали позицию, что к гражданским семьям можно положительно относиться, если по каким-то причинам люди не могут официально оформить свои отношения. Позитивное восприятие подобного типа семьи у других респондентов связано с тем, что религия позволяет им заключить брак по исламским предписаниям, а это, как они полагают, важнее регистрации брака в ЗАГСе. Данную позицию разделяет одна треть опрошенных аварцев, четвертая часть даргинцев, лакцев, каждый пятый респондент в подгруппе кумыкского, чеченского и лезгинского народов.

Для определенной части опрошенных гражданский брак может быть вполне заменен шариатским, а потому к нему не следует относиться отрицательно, но когда респонденты (те же аварцы), давшие положительную оценку гражданским семьям, в еще большем количестве оценивают их отрицательно (каждый третий опрошенный), считая, что исламское вероучение не допускает добрачных отношений, становится очевидным, что проводится четкая дифференциация между религиозным браком и гражданским браком в современном его понимании как сожительства (см. табл. 3).

Прежде чем перейти к анализу полученной информации, представляется необходимым остановиться на кризисе семьи в ее проявлении как сожительства. В современной социологии семьи сожительство рассматривается в русле двух традиций: сущность первого направления заключается в изучении сожительства в рамках институционального кризиса традиционного брака, базирующемся на идее П. А. Сорокина о «падении семейных устоев»: кризисное состояние вызывает ослабление брачных связей, которые поддерживались религиозными нормами и экономической несамостоятельностью женщин¹.

¹ Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В. «Мы просто живем вместе»: сожительство в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Том XVIII. № 4 (81). С. 83.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к гражданским (не зарегистрированным, сожительствующим) семьям?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварская	Даргинская	Кумыкская	Лакская	Лезгинская	Русская	Чеченская	Всего:
Позитивно, печать в паспорте не имеет значения, если они любят друг друга и им хорошо вместе	20,1	18,6	19,3	19,2	19,3	29,6	8,3	19,8
Позитивно, люди должны проверить свои отношения, прежде чем заключить официальный брак	7,2	11,7	10,4	7,7	15,6	24,1	14,3	11,2
Позитивно, если какие-то причины не позволяют людям официально оформить свои отношения	16,8	14,8	9,6	26,9	23,9	37,0	8,3	17,5
Позитивно, наша религия позволяет заключить брак по исламским предписаниям, а это важнее регистрации брака в ЗАГСе	37,9	26,8	22,2	23,1	20,2	3,7	21,4	26,6
Позитивно, можно заключить шариатский брак, и людей в таком браке не будут называть сожителями	24,0	16,2	10,4	14,4	15,6	0	11,9	16,4

Негативно, если отношения не будут оформлены по одному из возможных вариантов (или по религиозным предписаниям, или по закону)	22,7	23,4	15,6	17,3	20,2	9,3	7,1	19,4
Негативно, наша религия не допускает добрачных отношений	33,2	30,9	19,3	26,9	23,9	11,1	23,8	27,1
Негативно, незарегистрированные отношения порождают безнравственность	10,6	9,3	11,9	12,5	11,0	9,3	10,7	10,5
Негативно, тем самым нарушаются традиционные устои нашего общества	11,3	13,4	18,5	14,4	13,8	13,0	21,4	14,0
Негативно, гражданский брак разрушает традиционные семейные отношения и семейные ценности	11,1	12,0	8,1	12,5	11,0	24,1	8,3	12,2
Негативно, возможность сожительства под прикрытием гражданского брака способствует утрате важности семьи, семейных ценностей...	17,8	23,0	14,1	20,2	20,2	24,1	7,1	18,6

В западной науке теория кризиса рассматривается в работах А. Карлсона, ставящего вопрос: «В каком направлении движется институт семьи, охваченный кризисом в конце XX в. и в последние дни второго тысячелетия.... В США и других частях индустриального мира необходимо поднять социальное значение семьи и усилить политическое влияние этого института перед лицом нового мирового порядка, корпоративной экономики и современного государства»¹ и далее:

¹ Карлсон А. Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Пер. с англ. под науч. ред. А.И. Антонова. М.: Грааль, 2003. С. 109.

«Первые годы XXI в. свидетельствуют о беспрецедентном глобальном кризисе семьи. В большинстве развитых стран рождаемость упала значительно ниже уровня простого воспроизводства населения. Депопуляция стала новой реальностью мира. Массовое уклонение от брака столь же очевидно: брак или замещается сожительством или отвергается вообще разнообразием форм домохозяйства. А для тех, кто все же вступает в брак, развод все чаще становится привычным исходом»¹. По мнению А. Карлсона, реакцией на разрушение полной семьи является простое сожительство без заключения брака, хотя оно не смогло выступить в полной мере «в качестве альтернативы семьи. Вместо того, чтобы содействовать сплоченности взаимоотношений, совместно проживающие пары характеризуются чрезвычайно высокой степенью разобщенности. Вместо того, чтобы стать проверкой, обеспечивающей последующее счастье, сожительство ассоциируется с низким уровнем стабильности и высоким уровнем разногласий»².

По мнению отечественных исследователей, рассматривая сожительство как выражение разрушительного процесса в пространстве брачного поведения, ученые, придерживающиеся теории кризиса при характеристике современного состояния семьи, сконцентрированы на поиске механизма изживания возникшей ситуации: «выход из которой усматривается в реставрации основных институтов и восстановлении утраченных ими функций». Кроме того, в рамках модернистского направления сожительство является выражением ««современного» брачного поведения, следствие модернизации семейного института, в ходе которой неизбежно появление новых форм брака и изменение его функций»³. Также следует отметить, что «сожительство определяется как предбрачный этап, «пробный брак», период выбора партнера и подготовки к браку. Это смещает исследовательский фокус от собственно сожительства в сторону изучения институциональных основ брака. Кроме того, в рамках модернистской позиции находятся исследования взаимосвязи брака и сожительства в современных условиях»⁴.

Модернистский подход получил свою разработку и развитие в исследованиях С. И. Голод, А. Г. Вишневого, С. В. Захарова,

¹ Карлсон А. Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Пер. с англ. под науч. ред. А.И. Антонова. М.: Грааль, 2003. С. 3.

² Там же. С. 40.

³ Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В. «Мы просто живем вместе»: сожительство в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Том XVIII. № 4 (81). С. 84.

⁴ Там же. С. 83.

А. Р. Михеевой¹. По мнению Е. Г. Лактюхиной и Г. В. Антонова, «если в теориях кризиса сожителство описывается в категориях морального упадка (как следствие сексуальной революции), то в работах модернистского направления фактические браки – закономерный результат эволюции брачного поведения, расширение границ личной свободы, способствующее появлению новых форм семейных отношений и социальных норм»².

По мнению С. В. Захарова, в современном российском обществе официальный брачный союз утрачивает свою притягательность по причине существования ориентаций на вариативную форму брака – гражданский брак, несмотря на то, что «из исторического опыта России известно, что прочность союзов, основанных на добровольном согласии, при прочих равных условиях ниже, чем официальных браков... Именно поэтому из профессионального стана демографов, социологов и политиков часто следует посыл уничижительно-дискриминационного свойства по отношению к незарегистрированным союзам. Призывы к «укреплению и возрождению семейных ценностей» сегодня в России все более трансформируются в призыв не допустить дальнейшего распространения «незаконных сожителств»³. Интересна позиция С. В. Захарова при анализе роли сожителства в демографических процессах: «Опыт ряда развитых стран свидетельствует, что переход к многообразию типов супружеских отношений, когда привычный брак соседствует с консенсуальным союзом, соответствует росту рождаемости. Сегодня в Европе более высокая общая рождаемость наблюдается в тех странах, где высока и доля «внебрачных» рождений»⁴.

Если перейти к результатам нашего исследования, то наибольшую либеральность во взглядах на семьи гражданского типа проявили подмассивы мужчин, которые еще не состоят в браке (34,5 %) и вдовцы (20,0 %), в то время как незамужние женщины негативно воспринимают такую форму семейного взаимоотношения – всего 17,3 % считают гражданский брак положительным явлением. Среди женатых респон-

¹ Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России: 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.; Голод С.И. Трансформация эротико-эмоциональных отношений молодежи на протяжении XX столетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 2. С. 52–71; Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. № 4. С. 73–112; Михеева А.Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. 156 с.

² Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В. «Мы просто живём вместе»... С. 84.

³ Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи ... С. 111.

⁴ Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи ... С. 111.

дентов позитивное восприятие подобных семей (36,2 %) проявлено только в исламском аспекте, связанном с возможностью оформления брачных отношений в религиозном формате, а это ценится больше, нежели официально зарегистрированный в ЗАГСе брак (36,2 %), а в том смысле, который вкладывается в понятие гражданского брака, 30,3 % опрошенных женатых мужчин и 26,0 % замужних женщин проявили отрицательное отношение с мотивацией «наша религия не допускает добрачных отношений», впрочем как и незамужние женщины, доля которых еще больше (33,3 %). Безнравственными подобные семьи считают преимущественно вдовы (21,6 %), а 40,0 % овдовевших мужчин из числа опрошенных нами убеждены в том, что такие семьи расшатывают устои традиционного общества. В наибольшей степени лояльность к гражданским семьям характерна для молодежи в возрасте до 20 лет (одна четвертая часть), хотя примерно такая же доля – отрицательно по причинам религиозного характера. Далее: каждый пятый опрошенный в данной возрастной подгруппе придерживается позиции необходимости оформления брака по одному из вариантов – по религиозным обычаям или официально законным. Относительную терпимость к гражданскому браку проявили также представители возрастной группы «от 40 до 50 лет», считающие, что штамп в паспорте не является непременным условием семейной жизни и семейного благополучия (каждый пятый опрошенный). Но больше всего положительных оценок во всех возрастных группах, за исключением самой старшей («от 60 лет и выше» – 11,4 %), связаны с возможностью заключения брака по исламским предписаниям: 28,6 % «до 20 лет», 27,5 % «от 20 до 30 лет», 22,6 % «от 30 до 40 лет», 25,8 % «от 40 до 50 лет», 32,1 % «от 50 до 60 лет».

На основе эмпирических данных можно сделать вывод, что в установках опрошенных дагестанских народов превалирует отрицательная оценка незарегистрированных, сожительствующих семей с мотивацией негативного отношения исповедуемого вероучения к добрачным отношениям (каждый четвертый опрошенный по всему массиву), однако такая же доля демонстрирует положительное восприятие такой формы семьи, потому что, по мнению респондентов, «наша религия позволяет заключить брак по исламским предписаниям, а это важнее регистрации брака в ЗАГСе».

Таким образом, мы можем сделать вывод: представления о семье у представителей дагестанских народов в значительной степени детерминированы религиозными установками, которые в наименьшей степени характерны для самой старшей возрастной группы и в высокой

степени – для молодежи, что связано с повышением роли религиозного компонента в жизни современного Дагестана.

Противоречивое отношение к гражданским семьям, вызванное значительным влиянием конфессионального фактора как позволяющего официально не регистрировать супружеские отношения, проявилось также и при оценке ответов по критерию уровня образования респондентов: в целом 20,0 % положительно отреагировавших на оценку такого типа семьи считают, что штамп в паспорте роли не играет; позитивная оценка 27,0 % респондентов обусловлена конфессиональными установками (возможность создания семьи по религиозным обычаям), а 27,3 % проявили отрицательное отношение по тем же религиозным причинам, в соответствии с которыми добрачные отношения запрещены. При этом среди тех, кто поддерживает позицию «печать в паспорте не имеет значения, если они любят друг друга и им хорошо вместе» оказалось 25,0 % респондентов со средним образованием (самый высокий показатель), а наибольшую критичность в этом вопросе проявили респонденты, имеющие высшее образование, отметив суждение «наша религия не допускает добрачных отношений» (30,8 %), хотя традиционно считалось, что влиянию традиционных, зачастую стереотипных и неадекватных реальности обычаев, норм подвержены люди с невысоким уровнем образования или без такового вообще.

Значительный разрыв в ответах респондентов зафиксирован по гендерному признаку: 27,2 % мужчин высказались за положительное отношение к гражданскому браку против 17,0 % женщин, которые в своем большинстве считают, что подобные семьи противоречат религиозным и в целом традиционным устоям общества и являются не лучшим примером для молодежи. Даже такому оправданию этих семей, как возможность их создания по исламским предписаниям, женщины проявили меньшую благосклонность, нежели мужчины (24,4 % и 32,2 % соответственно), хотя 28,9 % женщин отрицательно отнеслись к гражданским семьям по причине того, что религия не допускает добрачных отношений.

Е. В. Чурилова, анализируя положение неполных семей или, как она их называет, «однородительская семья», приводит теорию А. Черлина о роли полового равноправия в распространении сожительства и рождений вне официально зарегистрированного брака: «женщины ищут мужчин, которые не только будут приносить в семью доход, но и будут их поддерживать и помогать в домашних делах и воспитании детей. Распространение сожительства связано с поиском удовле-

творяющего требованиям партнера, т. к., в отличие от брака, сожительства легче прекращаются»¹.

Иное восприятие института брака, с апелляцией к исследованиям XIX столетия, показывает С. И. Голод, когда цель брачного союза: «христианское рождение и воспитание детей, половой инстинкт признается нечестивым, удовлетворение его ради одного удовольствия – смертельный грех; поэтому целью брака религия ставит рождение и воспитание добрых христиан, освящая плотский и сам по себе греховный союз благодатью таинства»².

Строгие взгляды дагестанских женщин на семейные отношения и форму их организации проявились и в ответах на вопрос: «**Как Вы относитесь к многоженству?**». По результатам нашего исследования, 56,2 % отнеслись негативно к этому явлению, которое может разрушить семью по той причине, что не каждая женщина захочет, чтобы у мужа была «вторая» жена; доля мужчин, придерживающихся аналогичной позиции, заметно меньше и составляет 33,8 %. Треть опрошенных женщин считает, что многоженство является прикрытой формой безнравственности, а среди мужчин – существенно меньше (15,7 %). Интересно, что респонденты по гендерному признаку в своем большинстве не считают многоженство пережитком прошлого: мужчина не уходит из «первой» семьи, продолжая ее обеспечивать, многоженство, по мнению 28,5 % опрошенных мужчин и 13,5 % женщин, можно считать положительным явлением. Если обратиться в недавнее прошлое, то, как отмечает К. А. Алиев, к полигамности негативно относились даже многие «традиционные» мусульмане в силу своего советского воспитания. Где существовало многоженство, там «вторая жена» не воспринималась дагестанским обществом как полноценная законная жена, обладающая всеми правами. Брак со «второй женой» был социально непрочным, и при разводе с ней муж не нес правовой ответственности. Брак со «второй женой» часто становился причиной распада первых семей. По шариату мужчина имеет право брать себе в жены до 4 жен, но при условии, что он сможет создать им равные условия и ко всем относиться одинаково, что, однако, ему не под силу³.

Далее: каждый четвертый опрошенный по всему массиву негативно оценивает многоженство с мотивацией, что так «пытаются при-

¹ Чурилова* Е.В. Основные подходы к изучению факторов формирования и распространения семей с одним родителем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 4 (75). С. 156.

² Голод С.И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XV. № 2 (61). С. 21.

³ Алиев А.К. Многоженство – социальная болезнь ... С. 26.

крыть безнравственность»; обращает на себя внимание процентное соотношение по гендерному признаку: позиция 30,4 % женщин и в 2 раза меньшей доли мужчин (15,4 %) свидетельствует о существовании в массовом сознании мужской части общества иного подхода, оценки и отношения к данному явлению.

Трансформация семейных и ценностных установок у дагестанских народов отражается в изменении репродуктивных установок. Семья занимает особое место в культуре народов Дагестана, а дети – особое место в семейной культуре. По сути, дагестанские семьи и по сей день остаются детоцентристскими, то есть дети являются смыслом формирования и жизнедеятельности семьи, а потому жизненный цикл дагестанской семьи неразрывно связан с рождением и воспитанием детей. Тем интереснее результаты ответов на вопрос о том, когда в семье должен появиться первый ребенок, анализ которых показал, что это время, судя по ответам респондентов, определяет сама семья, хотя у некоторых народов еще сохраняются традиционные взгляды на этот вопрос: так, респонденты-чеченцы (каждый второй опрошенный) и кумыки (каждый третий опрошенный) полагают, что это должно произойти сразу после брака, а в остальных этнических подгруппах придерживаются позиции «в любое время, которое покажется нужным для конкретной семьи» (см. табл. 4). При этом в последнем наибольшую убежденность проявили респонденты русские (больше половины опрошенных). Интересен и тот факт, что материальная устойчивость как основа имеет более высокое значение для опрошенных кумыков и лезгин, а для аварцев и даргинцев это условие является более значимым, чем прочность супружеских отношений.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Когда в семье должен появиться первый ребенок?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Сразу после брака	После того, как семья обретет социальную и материальную устойчивость	В любое время, которое покажется нужным для конкретной семьи	Когда супруги проверят свои отношения и будут уверены в их прочности
Аварская	25,3	18,0	43,0	14,2
Даргинская	20,3	17,5	44,3	16,5
Кумыкская	33,3	32,6	23,0	10,4
Лакская	26,0	17,3	45,2	10,6
Лезгинская	22,0	23,9	44,0	9,2

Варианты ответов // Национальности	Сразу после брака	После того, как семья обретет социальную и материальную устойчивость	В любое время, которое покажется нужным для конкретной семьи	Когда супруги проверят свои отношения и будут уверены в их прочности
Русская	20,4	18,5	59,3	1,9
Чеченская	47,6	19,0	21,4	8,3
Другая	24,0	22,0	40,0	13,3
Всего:	25,9	20,4	40,5	12,6

В ответах на вопрос «**Когда в семье должен появиться первый ребенок?**», по возрастному признаку можно отметить определенные отличия: в установках 44,2 % опрошенных в «от 30 до 40 лет», 41,6 % «от 20 до 30 лет», 40,6 % «до 20 лет», 40,0 % «от 40 до 50 лет» и 38,7 % «от 50 до 60 лет» превалирует суждение: «в любое время, которое покажется нужным для конкретной семьи», и заметно снижается доля таковых в подгруппе «от 60 лет и выше», которая придерживается иного суждения – «сразу после брака» (48,6 %). Также трансформация репродуктивных ориентаций и установок особенно заметна при анализе распределений ответов по возрастному критерию: материальная устойчивость как условие появления первого ребенка в семье важна, по сравнению с другими подгруппами, для опрошенных в разрезе «до 20 лет» (28,3 %), причем ее значимость с возрастом снижается: 19,3 % «от 20 до 30 лет», 18,1 % «от 40 до 50 лет», 17,0 % «от 50 до 60 лет», 11,1 % «от 30 до 40 лет» и выделяется подгруппа «от 60 лет и выше», статистически небольшая часть которой указала на важность данного фактора (2,9 %). Вместе с тем наибольшая, по сравнению с другими подгруппами, часть в возрасте «от 50 до 60 лет» появление ребенка связывают с уверенностью супругов в прочности своих отношений (15,1 %).

По гендерному признаку: большую традиционность при ответе на данный вопрос проявили мужчины (29,8 %), придерживаясь позиции, что ребенок должен появиться сразу после брака, а доля таковых среди женщин меньше (23,7 %). Кроме того, респонденты мужчины демонстрируют и несколько более высокую степень практичности в данном вопросе, отметив значимость материального фактора в появлении ребенка в семье (22,5 %) в противовес 19,1 % женщин, что вполне объяснимо, так как финансовая сторона жизнедеятельности дагестанской семьи, как правило, обеспечивается мужчиной, а вот прочность супружеских отношений оказалась более важна для женской части, отвечающей за эмоциональную сторону отношений в семье.

Свидетельством того, что современная дагестанская семья нуклеаризируется, приближаясь к тому облику традиционной семьи, который уже не содержит в своем основании многопоколенный состав, являются результаты ответов на вопрос о том, должна ли проживать молодая семья совместно с родителями. И хотя имеется некоторая разница в ответах на этот вопрос по национальному признаку (особенно высокий традиционализм в этом плане проявили опрошенные чеченцы), в целом респонденты убеждены в том, что молодая семья должна проживать самостоятельно и справляться со своими проблемами (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Должна ли молодая семья проживать совместно с родителями?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Да, родители должны материально помогать молодым	Да, по традиции дети (сын, дочь) обязаны помогать родителям	Да, по традиции сын обязан помогать родителям	Да, родители помогут молодым психологически адаптироваться	Да, чтобы родители помогли с уходом за ребенком	Нет, молодая семья независимо от родителей должна себя самостоятельно обеспечивать	Нет, это может спровоцировать семейные конфликты	Нет, молодые должны научиться самостоятельно справляться со всеми проблемами
Аварская	9,8	15,7	17,5	7,0	6,4	44,6	29,9	48,7
Даргинская	9,6	15,8	20,6	11,7	10,3	46,7	28,9	51,9
Кумыкская	24,4	17,8	16,3	10,4	8,1	26,7	16,3	24,4
Лакская	13,5	12,5	15,4	6,7	14,4	32,7	26,9	39,4
Лезгинская	12,8	20,2	28,4	9,2	12,8	23,9	21,1	32,1
Русская	9,3	11,1	7,4	7,4	7,4	50,0	31,5	57,4
Чеченская	36,9	28,6	14,3	13,1	3,6	13,1	3,6	16,7
Другая	12,0	17,3	24,0	9,3	12,0	30,7	22,7	41,3
Всего:	13,8	16,9	18,9	9,2	9,1	37,2	24,9	42,3

Эмпирические результаты показывают, что по национальной принадлежности большая доля респондентов даргинцев и русских, одна вторая часть аварцев, каждый третий среди лакцев и лезгин, каждый четвертый среди кумыков придерживается позиции о необходимости предоставления молодой семье возможности справиться со всеми проблемами самостоятельно. По другим параметрам, в частности молодые представители дагестанского общества наряду с более старшими поколениями (в пределах от 35,8 % в возрасте «от 50 до 60 лет» до 44,9 % «до 20 лет»), отмечают необходимость обеспечения самостоятельности молодым супругам. Вместе с тем зафиксирован определенный разрыв мнений по гендерному показателю: женщины менее склонны поддерживать мнение о совместном проживании молодой семьи с родителями, что, видимо, объясняется тем, что для женщины проживать с родителями после выхода замуж означает «проживать с родителями мужа», в то время как мужчина остается в своей семье и находится в более выгодной, с точки зрения эмоционального комфорта, ситуации нежели женщина. Так, 41,1 % женщин и 29,8 % мужчин считают, что молодая семья должна иметь независимость от родителей и самостоятельно обеспечивать себя; далее 47,4 % женщин и 31,4 % мужчин ближе утверждение, что молодая семья должна научиться самостоятельно справиться со всеми проблемами; против совместного с родителями проживания выступают 27,7 % женщин и заметно меньшая доля мужской части (18,8 %) с мотивацией возникновения семейных конфликтов. Также обращает на себя внимание такой факт, что опрошенные мужчины, выступающие за совместное проживание с родителями, отмечают традиционную обязанность сына помогать родителям (31,7 %) в противовес 13,6 % женщин; кроме того, 24,1 % опрошенных мужчин считают, что «дети (сын, дочь) по традиции обязаны помогать родителям», при этом доля женщин существенно меньше (13,8 %). Далее: на материальную помощь родителей по сравнению с женщинами (12,3 %), в большей степени рассчитывают мужчины (17,0 %); на помощь родителей в психологической адаптации молодых после заключения брака надеются 13,4 % опрошенных мужчин и статистически небольшая доля женщин (7,3 %).

Понятие молодой семьи в значительной мере дифференцировано в современном мире, что связано с трансформацией самого восприятия молодости у разных народов и в разных уголках мира. У дагестанских народов ранние браки – часть давних семейных традиций, что стало возвращаться в реальность по мере усиления влияния религиозных ценностей и установок, а потому в их массовом сознании сформирова-

лось двойное отношение к данному явлению: с одной стороны, они положительно относятся к ранним бракам, если сама девушка не возражает, а с другой – вполне справедливо полагают, что в этом возрасте девушка еще не готова к семейной жизни (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к ранним бракам, когда родители отдают девушку замуж до достижения ею совершеннолетия (до исполнения 18 лет)?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Положительно, наша религия допускает заключение брака с определенного возраста (14 лет и 7 месяцев)	Положительно, если сама девушка не против вступления в брак	Отрицательно, в таком возрасте девушка еще не готова к семейной жизни	Отрицательно, ранние браки приводят к разводу и увеличению числа неполных семей	Отрицательно, если девушка не получит образования, она будет находиться в полной материальной зависимости от мужа
Аварская	33,5	38,1	30,2	26,3	14,9
Даргинская	23,4	44,0	36,8	22,0	17,2
Кумыкская	20,7	20,7	31,1	35,6	16,3
Лакская	16,3	31,7	38,5	22,1	28,8
Лезгинская	15,6	30,3	45,9	23,9	24,8
Русская	7,4	22,2	59,3	27,8	35,2
Чеченская	29,8	16,7	16,7	44,0	8,3
Другая	19,3	36,0	40,0	24,0	32,0
Всего:	24,2	34,2	35,1	26,7	19,8

По этническому признаку: разделяющих позицию, что в очень раннем возрасте молодая девушка еще не готова к семейной жизни в сравнении с другими подмассивами заметно больше среди респондентов русских (больше половины опрошенных) и лезгин (одна вторая доля). Однако каждый третий опрошенный среди аварцев, даргинцев,

кумыков и лакцев также придерживается позиции о недостаточной психологической зрелости девушки для заключения брака. При этом выделяются респонденты-чеченцы, наименьшая часть которых разделяет данное суждение. Вместе с тем второе ранговое место занимает вариант ответа, положительно оценивающий ранний брак, если сама девушка изъявляет желание создать семью: каждый второй опрошенный среди даргинцев, одна треть аварцев, лакцев и лезгин; заметно снижается процентное соотношение среди опрошенных русских и кумыков (пятая часть опрошенных), а также среди чеченцев (каждый шестой опрошенный). Третье ранговое место занимает негативная оценка раннего вступления девушек в брак с мотивацией, что «ранние браки приводят к разводу и увеличению числа неполных семей», подчеркнутая каждым вторым респондентом в подгруппе чеченского населения, одной третью кумыков, каждым четвертым среди аварцев, лезгин и русских, каждым пятым среди лакцев и даргинцев. Вместе с тем каждый третий опрошенный среди аварцев и чеченцев, каждый четвертый среди даргинцев, каждый пятый среди кумыков и заметно меньшая доля лакцев и лезгин (каждый шестой опрошенный) апеллируют к исламскому вероучению, допускающему заключение брака с определенного возраста. Далее: отрицательный подход к раннему браку демонстрируют в подгруппе русских и лакцев каждый третий опрошенный, лезгин – каждый четвертый опрошенный, акцентируя внимание на необходимости получения девушкой образования, что позволит ей быть материальной независимой от своего супруга.

Для понимания того, какой образ семьи дагестанские народы считают правильным, желаемым, идеальным, мы обратились к вопросам о значимости для них национального и религиозного фактора. Ю. В. Бромлей отмечал, что «из всех типов социальных общностей, за исключением конфессиональных общностей и каст, наибольшей степенью замкнутости круга брачных связей обладают этносы, и эндогамия выступает как фактор культурного обособления одного этноса от другого»¹. Нарушения этнической эндогамии, превышающие некоторую стихийно складывающуюся среднюю норму, свидетельствуют о деформации структуры этнической идентичности и сигнализируют о далеко зашедшем процессе этнотрансформационных изменений².

Замеры межэтнических установок осуществлены с применением шкалы социальной дистанции Богардуса, позволяющей установить и

¹ Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6. С. 91.

² Крюков В.М. Обсуждение статьи З.П. Соколовой // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 29–41.

охарактеризовать ориентации дагестанцев в разных сферах социального взаимодействия. Предпочтительность принятия представителя инонациональной принадлежности, расы, вероисповедания в разных сферах межличностного взаимодействия является индикатором имеющейся социальной дистанции, которую опрошенный отмечает между собой и представителями иных этнических образований.

Анализ результатов исследования показывает, что больше половины опрошенных дагестанских народов ориентированы на принятие человека другой национальной принадлежности в свою семью. При этом обращает на себя внимание, что чуть большая часть опрошенных дагестанцев принимают межнациональный брак своих детей, в противовес собственному смешанному брачному союзу. Среди тех, кто не готов на заключение межэтнического брачного союза, заметно выделяются респонденты-аварцы и даргинцы (каждый четвертый опрошенный), воспринимающие его негативно.

Результаты нашего исследования констатируют отсутствие у опрошенных дагестанских народов явно выраженных этнических барьеров: опрошенные дагестанцы демонстрируют толерантные установки практически во всех сферах социального взаимодействия, но особенно ярко они проявляются в их готовности принять представителя инонациональной общности в качестве «гражданина России», «жителя республики», «коллеги по работе», «соседа по дому, квартире», «партнера в совместном деле». Толерантное восприятие опрошенных несколько снижается в отношении принятия «непосредственным начальником», «своего (-ей) супруга (-и)» и «супруга (-и) своих детей», иными словами, социальная дистанцированность увеличивается на уровне семейно-брачной сферы.

В условиях многонациональности дагестанского социума исторически сложившаяся полиэтничность обусловила единую историю, историческую память, интенсивные экономические и культурные связи. Семья является олицетворением культурного и национального многообразия. По мнению М. М. Шахбановой, «увеличению числа межнациональных браков способствует постоянное общение между людьми разных национальностей на производстве, в учебных заведениях, в общественных местах, в быту, все возрастающая свобода брака и брачного выбора, новые критерии определения уровня моральности брака, преобразования во всех областях культуры, развитие у людей интернационального сознания. Существенное влияние на частоту тех или иных вариантов межнациональных браков могут оказать исторические тра-

диции брачных связей различных народов, их этнокультурная близость или различия, установки на межнациональное общение в семье»¹.

Кроме того, у народов исповедующих исламское вероучение важнейшим фактором, учитываемым при заключении брака, является конфессиональная принадлежность брачного партнера. Более того, исследователи отмечают прямую зависимость демографического поведения от распространенной в конкретном социуме вероисповедания. Так, М. Н. Губогло на основе сравнения динамики прироста населения в республиках, где доминируют исламское и православное вероучения, пришел к выводу о сильном воздействии исламского компонента на демографическое поведение: «этностатистический подход позволил выявить такую картину развития этнодемографических процессов, которая сама подтолкнула к определенному выводу и обнажила роль ислама в формировании национального состава автономных республик Российской Федерации»².

Результаты исследования являются основанием для разделения провозглашенного этнического поведения от подлинного, потому что они могут только частично совпадать друг с другом. Существование в массовом сознании ориентации на межнациональное общение и контакты еще не является свидетельством желания их поддерживать, ибо в реальности этнические общества, конкретно, их представители, могут демонстрировать интолерантность к межэтническим бракам, более того, их избегать. Иными словами, по результатам нашего исследования было установлено, что если жители Дагестана готовы принять в качестве супруга (супруги) для себя и для своих детей человека другой национальности, то это еще не означает, что в реальной практике это так и случится, так как традиционно невысокий процент межнациональной брачности в Дагестане, на современный момент достигший катастрофически низких показателей, свидетельствует о том, что дагестанские народы ориентированы на эндогамные браки³. В отношении же религиозной принадлежности человека при выборе супруга/супруги для себя или детей дагестанцы еще более строги (см. табл. № 7).

¹ Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала: Изд-во АЛЕФ, 2013. С. 263.

² Губогло М.Н. О задачах этнополитической антропологии // Этнополитологическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. Т. 1. М., 1993. С. 28.

³ Vereshchagina A.V., Nurilova A.Z., Akimova A.A., Zagirova E.M. The Traditions of the Interethnic Marriage Process in the North Caucasus: The Socio and Cultural Factors of Formation and the Trends of Destruction (For Example, Dagestan Republic) // The Social Sciences. 2015. № 10 (9). Pp. 2256–2262.

Распределение ответов на вопрос: «Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека при выборе будущего супруга (-и)/при выборе супруга (-и) Ваших детей?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	При выборе будущего супруга (-и)		При выборе супруга (-и) Ваших детей	
	Да	Нет	Да	Нет
Аварская	81,4	16,0	79,6	16,0
Даргинская	71,8	22,7	71,8	22,0
Кумыкская	68,9	14,8	54,1	15,6
Лакская	66,3	26,9	63,5	28,8
Лезгинская	69,7	29,4	66,1	30,3
Русская	40,7	57,4	44,4	53,7
Чеченская	88,1	1,2	41,7	1,2
Другая	64,7	33,3	66,0	31,3
Всего:	72,7	22,1	67,5	21,8

Эмпирические данные авторского исследования показывают изменение установок в общественном сознании дагестанцев на заключенные межконфессионального брака. Более половины опрошенных практически во всех этнических группах, за исключением русских, выступают против брака между представителями разными вероучения. Среди последователей ислама наблюдается высокую толерантность к межрелигиозному браку как для своих детей, так и для себя демонстрирует каждый четвертый опрошенный среди лакцев и лезгин, каждый пятый среди даргинцев. На митинге М.М. Шахбановой, «в общественном сознании преобладает относительно позитивное восприятие межнационального и межконфессионального брака мужчины, при резком неприятии и осуждении такого брака у женщин. Непременным условием в таких случаях является, чтобы мужчина/женщины перешли в лоно веры и культуры той или иной религии, брачные партнеры».

На международном форуме «Ислам и иудаизм: пути диалога и сотрудничества» (Москва, 2006) один из выступавших отметил, что «в Коране, который является законом для мусульман, выделены «люди Писания» – иудеи и христиане – и предписана веротерпимость по отношению к ним. Это ярко проявляется, в частности, в том, что мусульманам позволено вступать в брак с представителями этих вероиспо-

¹ Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала: Изд-во АЛЕФ, 2013. С. 265.

веданий, который вправе и в браке исповедовать свою веру»¹. К сожалению, реалии свидетельствуют о противоположном: редко проявляет себя толерантное восприятие межконфессионального брака и общественному сознанию носителей ислама свойственно негативное отношение к межрелигиозному брачному союзу, причем оно больше демонстрируется в отношении женщины, вступивший в брак с человеком иной религиозной принадлежности, чем в отношении мужчины.

Таким образом, можно отметить следующие важные аспекты, на которые нам хотелось бы обратить внимание по итогам проведенного анализа. Новые нормы и ценности семейных отношений, проникающие в институциональное пространство современной дагестанской семьи, также неоднозначно можно расценивать, как и тенденции архаизации, возвращающие к жизни некоторые из уже давно забытых семейных традиций, к которым относится многоженство, ранние браки как отражение религиозных ценностей и установок, играющих значительную роль в жизни современных дагестанских народов. Религиозный фактор и рост его влияния на жизненный мир дагестанцев способствуют реанимации некоторых, уже считавшихся пережитком прошлого семейных форм и стилей жизни и составляющих так называемый «мифический» образ семьи.

Реанимация ряда архаических элементов семейной жизни в реальной семейной практике создает противоречивое пространство соотношения традиционного и инновационного в семейной сфере дагестанского общества, что отразилось и на расхождениях в идеальном и реальном образах семьи. При признании равенства и даже приоритетности заключенного по религиозным обычаям брака на уровне восприятия форм организации семейно-брачных отношений, реальные практики в этом плане, связанные с распространением многоженства и ранних браков на территории Дагестана, не вызывают положительных откликов ни у верующих, ни у неверующих, и особое неприятие они вызывают у женской части населения.

Признаками идеальной семьи как образа, сформировавшегося на уровне массового сознания дагестанских народов, можно считать следующие:

- официально зарегистрированный брак как приоритетный перед шариатским или «гражданским» типами брака;
- наличие детей в семье;
- раздельное проживание от родителей (нуклеарный тип организации семейной жизни – супруги и дети);

¹ Исламские новости // Наука и религия. 2006. № 7. С. 45.

- ориентация на эндогамию (прежде всего в контексте конфессиональной принадлежности, а потом – этнической);
- основа создания семьи – любовь и уважение, их утрата – серьезный повод для развода.

Таким образом, можно предположить, что на данный момент образ идеальной семьи для дагестанского общества – этот тот самый тип нуклеарной семьи с тенденциями к эгалитаризации семейных отношений, который сложился в Дагестане на рубеже XX–XXI вв., а реанимированные формы архаических семейно-брачных отношений как элементов «мифического» образа, включенные на уровне восприятия в образ идеальной семьи, вводят противоречивый контекст в дальнейшую трансформацию традиционной семьи в Дагестане. Причиной является то, что традиционная семья по многим признакам (структура ролевых взаимодействий в семье, территориальная локализация молодой семьи, ориентация на эндогамию/экзогамию, репродуктивные установки) демонстрирует логику развития, связанную с эгалитаризацией семейных отношений преимущественно в практике молодых семей.

Попытка восстановления достаточно сильно пошатнувшихся устоев семейной жизни, основанных на патриархальных принципах, путем апелляции к религиозным предписаниям вряд ли приведет к восстановлению традиционной семьи в ее архаическом варианте, но значительно препятствует развитию нуклеарной семьи в ее современном формате, так как формируемые на уровне идеала архаические представления о семье уже неадекватны современной реальности, где активно пробируют себе дорогу ценности эгалитарной семейной культуры. Ее носителями являются преимущественно молодые семьи, более высокий уровень неустойчивости которых может замедлить институционализацию уже утвердившейся во многих регионах России и современного мира модели эгалитарной семьи. Однако процесс семейной эволюции динамичен, и, как нам представляется, реконструкция традиционного института семьи в архаическом формате, не соответствующем динамике гендерных отношений, уже не угрожает дагестанскому обществу.

2.2. Деструктивные явления и факторы в функционировании традиционной дагестанской семьи

Семья в России характеризуется проявлением ряда деструктивных явлений, о чем мы уже писали ранее, определяющих кризисный фон функционирования семейно-брачной сферы общества, которая «на

протяжении уже нескольких десятилетий в России описывается в терминах «кризис», «упадок», «деградация», «распад», «трансформация», «эволюция», «модернизация». Основными доводами сторонников первого и второго направления выступают низкие и снижающиеся показатели рождаемости, брачности, при высокой разводимости, распространении неофициальных супружеских союзов, внебрачных рождений и т. д.»¹.

В данной части исследования деструктивные явления в семейной сфере дагестанского общества станут предметом непосредственного анализа. При этом мы будем опираться на полученные нами эмпирические данные, чтобы показать отношение дагестанцев к тем или иным процессам и тенденциям, свойственным дагестанской семье и характеризующимся как негативные.

Б. М. Алимова отмечает, что установившиеся в современном обществе нормы поведения и ценностные ориентации отрицательно влияют на образ жизни не только молодежи, но и многих уже взрослых семейных людей, и сегодня семья, традиционно уважаемый в Дагестане социальный институт, в значительной мере утратила свою ценность, которая была накоплена годами. Помимо этого, постепенно теряются традиции быта и культуры (а кое-что уже потеряли): уважение к прошлому, строгое выполнение норм обычного права, что диктует стереотипы поведения во всех сферах жизни семьи². Эти явления носят своего рода универсальный характер, поскольку трансформация семейных ценностей и отношений, в том числе и в молодежной среде, – результат влияния общемировых тенденций эгалитаризации, индивидуализации человеческих отношений, активно распространяющихся под влиянием глобализации³.

Нам импонирует точка зрения А. Р. Михеевой, которая ключевым фактором «деструктивных явлений в семейной сфере» считает «эмансипацию женщин, занятость их в общественном производстве, индивидуализация жизненных путей мужчин и женщин, изменение всей системы брачных/семейных норм, ценностей – все дальше отхо-

¹ *Михеева А.Р.* Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. С. 7.

² *Алимова Б.М.* Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики) // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 124.

³ *Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Загирова Э.М.* Семья и семейные ценности в восприятии студенческой молодежи (на примере Дагестана) // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 159.

дящей от гендерных стереотипов, от традиционных семейных устоев (отношений)»¹.

Оценка происходящих в институте семьи изменений показывает результаты проведенного нами эмпирического исследования. Так, ответы на вопрос **«Как бы Вы оценили происходящие изменения в институте семьи в современной России?»** свидетельствуют о том, что в массовом сознании опрошенных дагестанских народов доминирует суждение: «семья в России переживает острый кризис», разделяемое одной третью респондентов по всему массиву; такой же долей аварского, даргинского, кумыкского, лакского, лезгинского, русского населения; таковых, по сравнению с другими этническими группами, меньше среди респондентов-чеченцев (каждый четвертый опрошенный). При этом с небольшой разницей, опрошенные отрицают какие-либо изменения в институте семьи, и по этнической принадлежности данной позиции придерживаются 38,5 % лезгин, 33,3 % кумыков, 27,8 % русских, 27,6 % аварцев, 24,7 % даргинцев, 26,9 % лакцев и 19,0 % чеченцев. Далее: одна четвертая часть опрошенных по всему массиву, такая же часть аварцев, даргинцев, кумыков, одна третья доля лакского населения, каждый пятый среди лезгин и больше половины опрошенных чеченцев считают, что семья в России переживает период эволюции, в результате которой в обществе будут сформированы новые семейные ценности и отношения. Анализ по гендерному признаку показывает, что функционирование семьи в России как кризисной характеризует большая часть опрошенных женщин (38,4 %) по сравнению с мужчинами (33,2 %).

Таким образом, результаты нашего исследования показали, что дагестанские народы осознают кризисный характер развития семьи в современной России. Связывая кризисные факторы в функционировании семьи в российском, в том числе и в дагестанском обществе с трансформацией семейных ценностей и отношений, появлением новых форм и стилей семейных практик, дагестанские ученые в то же время отмечают тот факт, что наблюдается реставрация изживших себя в советский период традиций, которые также негативно влияют на развитие семейных отношений, как и инновации в этой сфере. В частности речь идет о многоженстве, причем исследователи подчеркивают, что в современной дагестанской реальности это приобретает несколько иной характер и другой психологический отклик у женщин. По мнению Б. М. Алимовой, стало модным, когда «преуспевающие» мужчины,

¹ *Михеева А.Р.* Человек в сфере частной жизни: векторы ... С. 7.

ссылаясь на ислам, заводят себе «вторую», а иногда и «третью» жену. При этом мужчину совершенно не волнуют психологическое состояние первой жены и детей от первого брака. Однако многоженство не является обязанностью носителя мусульманства, более того, существуют определенные правила, которые обязан соблюдать мужчина, намеренный иметь «вторую жену». Ислам позволяет иметь до четырех жен при определенных условиях, например, после кровопролитной войны, когда многоженство считалось «здравым» поступком, женщины не имеют возможности выйти замуж. В исламе женитьба – это в первую очередь долг и обязанность. Да, были и раньше такие браки, но это тогда были веские причины! Такое поведение дагестанских мужчин становится зачастую причиной разводов в современном Дагестане. По результатам своего исследования, Б. М. Алимова отмечает наличие в массовом сознании дагестанцев понимания многоженства как «элементарной распущенности и безнравственности». Происходит это, как нам представляется, потому что в ходе общественной эволюции и трансформации гендерных и семейных отношений в дагестанском обществе изменилась сама женщина, ее место и роль в общественной и семейной жизни, и возврат к давно утратившим свое значение и социокультурные основания традициям многоженства совершенно естественно воспринимается особенно критично женской частью дагестанского общества.

Неготовность к архаизации семейной сферы, тем более без согласия на то со стороны женщины (мужчины, как правило, не координируют свои действия, идя на многоженство, с первыми женами и тем более с детьми), становится источником того, что наблюдаются разрушительные последствия для семьи и общества («многоженство»).

Уже было отмечено, что историческое многоженство как социальное явление обоснованно по целому ряду показателей. Потребность в нем возникло в условиях, когда в результате кровопролитной войны резкий дисбаланс в количественном соотношении мужчин и женщин не позволял многим женщинам реализовать свои семейные и репродуктивные потребности. При этом к многоженству всегда предъявлялись серьезные требования, которые сводятся в целом к тому, что мужчина должен в случае выбора такого типа брака уметь обеспечить всех жен и детей от них как материальными средствами, так и любовью.

¹ Алимова Б.М. Диалог полов в современной дагестанской семье // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2008. С. 76–79.

² Там же. С. 76–79.

Самым простым аргументом против многоженства является его обозначение как аморальной формы брака, которую психологически люди большей частью отвергают¹.

Если обратиться к результатам нашего исследования, то 50,5 % опрошенных по всей совокупности, как уже было показано в предыдущей части исследования, отрицательно относятся к многоженству, а треть женщин рассматривает данное явление как прикрытую форму безнравственности. Отрицательная оценка самого феномена «многоженство» подтверждается и негативным отношением к сайту «Ищу «вторую» жену», который появился в свете реанимации традиции многоженства в дагестанском обществе. При анализе явления «полигамия» следует отметить, что в Дагестане многоженство не имело большого распространения, так как в большинстве случаев брак влек за собой внушительные материальные затраты, а на равнине он вообще носил покупной характер. Многоженство и двоеженство было распространено в дагестанском обществе лишь среди высших слоев общества, где браки в основном заключались в династических интересах. Еще Ф. Энгельс писал, что «многоженство – это привилегия богатых и знатных... масса народа живет в моногамии»². Существенной причиной для того, чтобы мужчина, имея одну жену, брал и вторую, могло стать состояние здоровья супруги или же отсутствие детей. В основе же своей дагестанцы придерживались моногамной семьи, поэтому явление многоженства в современном Дагестане, хотя статистику данного явления никто не ведет, скорей всего обусловлено ренессансом ислама, чье вероучение жестко предписывает недопустимость сексуальных отношений без заключения брака по канонам мусульманства. Если у супружеской пары, проживающей в гражданском браке или в официально зарегистрированном браке, но без никаха (исламская форма заключения брака, как венчание у православных) появится ребенок, отношение к нему будет негативным, более того, его будут рассматривать как незаконнорожденного. Таким образом, можно констатировать характерную для исламского вероучения жесткую регламентацию семейно-брачной сферы, причем мусульманские духовные лица призывают заключать шариатский брак, чтобы мужчина и женщина, по разным причинам не находясь в браке, не жили в грехе.

¹ Алиев А.К. Многоженство – социальная болезнь // Народы Дагестана. 2013. № 5. С. 26.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986.* С. 64.

С целью выяснения существующего в массовом сознании дагестанцев отношения к многоженству, им был задан вопрос: **«Как Вы относитесь к появлению дагестанского сайта «Ищу вторую жену?»»**. По национальному признаку: 48,1 % опрошенных даргинцев, 42,2 % лезгин, 41,2 % аварцев, 38,1 % чеченцев, 37,0 % русских, 30,8 % лакцев и 30,4 % кумыков отрицательно относятся к данному сайту, считая, что это угрожает существованию первой семьи. По возрастному признаку негативной позиции придерживается больше половины опрошенных в возрасте «от 50 до 60 лет», каждый второй «до 20 лет» и «от 40 до 50 лет», каждый третий «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет» и «от 60 лет и выше».

По значимости на втором месте также располагается отрицательная оценка полигамности с мотивацией возможного увеличения числа разводов и неполных семей, разделяемая 43,1 % лезгин, 42,6 % русских, 36,5 % лакцев, 35,7 % даргинцев, 32,5 % аварцев, 18,5 % кумыков и меньше всего таковых среди чеченцев (14,3 %). По возрастному признаку на данный факт обращает внимание каждый второй опрошенный «до 20 лет», одна треть респондентов «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет», «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше», каждый четвертый «от 40 до 50 лет». Далее: заключенный в сайте «Ищу вторую жену» негативный компонент как один из факторов разрушения основ традиционной семьи усматривают 38,9 % опрошенных русских, 34,1 % кумыков, 34,0 % даргинцев, по 29,8 % чеченцев и лакцев, 29,4 % лезгин и 22,9 % аварцев. Анализ по возрастному критерию показывает, что с возрастом увеличивается доля отметивших возможность разрушения основ традиционной семьи из-за вышеназванного сайта: 29,0 % «до 20 лет», 28,1 % «от 20 до 30 лет», 28,6 % «от 30 до 40 лет», 27,7 % «от 40 до 50 лет», 34,9 % «от 50 до 60 лет», 42,9 % «от 60 лет и выше».

Еще одной причиной неприятия опрошенными дагестанцами сайта «Ищу вторую жену» является то, что «мужчина не сможет в полной мере уделить внимание воспитанию детей в обеих семьях» – данной позиции придерживаются 34,0 % даргинцев, 30,9 % аварцев, 30,8 % лакцев, 25,9 % русских, 22,0 % лезгин и заметно меньшая доля кумыков (16,3 %) и чеченцев (11,9 %). По возрасту: на недостаточности участия отца в воспитательном процессе детей и на нехватке внимания при появлении «второй семьи», акцентируют внимание 31,7 % опрошенных в когорте «от 30 до 40 лет», 31,1 % «от 50 до 60 лет», 30,4 % «до 20 лет», 29,0 % «от 40 до 50 лет», 25,1 % «от 20 до 30 лет» и меньше всего таковых среди лиц старшего поколения «от 60 лет и выше» (20,0 %).

Вместе с тем в массовом сознании дагестанцев имеет место и позитивное отношение к сайту «Ищу вторую жену» с мотивацией, что «это позволит людям, не нарушая религиозных заповедей, иметь супружеские отношения и сохранить нравственность в обществе», отмеченное 25,0 % опрошенных чеченцев, 21,4 % аварцев, 18,5 % кумыков и 15,4 % лакцев. Анализ ответов на этот вопрос по возрастному признаку показывает рост с возрастом доли респондентов, положительно рассматривающих сайт «Ищу вторую жену», потому что это позволит, не вступая в противоречие с религиозными канонами и сохраняя нравственные устои общества, создать семью, хотя и официально незарегистрированную: 9,4 % «от 50 до 60 лет», 10,9 % «до 20 лет», 16,0 % «от 20 до 30 лет», 17,6 % «от 30 до 40 лет», 20,0 % «от 40 до 50 лет» и 22,9 % «от 60 лет и выше». По национальной принадлежности доля разделяющих позицию, что появление данного сайта «поможет людям создать счастливую семью», составляет 16,0 % среди аварцев, 14,4 % лакцев, 14,1 % кумыков и 10,7 % чеченцев; больше всего данного варианта ответа придерживаются, по сравнению с другими подгруппами, респонденты «от 60 лет и выше» (каждый пятый опрошенный) и меньше всего – «от 50 до 60 лет» (8,5 %). Среди верующих и неверующих отношение к данному сайту однозначно негативное, но среди неверующих оно носит более выраженный характер (66,7 %).

Таким образом, отрицательное отношение дагестанцев к сайту «Ищу вторую жену» и многоженству в целом обусловлено тем, что его появление, по мнению опрошенных, угрожает распаду первой семьи, но демонстрируют негативизм большей частью старшее поколение, хотя аналогичный подход характерен и для других возрастных подгрупп – выделяются респонденты «до 20 лет». Наличие такой позиции в массовом сознании позволяет сделать вывод, что молодежь менее ориентирована на реализацию архаических стилей семейной жизни.

Если анализировать данные по этому вопросу в разрезе семейного статуса опрошенных, то по сравнению с другими подгруппами негативную реакцию на этот сайт демонстрируют респонденты, состоящие в браке (42,1 % женщин, доля мужчин заметно меньше – 30,9 %) по сравнению с подмассивами респондентов, еще не обремененных семейными узами (33,7 % холостых и 49,0 % незамужних) и не состоящих в браке по причине вдовства (54,1 % женщин и 50,0 % мужчин). Кроме того, 31,0 % холостых, 42,2 % незамужних, 33,8 % женщин и заметно меньшая доля мужчин (17,8 %), состоящих в браке, негативным фактором считают возможность разрушения первой семьи и появление неполных семей, в которых воспитание детей ложится на плечи

матери, что не всегда позитивно для детей, особенно переходного возраста. Иными словами, обращает на себя внимание тот факт, что по сравнению с мужчинами в большей степени появление сайта «Ищу вторую жену» отрицательно оценивают в женской подгруппе с разным семейным статусом: замужние, незамужние, вдовы, – видимо, по причине их большей ответственности как хранительницы домашнего очага. Дагестанские семьи, особенно в сельской местности, традиционно многодетны и, видимо, этим можно объяснить столь резко негативное отношение к возможности многоженства, чему способствует сайт «Ищу вторую жену»: распад первой семьи станет тяжелым ударом для женщины и детей, материальное положение которых в большинстве случаев обеспечивается мужчиной (отцом).

С целью установления мотивации женщины, допускающей для себя возможность иметь статус «вторая жена», в нашем исследовании был задан «контрольный» вопрос: **«Вы сами согласились бы стать «второй» женой?»**. Полученные результаты нашего исследования показывают доминирование в установках дагестанских женщин единой позиции в отношении допустимости для себя статуса «второй жены», причем выделяются здесь опрошенные даргинки, среди которых оказался самый высокий процент ответивших, что не согласились бы стать «второй женой» (45,4 %), хотя 37,0 % русских, 35,8 % аварок, 32,7 % лачек, 31,2 % лезгинок, 30,4 % кумычек и 27,4 % чеченок также разделяют данное суждение. Свое негативное отношение к статусу «второй жены» опрошенные мотивируют безнравственностью самого решения женщины находиться в таком семейном положении. По сравнению с другими подгруппами больше всех придерживаются данной позиции: среди русских респондентов (каждый третий опрошенный), лезгинок (каждый четвертый опрошенный), лачек (одна пятая часть опрошенных) и статистически незначимая доля чеченок (1,2 %). По сравнению с другими этническими подгруппами выделяется подмассив чеченцев, женская часть которого ориентирована на создание семьи с человеком, который уже находится в брачном союзе: 14,3 % чеченок готовы пойти на такой шаг из-за своих эмоций и чувств, в то время как 23,8 % преследуют иную цель – желание завести ребенка. Последнюю позицию разделяют и 14,1 % опрошенных кумычек, в то время как среди остальных респондентов доля таковых менее 5 % по обоим вариантам ответов.

Уже было отмечено, что среди женщин оказалось больше тех, кто отрицательно оценивает появление сайта «Ищу вторую жену» по сравнению с мужчинами, при том, что основной причиной и те и дру-

гие называют угрозой распада первой семьи. И тем не менее: полученные на вопрос о «второй жене» ответы показывают, что мужчины по сравнению с женщинами демонстрируют совсем иные желания и возможные стили семейно-брачного поведения. Так, результаты исследования показывают, что одинаковая доля респондентов-мужчин на вопрос: «**Вы хотели бы иметь «вторую» жену?**» ответили по-разному: «да, если в первом браке не будет детей, но я не захочу расстаться со своей женой» и «нет, я не хотел бы разрушать свою семью» (по 29,1 %). При этом 13,9 % опрошенных мужчин мотивируют свое решение исламским вероучением, которое «позволяет мужчине иметь 4 жены», хотя 11,9 % считают данный поступок безнравственным. Таким образом, аргументы «за» и «против» создания второй семьи среди респондентов-мужчин распределились примерно поровну, т. е. можно сделать вывод, что у дагестанских женщин есть реальные основания для беспокойства с учетом того, что их желания в этом плане не совпадают с мужскими и «второй женой» хотело бы стать минимальное количество опрошенных нами женщин. Итак, многоженство, отталкиваясь от отношения к данному явлению со стороны респондентов, не воспринимается как традиционная норма семейной жизни, более того, оно в современной реальности Дагестана не обусловлено особыми причинами, имевшими место в прошлом, поэтому становится источником дестабилизации семейных отношений в дагестанском обществе.

Тот факт, что на уровне семейных установок дагестанских мужчин для многих из них, судя по нашему опросу, возможность создания второй семьи рассматривается как желаемая, а для женщин перспектива стать «второй женой» не является желаемой, можно прогнозировать рост конфликтогенных факторов в семейной сфере Дагестана, как минимум, по причине расхождения в семейных установках, а, следовательно, и в семейных практиках.

Таким образом, не все семейные традиции, уходящие своими корнями в обычное право и некогда поддерживавшие устойчивость семейно-брачного института, являются позитивными в условиях современной дагестанской реальности, значительно изменившейся за советский и постсоветский периоды, особенно если их восприятие со стороны женской и мужской части населения принципиально различное. Уже было отмечено, что многоженство как некогда бытовавшее в семейно-брачном пространстве дагестанских народов явление, хотя и не имело широкого распространения среди простого люда, с возрождением ислама в постсоветский период возвращается в институциональное пространство дагестанской семьи, вызывая при этом негативные

последствия. В то же время межэтнические семьи, получившие достаточно широкое распространение в советский период, постепенно исчезают из семейной сферы современного дагестанского общества. Несмотря на то, что это в общем-то соответствует традиционным представлениям о семье и браке у народов Дагестана, ориентированных как в прошлом, так и настоящем на эндогамные семейные стратегии, разрушение сложившейся традиции межэтнической брачности в советском обществе, пусть и не в такой степени распространенной, как в других регионах бывшего СССР, имеет скорее негативные последствия для сферы межэтнического взаимодействия.

В Дагестане стремительно утрачивается культура межэтнического общения, и одной из причин этой негативной тенденции ученые называют резкое снижение доли этнически чужих браков и устойчивый характер данной тенденции¹. Наличие высокой культуры межэтнического общения является важнейшим условием стабильности и позитивности межэтнических отношений. С ее разрушением в постсоветский период следует связывать рост межэтнической напряженности и конфликтов на этнической почве.

Таким образом, утрату дагестанским обществом этой, едва сформировавшейся в советский период семейной традиции как той, к которой при сохранении невысокого уровня экзогамии в семейной сфере было достаточно позитивное отношение, сложно оценить однозначно. Принимая во внимание мощные влияния межнациональных браков на современном этапе, связанные со стремлением к этнической консолидации и этнокультурному самосохранению, нельзя не учитывать те потери, которые понесло дагестанское общество в результате деинституционализации межэтнической семьи, при всем том, что для него ее существование не представляло особых угроз. Маскулинный характер дагестанского общества способствовал «поглощению» женской этнической культуры в межнациональной семье настолько, что, когда детей в этих семьях наступал момент выбора этнической принадлежности отца, как правило, ребята становились «в пользу» этнической принадлежности отца. Хотя следует иметь в виду, что выбор этнической принадлежности по отцу является само собой разумеющимся.

С целью выявления ориентированности опрошенных на определение этнической принадлежности ребенка, рожденного в смешанном

¹ Мустафаев Ф.М., Верещagina А.В. Культура межнационального общения в современной России: проблемы и условия регенерации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 5 (84). С. 69–72.

браке, в нашем исследовании был задан вопрос: «**Какую национальность, по Вашему мнению, должен выбрать ребенок, родители которого имеют разную этническую принадлежность?**». По результатам нашего исследования установлено, что в массовом сознании 79,8 % опрошенных чеченцев, 68,1 % кумыков, 56,7 % лакцев, даргинцев и лезгин (по 55,0 %), 53,1 % аварцев и существенно меньшая часть русского населения (24,1 %) превалирует выбор национальной принадлежности по отцу. На второй позиции располагается суждение «любую, которую сам ребенок выберет», что допускает свободу выбора, разделяемую наибольшей долей опрошенных русских (64,8 %), которые более толерантны в этом отношении по сравнению с довольно консервативными чеченцами (10,7 %) и кумыками (20,0 %); далее: средняя позиция («любую, которую сам ребенок выберет») характерна 37,9 % опрошенных аварцев, 36,7 % лезгин, 33,7 % лакцев и 32,3 % даргинцев. При этом варианты ответов «национальность матери» и «национальность того из родителей, которая считается коренной для данного региона» разделяет статистически небольшая доля опрошенных – 3,3 % и 6,2 % соответственно.

Если проанализировать результаты исследования по другим параметрам, то менее консервативными и более толерантными в этом плане оказались женщины, среди которых отдавших предпочтение мнению о самостоятельном выборе ребенком национальной принадлежности оказалось на порядок выше (38,6 %) по сравнению с мужчинами (23,0 %). Также среди женского подмассива по сравнению с мужским заметно меньше и доля, отметивших суждение – «национальность отца» – 51,6 % и 65,4 % соответственно. Тем не менее, имеющиеся данные и результаты исследований по данному вопросу свидетельствуют о том, что этот выбор делается в пользу национальности отца¹, что позволяло дагестанскому обществу всегда, даже в период наиболее высокого уровня межнациональной брачности, сохранять этнокультурную самобытность и не связывать с национальным составом семьи уровень ее стабильности/нестабильности. Этот факт был установлен в исследовании А. В. Верещагиной и М. М. Шахановой, проведенном среди жителей Дагестана².

Итак, в современном Дагестане идеалом семьи является моноэтническая и моноконфессиональная семья, но и она сегодня испытывает

¹ *Верещагина А.В.* Этнически смешанные семьи на Северном Кавказе: образование и межэтническая адаптация: Автореф. дис... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2003. С. 11.

² *Верещагина А.В., Шаханова М.М.* Этнокультурная специфика демографического поведения ... С. 83.

трудности, расшатывающие семейные устои дагестанских народов. Каковы же причины конфликтов и разводов в современной дагестанской семье? Имеют ли они специфические основания или носят универсальные? Насколько разрушительными для стабильности дагестанской семьи являются инновационные элементы семейных отношений, проникающие в институциональное пространство семьи в данном регионе?

Для ответа на данные вопросы мы обратимся к эмпирическим данным, полученным как в нашем исследовании, так и в других, проведенных учеными среди дагестанских народов в разные периоды. Так, согласно данным социологического опроса дагестанской студенческой молодежи (2012 г.)¹, в ходе которого ученые пытались выявить отношение молодых респондентов к семье и семейным ценностям, было установлено, что существенной причиной распада семьи в современном российском обществе дагестанская молодежь считает отсутствие взаимопонимания между супругами (75 % опрошенных), а среди других причин были отмечены: недостаточность знаний о семейном образе жизни, ответственности в семье, семейных ролях, материальные проблемы, отсутствие детей в семье. На падение нравов как причину разводов в дагестанских семьях указало сравнительно небольшое количество опрошенных (20 %); еще меньшее количество респондентов связало это явление с отсутствием семейного воспитания в семье, школе и недостаточной социальной поддержкой семьи со стороны государства.

На основе собственных исследований отечественные ученые выявили комплекс причин, которые необходимо изучать только в рамках конкретных социальных условий, через установление конфликтного потенциала этих условий, находящихся в зависимости от воспитания, полученного каждой личностью. В данном ракурсе, проблема семейного насилия предстает как «часть проблемы культуры, равенства полов, социально-экономической и правовой защищенности личности в современном обществе. Имущественное расслоение общества, снижение уровня жизни значительной части населения, социально-бытовая неустроенность, безработица, юридическая несправедливость, общая психологическая неустойчивость, выливающаяся в алкоголизацию и наркотизацию, потеря нравственно-психологических ориентиров отрицательно сказываются на микроклимате в семье, в школе, на производстве, способствуют резкому снижению уровня культуры межличностного общения, росту жестокости и насилия»².

¹ Там же. С. 78–85.

² Ильяшенко А.Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 90.

В связи с вышесказанным, мы решили иначе подойти к проблеме разводов и обратились к респондентам с вопросом: «**В каких случаях развод в семье может быть оправдан?**», так как это позволит нам выявить характер восприятия мира дагестанской семьи с точки зрения оснований для развода, к которому традиционно в дагестанском обществе относились крайне негативно.

По результатам нашего исследования, 70,3 % опрошенных по всему массиву оправдывают развод при существовании «насилия в семье (рукоприкладство по отношению к супруге, детям)»; по этнической принадлежности: данный тезис разделяют 88,9 % русских, 75,0 % лакцев, 74,2 % аварцев, 73,5 % даргинцев, 69,7 % лезгин, 51,2 % чеченцев и меньше всего таковых в подгруппе кумыков (48,1 %). Если обратиться к данным российских исследователей, то «каждая четвертая женщина в России считает себя пострадавшей от избиений мужа/сожителя, каждая 25-ая считает, что подвергается физическому насилию часто... около 15 млн. женщин считали себя пострадавшими от физического насилия в семье, из которых 2 млн. 400 тыс. подвергались избиениям часто»¹.

Далее. Такое асоциальное явление как наркомания одного из супругов тоже является причиной распада семьи, отмеченное большей частью опрошенных аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин и русских; доля таковых в 2–3 раза меньше среди кумыков (34,1 %) и чеченцев (26,2 %). Наряду с наркоманией, по мнению 42,0 % опрошенных по всему массиву, алкоголизм одного из супругов также может спровоцировать разрушение семьи; по национальному разрезу: данный вариант ответа разделяют 57,4 % русского, 53,2 % лезгинского, 45,2 % лакского, 43,8 % аварского, 40,2 % даргинского населения, доля кумыков (24,4 %) и чеченцев (21,4 %) в 2 и больше раза меньше. Далее: одна треть респондентов как по всему массиву, так и среди аварцев, даргинцев, лакцев и русских; каждый второй в подгруппе кумыков и чеченцев; одна четвертая часть лезгин допускает развод при отсутствии любви между супругами. Не менее существенным фактором может послужить и «измена со стороны одного из супругов», что отмечено 42,6 % опрошенных русских, 37,6 % лезгин, 36,4 % даргинцев, 36,3 % аварцев, 33,7 % лакцев, 25,2 % кумыков и 17,9 % чеченцев. Ориентированность одного из супругов на добровольную бездетность имеет место в разводе, что отмечено каждым третьим опрошенным во всех этнических подгруппах. Поводом для распада семьи может быть мате-

¹ *Лысова А.В.* Физическое насилие над женами в российских семьях // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 126.

риальное состояние семьи и нежелание мужчины ее обеспечивать, на что указали 30,6 % опрошенных по всему массиву; по этнической принадлежности: 38,5 % лакцев, 35,2 % русских, 33,5 % аварцев, 32,6 % даргинцев, 30,3 % лезгин и заметно меньшая часть кумыков (20,0 %) и чеченцев (13,1 %). Такие факторы как «неуважение со стороны одного из супругов к родственникам своего супруга (-и)» и «нежелание заниматься воспитанием детей» отметил каждый шестой и седьмой по всему массиву; выделяются здесь аварцы и даргинцы (по 16,8 %), отметившие первое суждение, аварцы (18,3 %) и русские (18,5 %), выбравшие второй вариант ответа. При этом следует иметь в виду, что родственники, как со стороны супруга, так и со стороны супруги, могут просто игнорировать и не поддерживать отношения с невесткой/зятем, чтобы сохранить семью своего сына или дочери.

Таким образом, полученные результаты исследования показали, что жители Дагестана достаточно современны и убеждены в недопустимости насилия в семье, а его наличие выступает, по их мнению, важнейшим основанием для развода. Кроме того, причины, связанные с девиантным поведением одного из супругов – наркомания, алкоголизм – негативно отражаются на семейном климате, способствуя разрушению семьи. Разумеется, имеются и исключения, вернее даже не исключения, а ситуация, когда женщина вынуждена терпеть физическое насилие со стороны супруга, проживая с супругом, страдающим алкоголизмом, наркоманией только потому что не в состоянии самостоятельно материально обеспечить своих детей. Кроме того, отсутствие жилья, психологической защиты и поддержки со стороны родственников, порой и категоричность родителей, не допускающих развода, особенно дочери, считая, что она должна и обязана сохранять семью несмотря ни на что, вынуждает женщину оставаться в браке против своего желания.

Интересные результаты можно получить путем диффундированного анализа в соотношении с национальной принадлежностью респондентов. Привлекли внимание респонденты-чеченцы, судя по ответам, крайне негативно относящиеся к разводу, для которых наркомания и алкоголизм не являются серьезным поводом для него по сравнению с отсутствием любви со стороны одного из супругов. Думается, что причина различий в ответах респондентов кроется в особенностях семейного быта разных народов Дагестана, распространенности/нераспространенности тех или иных явлений и отношения к ним со стороны мужчин и женщин. Если такая причина, как «нежелание заниматься воспитанием детей», для большинства опрошенных представи-

телей чеченского народа не имеет особого значения, то это не свидетельствует о неважности участия одного из родителей в воспитательном процессе. Скорее всего это связано с тем, что роли настолько четко распределены, до такой степени традиционны и нерушимы, непрекаемы и безальтернативны, что даже вероятность такого семейного поведения (в данном случае со стороны женщины), видимо, не допускается. Важно также и то, что невозможность одного из супругов иметь детей не является, судя по результатам нашего опроса, веской причиной для развода у дагестанских народов при всем том, что ценность детей и ориентированность на многодетность – ключевые ценности семейной жизни народов данной республики, а потому нежелание иметь детей одним из супругов – причина достойная того, чтобы разойтись. Немаловажным фактором при разводе, по мнению респондентов, является «измена со стороны одного из супругов», но при этом следует иметь в виду, что, как правило, отношение к измене со стороны мужчины в общественном сознании более терпимое, чем измена женщины, ибо сложившийся уклад семейной жизни в Дагестане и отношение к женщине как хранительнице домашнего очага, выполняемые ею функции в воспитании детей изначально формируют негативное восприятие такого поступка женщины. Подобное поведение безоговорочно будет охарактеризовано как безнравственное, более того, отношение не только к женщине, уличенной в таком негативном поступке, но и к ее домочадцам и родственникам со стороны общественности будет отрицательным и осуждающим. Также в нашем исследовании установлено, что нежелание обеспечивать материальное благосостояние семьи играет существенную роль в распаде семьи. Ранее было отмечено, что в вопросе «Когда в семье должен появиться первый ребенок?» опрошенные по значимости на третье место поставили вариант ответа «после того, как семья обретет социальную и материальную устойчивость», поэтому мы можем сделать вывод о последовательности позиций опрошенных дагестанцев в семейно-брачной сфере, которые подчеркивают важность материальной основы для, во-первых, появления первого ребенка, во-вторых, сохранения устойчивости семьи.

Результаты исследования позволяют автору рассматривать многоженство как деструктивный фактор в семейно-брачной сфере дагестанских народов. Уже было отмечено наличие в массовом сознании дагестанцев негативного отношения к феномену «многоженство», поэтому «решение мужа взять «вторую жену», отмеченное 35,7 % опрошенных даргинцев, 31,5 % русских, 29,4 % лезгин, 28,8 % лакцев, 20,6 % аварцев и 15,6 % кумыков может способствовать разрушению

семьи; отличаются респонденты-чеченцы, статистически небольшая доля которых допускает возможность распада семьи по этой причине (4,8 %).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что причиной распада семьи, независимо от времени совместного проживания, могут быть самые различные факторы, но доминируют следующие: существование насилия в семье, алкоголизм и наркомания одного из супругов, отсутствие любви и тепла между супругами, измена супруга (-и), отсутствие желания у одного из супругов иметь детей, нежелание обеспечивать материальное благосостояние семьи, решение мужа взять «вторую жену»; в то время как: неуважительное отношение со стороны одного из супругов к родственникам своего супруга (-и), нежелание одного из родителей заниматься воспитанием детей и невозможность одного из супругов иметь детей – занимают предпоследние позиции в суждениях опрошенных. На ухудшение ситуации в семейной сфере огромное влияние оказывает демонстрация и пропаганда жестокости, насилия, эротики в средствах массовой информации. Обществу, особенно молодому поколению, навязывается определенная модель культуры, где унижается женское достоинство, кроме того, «негативно сказывается и отсутствие стройной и эффективной системы помощи и защиты жертв преступлений, недостаточное законодательное регулирование этой проблемы¹.

Значительная доля разводов в России, независимо от региона, приходится на молодые семьи², что объясняет важность изучения мнений и позиций: по каким критериям следует выбирать спутника жизни, как должен быть устроен быт молодой семьи, чтобы минимизировать риски ее распада. В своем исследовании мы попытались выяснить мотивы вступления в брак и установили, что в массовом сознании различных народов Дагестана доминируют три основных мотива: любовь (65,1 %), взаимное уважение (63,3 %) и желание иметь детей (22,7 %). Причем варианты ответов «любовь и взаимное уважение» расположились с большим отрывом от других суждений. По этнической принадлежности: основой заключения брака должна быть эмоциональная со-

¹ *Ильяшенко А.Н.* Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 90.

² Молодая семья в Ростовской области (по результатам социологического исследования): коллективная монография / Отв. Ред. Ю.Г. Волков. Изд-во: «Социально-гуманитарные знания». М.; Ростов н/Д, 2011. С. 6; *Ковалев В.В., Верецагина А.В., Самыгин С.И.* Проблемы и риски молодой семьи первого года жизни с позиций ее типологической характеристики (нуклеарные и многопоколенные семьи) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С. 143–156.

ставляющая – так считает больше половины опрошенных во всех подгруппах, но наибольшая доля – среди русских (75,9 %), а наименьшая – среди респондентов-чеченцев (57,1 %). По 66,7 % даргинцев и русских, 65,7 % аварцев, 65,1 % лезгин и 61,5 % лакцев отмечают важность взаимного уважения при заключении брачного союза, но выделяются опрошенные чеченцы (48,8 %) и кумыки (58,5 %), доля которых, по сравнению с остальными подгруппами, заметно меньше.

По результатам исследования удивление вызывает позиция статистически небольшой доли опрошенных чеченцев (7,1 %) и кумыков (8,1 %), для которых желание иметь детей не является существенным фактором при заключении брачного союза по сравнению с другими подгруппами, где 27,8 % даргинцев, 26,8 % аварцев, 25,7 % лезгин, 25,0 % лакцев и 18,5 % русских отметили данный вариант ответа. В ответах на вопрос **«Когда в семье должен появиться первый ребенок?»** каждый второй опрошенный среди чеченцев и каждый третий среди кумыков отметил суждение «сразу после брака», что позволяет сделать вывод о существовании противоречивости между декларируемым и реальным поведением.

Можно сказать, что имевшее место в недалеком прошлом, хотя и не очень распространенное, заключение брака по решению родителей на современном этапе развития дагестанского общества потеряло свою актуальность. По сравнению с другими подгруппами, выбравшими данное суждение, более всего среди аварцев (8,2 %) и лезгин (8,3 %). Далее: как по всему массиву, так и по этнической принадлежности материальный фактор, одиночество и страх остаться одиноким в старости не мотивируют опрошенных дагестанцев на создание семьи. Результаты исследования являются основанием для констатации того, что в массовом сознании дагестанских народов произошли заметные изменения, которые в социологическом опросе в полной мере себя не проявили. Так, при заключении брака непременным условием является материальная обеспеченность будущего брачного партнера, в данном случае мужчины, наличие у него отдельно от родителей жилья, машины, хорошо оплачиваемой работы, образования и т. д. Формирование такого отношения к брачному союзу вполне поддается объяснению: если совсем недавно вступавшие в брак молодые люди могли надеяться на помощь государства, на получение участка под строительство, возможность трудоустроиться, то в настоящее время, особенно молодое поколение конкретно в Дагестане, вынуждено рассчитывать только на себя и своих родителей и то, если родители в состоянии создать своим детям более-менее приемлемую материальную базу, предоста-

вить хотя бы жилье, потому что при существующем в Дагестане уровне жизни невозможно трудоустроиться даже молодым людям, имеющим образование, что вынуждает молодежь заниматься неквалифицированным трудом (работать на стройке, в торговой сети, на рынке, заниматься извозом и т. д.), чтобы обеспечить свою семью. Низкий уровень оплаты труда также создает большие проблемы для семьи, особенно молодой, а появление ребенка еще более усугубляет материальную ситуацию, а это закономерно провоцирует семейные конфликты и ухудшает семейный климат.

На вопрос о критериях выбора спутника жизни были получены достаточно любопытные ответы, согласно которым национальная принадлежность не входит в тройку основных критериев выбора брачного партнера, занимая лишь 6-ю позицию (каждый шестой опрошенный по всему массиву), а лидерами стали «любовь», «желание иметь детей» и «религиозная принадлежность» (см. табл. 8). Эта отраженная в сознании респондентов реальность заставляет усомниться в адекватности самой семейной реальности, когда ориентация на эндогамию в семейной сфере, а значит и на значимость национальной принадлежности супруга/супруги доказывается подавляющей численностью эндогамных браков. Вероятно, имеет место расхождение представлений о семье, о критериях ее образования и т. д. с реалиями семейной жизни, а это в свою очередь является источником деструктивных явлений в семейной сфере дагестанского общества, так как чем больше разрыв между желаемым и действительным, идеальным и реальным, тем выше степень противоречий и конфликтов в пространстве социальных отношений, в данном случае – семейных.

Так, больше половины опрошенных во всех этнических группах отметили важность испытываемого чувства, причем заметно отличается подмассив русского населения. С большим отрывом на второй позиции располагается суждение «желание иметь детей», отмеченное большей частью аварцев, лезгин и русских, каждым вторым опрошенным среди даргинцев и лакцев, одной третью частью кумыков и чеченцев. Если обратиться к результатам ответа на вопрос **«Как Вы считаете, что должно выступать основой заключения брака?»**, то небольшая доля респондентов чеченцев и кумыков подчеркнули вариант ответа «желание иметь детей». Однако в ответах на контрольный вопрос можно констатировать непоследовательность этих двух этнических групп в определении критерия выбора брачного партнера. Кроме того, обращает на себя внимание высокая степень значимости религиозной принадлежности при выборе спутника жизни, которая, вероятно, и за-

мещает важность национальной принадлежности на фоне стремительного роста актуальности конфессионального фактора в жизни дагестанских народов в постсоветский период. В национальном разрезе важность религиозного компонента в семейно-брачной сфере определена большей частью респондентов аварцев, каждым третьим среди даргинцев и лакцев, каждым четвертым среди лезгин, каждым пятым среди кумыков, чеченцев и русских. При этом обращает на себя внимание позиция 68,9 % кумыков и 88,1 % чеченцев, которые в вопросе «**Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека при выборе будущего супруга (-и)?**» утвердительно ответили на него, впрочем, подчеркнув важность конфессионального фактора при выборе и супруга (-и) своих детей – 54,1 % кумыков и 41,7 % чеченцев. Вместе с тем каждый третий как по всему массиву, так и среди аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин и русских отмечает значимость уровня образования будущего спутника жизни, при этом доля придерживающихся данной позиции заметно меньше среди опрошенных чеченцев и кумыков.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «По каким критериям надо выбирать спутника жизни?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Любовь	Желание иметь детей	Материальное благосостояние	Уровень образования	Уровень доходов	Место проживания	Национальная принадлежность	Религиозная принадлежность	Рекомендации со стороны родственников	Рекомендации со стороны друзей и т. д.
Аварская	73,7	52,8	20,9	30,4	9,5	7,5	19,6	51,8	20,9	3,4
Даргинская	78,0	43,6	24,1	30,9	13,7	10,0	19,2	32,3	18,9	5,5
Кумыкская	66,7	39,3	20,7	20,0	9,6	5,2	10,4	21,5	11,9	3,7
Лакская	75,0	47,1	17,3	38,5	14,4	8,7	11,5	32,7	18,3	3,8
Лезгинская	79,8	55,0	18,3	33,0	11,9	11,9	13,8	25,7	20,2	3,7

Русская	87,0	51,9	14,8	29,6	14,8	5,6	9,3	18,5	14,8	1,9
Чеченская	67,9	39,3	10,7	15,5	6,0	2,4	11,9	20,2	4,8	1,2
Другая	80,0	44,7	30,7	30,7	12,0	6,0	18,0	26,0	23,3	5,3
Всего:	75,4	47,3	21,3	29,4	11,3	7,7	16,3	34,4	18,3	4,0

Ранее был сделан вывод, что, несмотря на отрицание значимости материального фактора как основы заключения брака, для дагестанской молодежи финансовая сторона является существенным параметром, что подтверждается результатами ответов, полученных на другой вопрос: каждый пятый опрошенный по всему массиву, такая же доля аварцев и кумыков, каждый четвертый среди даргинцев, каждый пятый среди лезгин, каждый шестой среди лакцев, каждый седьмой среди русских и каждый девятый среди чеченцев одним из критериев выбора будущего супруга (-и) считает материальное благосостояние. В тесной связи с материальным положением идет и уровень дохода, который важен для даргинцев, русских и лакцев (каждый седьмой опрошенный), лезгин (каждый восьмой опрошенный), доля остальных этнических подгрупп ниже 10 %. При выборе брачного партнера для каждого пятого опрошенного среди аварцев, лезгин, даргинцев и лакцев значение имеет рекомендация со стороны родственников, особенно если в брак вступают молодые люди, проживающие в разных населенных пунктах, районах, тем более если являются представителями разных этнических общностей. В такой ситуации очень часто и родители жениха, и родители невесты пытаются «завести справки» о будущих родственниках, об их семейном положении, особенно акцентируя внимание на семейном климате в каждой из семей. Если семья будущего брачного партнера неблагополучна, родители могут не поддержать решение сына или дочери заключить брак традиционной мотивацией.

По вопросу о влиянии инновационных и традиционных элементов семейной культуры дагестанских народов на дестабилизацию семейных отношений, проявляющуюся прежде всего в уровне разводов, можно, отталкиваясь от данных официальной статистики, проанализированных Б. М. Алимовой, констатировать более низкие показатели разводимости в сельской местности, чем в городской, что объясняется большей устойчивостью традиционных семейных традиций в сельской части республики, сохраняющей высокий уровень значимости социального контроля семейной сферы со стороны сельского социума и родственников¹.

¹ Алимова Б.М. Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации ... С. 124–142.

Иными словами, общественное мнение как регулирующая семейные отношения сила в значительной степени сохранило свои позиции в сельской местности, поэтому ориентация на развод как способ выхода из семейных конфликтов в значительно меньшей степени характерна для сельских дагестанских семей. Развод в традиционной семейной культуре народов Дагестана не входит в систему позитивно воспринимаемых, что в регионах ее устойчивого воспроизводства выражается в доминировании семейного (супружеского) поведения, максимально ориентированного на сохранение брака и семьи, преодоление конфликтов, что бы ни являлось их основой.

В завершении данной части хотелось бы привести очень верное замечание Э. Ф. Кисриева: социальные отношения традиционного общества значительно отличаются от отношений сложно организованного и динамично развивающегося современного общества, а потому «перенос социальных институтов прошлого в современный контекст, как правило, сопровождается, искажениями, гипертрофией их структур и, в конечном счете, их отчуждением от внутренних потребностей современного человека»¹. Разве не это зачастую наблюдается в семейной сфере современного дагестанского общества, где реанимация архаических традиций, сталкиваясь с современными тенденциями развития семейных ценностей и отношений, порождает пространство рисков, где развиваются деструктивные процессы, связанные с дестабилизацией института семьи. Основной причиной этого является увеличивающееся расхождение между идеальными представлениями о семье и реальными семейными практиками, в пространство которых вклиниваются архаические элементы организации семейных отношений, блокирующие возможности конструктивного развития традиционной семьи в логике положительно воспринимаемых тенденций семейной эволюции современного общества.

instituteofhistory.ru

¹ Кисриев Э.Ф. Современная дагестанская свадьба: социологический анализ ... С. 159.

2.3. Институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане в условиях современной реальности

Институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане являются производными от сложившихся образов этого типа семьи в дагестанском обществе. В предыдущих частях исследования мы попытались показать, что представляет собой идеальный образ традиционной семьи и насколько он отличается от реального, а поскольку динамика развития каких-либо явлений и процессов протекает в пространстве между реальным и идеальным, развитие традиционной семьи как социального института напрямую связывается нами с доминирующими в этом пространстве тенденциями. Эти тенденции обуславливаются переплетением традиционного и инновационного в институциональном пространстве традиционной семьи, а, следовательно, характер ее развития будет зависеть от того, какие семейные практики являются определяющими – с ориентацией на традиционность или инновации.

Также в предыдущих частях исследования мы показали, опираясь на результаты нашего эмпирического исследования и результаты других исследователей, что пространство соотношения традиционного и инновационного в семейной сфере дагестанского общества является достаточно противоречивым, потому что реанимация ряда архаических элементов семейной жизни в ходе их реализации в реальной семейной практике не соответствует той логике трансформации традиционной семьи, которая связана с имеющей место в дагестанской среде эгалитаризацией семейных отношений. Возникает ситуация, когда полное восстановление традиционной семьи в ее архаическом варианте с опорой на патриархальные устои и религиозные предписания уже невозможно, но усилия, предпринимаемые в этом направлении, препятствуют развитию нуклеарной семьи в ее современном формате, основанном на эгалитарных ценностях. Это состояние баланса традиционного и инновационного в функционировании института традиционной семьи в Дагестане – своего рода турбулентное пространство, в котором варианты развития семейных отношений зависят от многих факторов, способных изменить соотношение традиционного и инновационного в ту или иную сторону с соответствующими последствиями – архаизацией традиционной семьи или ее инноватизацией, т. е. эгалитаризацией.

Обратимся еще раз к результатам проведенного нами эмпирического исследования, в ходе которого мы задали вопрос респондентам о том, в какой мере соблюдаются, по их мнению, семейные традиции в современном дагестанском обществе (см. табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере соблюдаются в современном дагестанском обществе семейные традиции и обычаи?»
(варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов	В современном дагестанском обществе в полной мере соблюдают все семейные традиции и обычаи	В современном дагестанском обществе не в полной мере соблюдают семейные традиции и обычаи	В современном дагестанском обществе вообще не соблюдают семейные традиции и обычаи	В сельской местности соблюдают все семейные традиции и обычаи, в городской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи	В сельской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи, в городской местности вообще не соблюдают семейные традиции и обычаи
<i>По национальностям</i>					
Аварская	17,8	58,2	4,9	42,0	16,0
Даргинская	18,9	62,9	5,8	41,2	14,8
Кумыкская	23,0	43,7	15,6	31,9	10,4
Лакская	12,5	63,5	8,7	40,4	12,5
Лезгинская	25,7	48,6	4,6	41,3	11,0
Русская	24,1	68,5	1,9	33,3	1,9
Чеченская	17,9	33,3	16,7	38,1	6,0
Другая	36,7	42,0	2,0	46,0	8,7
<i>По отношению к религии</i>					
Убежденно верующий	30,0	52,7	5,0	42,3	9,6
Верующий	20,9	55,1	7,3	38,7	12,3
Колеблющийся	9,7	49,5	5,8	53,4	12,6
Неверующий	16,7	54,2	8,3	45,8	20,8
Убежденно неверующий	8,3	66,7	0	25,0	25,0
<i>Всего по обоим признакам:</i>	21,2	54,4	6,8	40,5	12,4

Результаты опроса констатируют превалирование в массовом сознании позиции, что семейные традиции в Дагестане соблюдаются не в полной мере; по этнической принадлежности: разделяется более чем половиной опрошенных аварцев, даргинцев, лакцев, кумыков и русских, такая же доля убежденно верующих, верующих и неверующих, каждый второй среди лезгин и колеблющихся, каждый третий среди чеченцев. С образовательным статусом повышается доля придерживающихся данной позиции – 51,3 % со средним, 49,7 % средним специальным и 60,2 % высшим образованием. По гендерному признаку среди женщин оказалось больше тех, кто убежден в том, что семейные традиции и обычаи не соблюдаются в дагестанском обществе в полной мере (57,4 %) в противовес каждому второму опрошенному среди мужчин (48,7 %). В подгруппе верующих дагестанцев доминирует убежденность в этой позиции, что позволяет утверждать, что традиционные устои семейной жизни в дагестанском обществе уже пошатнулись и дагестанцы уже не считают необходимым соблюдать абсолютно все традиции, прежде определявшие содержание и характер семейно-брачной сферы жизнедеятельности дагестанского социума.

Заслуживает внимания отмеченный респондентами вариант ответа, что сельчане придерживаются всех семейных традиций и обычаев по сравнению с городским населением, соблюдающим «только некоторые семейные традиции и обычаи». Данное суждение характерно для каждого второго опрошенного в подмассиве аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, подгруппе убежденно верующих и неверующих, каждого третьего среди чеченцев, кумыков, русских и самоидентифицирующихся как неверующие; с ростом образовательного уровня снижается доля считающих, что в сельской местности по сравнению с городом соблюдают все семейные традиции и обычаи дагестанских народов: 45,8 % со средним, 40,1 % средним специальным и 36,4 % высшим образованием.

Наряду с вышеприведенными позициями, одна пятая часть респондентов по всему массиву утверждает, что в современном дагестанском обществе в полной мере соблюдают все семейные традиции и обычаи. По этнической принадлежности данный вариант ответа разделяет каждый третий опрошенный в подгруппе убежденно верующих, каждый четвертый среди кумыков, лезгин и русских, каждый пятый в подмассиве верующих и даргинцев, а также 25,6 % имеющих среднее специальное, 22,1 % среднее и 18,9 % высшее образование.

Далее: суждение «в сельской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи, в городской местности вообще не

соблюдают семейные традиции и обычаи» разделяет каждый четвертый опрошенный среди убежденно неверующих, каждый пятый в подмассиве неверующих, каждый шестой среди аварцев, каждый седьмой среди даргинцев, каждый восьмой среди лакцев и подгруппе верующих и колеблющихся, каждый девятый среди лезгин, каждый десятый среди кумыков, что свидетельствует о наличии в духовно-нравственной сфере современного дагестанского общества сложных и противоречивых процессов. Ухудшение духовной сферы и духовного здоровья дагестанцев, по мнению автора, обусловлено происходящими на постсоветском пространстве преобразованиями, которые, с одной стороны, предоставили людям широкую свободу выбора и возможностей практически во всех сферах социального взаимодействия, с другой – усиление религиозного фактора и роли религиозного духовенства, которое стремилось и по настоящее время стремиться влиять практически на все сферы жизнедеятельности человека, не всегда имело позитивные последствия. По мнению З. М. Абдулагатова, отклонение религиозного поведения от «чистых» типов может происходить по различным причинам социального и несоциального характера. Одной из социальных причин является то, что «люди воспринимают религиозные обряды как национальные традиции, религиозные нормы поведения, как составляющие национальной этики. В отдельных обязательных случаях просто нет иного, ставшего традицией обряда, который мог бы успешно заменить религиозный... некоторые, казалось бы устоявшиеся традиции светских форм бракосочетания (свадьбы) заменяются религиозным обрядом мавлид»¹.

Следует отметить, что мавлидная свадьба – явление позднее, получившее распространение в последние десять-пятнадцать лет. Как известно, в традиционном дагестанском обществе у жениха свадьба проходила широко и весело, с песнями, танцами, инсценировками, ряжеными. Семейное торжество превращалось в общесельское, в котором принимало участие все общество (джамаат). Мавлиды проводились в редких случаях, когда семью или кого-либо из тухума постигало горе. У невесты свадьба проходила более скромно, она так и называлась – «тихая свадьба». Иными словами, по мнению дагестанских исследователей, «современные свадьбы не представляют собой того красочного театрализованного фольклорно-обрядового действия, какой она была 30 – 40 лет назад. Многие этапы свадьбы, обрядовые действия, свадебные «чины», «шахи», «ханы», ряженные и другие персонажи

¹ *Абдулагатов З.М.* Ислам в массовом сознании дагестанцев. Махачкала, 2008. С. 77.

свадебного торжества, исчезли»¹. Процесс отхода от традиционных свадебных практик в настоящее время усилился, поэтому на их поддержание существенное влияние оказывает не только старшее, но и молодое поколение.

Таким образом, можно отметить в семейно-брачной сфере дагестанцев, принадлежащих исламу, изменение обряда проведения свадьбы – переход к безалкогольной, религиозной форме свадьбы с пением нашидов (мусульманское песнопение, исполняемое традиционно только мужским или детским вокалом (в хоре или соло) без музыкальных инструментов. Согласно авторитетному мнению большинства богословов, использование музыкального (инструментального) сопровождения не разрешено.

Религиозное возрождение в республиках распространения ислама сопровождалось ростом религиозного экстремизма, появлением ваххабитской идеологии в религиозном пространстве Дагестана, последствием которого является жесткое внутриисламское противостояние между традиционным исламом и ваххабизмом. Также обращает на себя внимание внешний облик молодых дагестанок, которые стали носить нетрадиционную для дагестанских народов одежду – хиджаб: следует отметить, что такая форма одежды молодой девушки привлекает молодых людей и имеет для них большое значение при вступлении в брак. Очень часто при обсуждении кандидатуры будущей супруги родителями молодого человека, в качестве обязательного условия выдвигается требование к внешнему облику девушки: чтобы она была «закрытой», т. е. носила хиджаб.

Дагестанские фамилисты подчеркивают, что мусульманские религиозные догмы требуют установки таких порядков в отношении к женщине, которые никогда не были присущи дагестанской женщине, – это затворничество, ношение ими костюма хиджаб и т. д. С такими воззваниями обращаются современные представители духовенства к дагестанским женщинам. Они не только своих жен и дочерей заставляют надевать костюм хиджаб, но и неоднократно призывают женщин Дагестана выполнять все установки, порядки, якобы проповедуемые исламом².

В современном дагестанском обществе довольно часты случаи, когда супруг ставит перед своей супругой условие, чтобы она носила

¹ Алимова Б.М., Ибрагимов М.-Р.А. Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 2. С. 71.

² Агаширинова С.С. К проблеме взаимоотношений в дагестанской семье на современном этапе ... С. 60.

хиджаб, хотя до заключения брака об этом речи не было. Отказ женщины провоцирует семейный конфликт, может способствовать распаду семьи, хотя историческая практика свидетельствует о том, что в Дагестане женщина никогда не была на положении рабыни и никогда не носила ни чавчак, ни паранджу, ни чадру и т. д. Она всегда носила чухту, которая не в полной степени покрывала волосы на голове, а при выходе на улицу надевала платок. Распространенный в современном Дагестане костюм (хиджаб) является традиционной одеждой женщины арабских стран. В этой связи совершенно правомерно звучит вопрос: «А что же получается сейчас, если следовать этим принципам дагестанским женщинам? Получается, что наши дагестанские женщины должны носить арабский костюм, а не свой национальный. Почему современные муллы призывают одеваться девочкам в чужой традиционный костюм чуть ли не с 3 – 4 лет?»¹. Такое отношение к женщине формирует конфликтный потенциал в семейно-брачной сфере дагестанского общества, и, по мнению С. С. Агашириновой, «непонятно к чему мы придем через лет десять, когда все женщины будут ходить в хиджабах или надевать паранджу. Мы не имеем право поощрять эти призывы дагестанских мулл, ибо мы сейчас живем в иных социально-экономических условиях, а не в средневековый период»².

Далее: с целью более глубокого анализа происходящих в современном дагестанском обществе преобразований, в нашем исследовании был задан «контрольный вопрос», позволяющий установить декларируемое и реальное поведение дагестанцев (см. табл. № 10).

Результаты нашего исследования демонстрируют, что в массовом сознании дагестанцев доминирует суждение: «в моей семье соблюдают только некоторые национальные традиции и обычаи моего народа», разделяемое большей долей опрошенных по всему массиву, впрочем, как и по этнической принадлежности, причем выделяются здесь респонденты даргинцы, лакцы, русские и чеченцы. Следует отметить, что русские и чеченцы не являются для данного региона автохтонными этническими группами, т. е. ареал их национальной культуры находится за пределами Дагестана, и, вероятно, этим объясняется указанная ситуация, связанная с их отношением к семейным традициям и обычаям; по образовательному признаку: 59,2 % опрошенных со средним, 53,6 % средним специальным и 55,5 % высшим образованием подчеркнули, что их семья соблюдает только некоторые национальные

¹ Агаширинова С.С. К проблеме взаимоотношений в дагестанской семье на современном этапе ... С. 61.

² Там же.

традиции и обычаи своего народа. В гендерном отношении ответы распределились так же, как и в отношении восприятия ситуации на уровне всего общества: среди тех, кто считает, что в их семье соблюдаются абсолютно все традиции и обычаи, больше оказалось мужчин (около 39,8 %) по сравнению с женщинами (34,0 %). Вторую позицию занимает вариант ответа «в моей семье соблюдают все национальные традиции и обычаи моего народа», отмеченный каждым вторым опрошенным в лезгинской подгруппе, каждым третьим среди аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, а также во всех образовательных подгруппах, каждым четвертым среди русских и чеченцев. По гендерному признаку вышеприведенное суждение разделяют 51,0 % мужчин и заметно большая доля женщин (59,1 %).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Соблюдаете ли Вы в своей семье традиции и обычаи своего народа?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	В моей семье соблюдают <u>все</u> национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье соблюдают только <u>некоторые</u> национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье по определенным причинам вообще не соблюдают национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье не считают нужным соблюдать национальные традиции и обычаи моего народа
Аварская	37,1	55,7	2,8	1,8
Даргинская	33,3	60,1	1,7	4,1
Кумыкская	28,9	58,5	5,9	3,7
Лакская	28,8	61,5	6,7	1,0
Лезгинская	40,4	52,3	4,6	0,9
Русская	25,9	63,0	7,4	0
Чеченская	26,2	60,7	8,3	1,2
Другая	52,7	42,0	2,0	1,3
Всего:	35,7	56,2	3,8	2,2

При этом позиции «в моей семье по определенным причинам вообще не соблюдают национальные традиции и обычаи моего народа» и «в моей семье не считают нужным соблюдать национальные традиции и обычаи моего народа» отмечены статистически небольшой частью опрошенных, хотя по этнической принадлежности здесь выделяются

чеченцы (каждый двенадцатый опрошенный) и русские (каждый четырнадцатый опрошенный). Среди опрошенных мужчин по сравнению с женщинами почти в 2 раза больше доля придерживающихся суждения, что их семья по определенным причинам практически не придерживается национальных традиций и обычаев своего народа – 4,5 % и 2,9 % соответственно.

Таким образом, восприятие семейной реальности на уровне всего дагестанского общества в целом совпало с индивидуальной оценкой этой реальности. При этом важно понимать, что на характер жизнедеятельности дагестанской семьи в плане приверженности традициям и обычаям уровень образования респондентов не влияет. По результатам нашего эмпирического исследования установлено, что значительных расхождений в отношении приверженности традициям, так и без такового, не наблюдается. С незначительными отклонениями выделяются респонденты со средним образованием, в большей степени проявившим меньшую приверженность соблюдению традиций и обычаев в семье, нежели представители с высшим и средним специальным образованием. Эта ситуация заставляет задуматься над тем, что же тогда определяет характер семейных практик в Дагестане, какие факторы влияют на семейные ориентации дагестанских народов? Нам представляется, что в значительной мере играют роль факторы микро- и макросреды, определяющие общий фон развития семейной сферы Дагестана, в определенной степени подтверждающей таким тенденциям, как либерализации, так и традиционализации семейных отношений. Социализированная в этих условиях личность независимо от уровня полученного затем образования, сохраняет приверженность полученным в ходе семейной социализации ценностям и ориентациям. Здесь следует отметить, что факторы семейной социализации играют превалирующую роль для дагестанцев, у которых ценность семьи, как показывают результаты исследования, продолжает оставаться на своем высоком уровне, занимая лидирующие позиции в системе ценностной иерархии¹, хотя наблюдаются определенные изменения в сфере репродуктивных установок дагестанцев и прежде всего у молодого поколения. Речь идет о том, что репродуктивные установки дагестанской молодежи уже не отражают ориентированности на большое количество детей в семье, при том что по сравнению с общероссийскими данными дагестанская молодежь демонстрирует более высокие показатели: в большинстве случаев, как отмечают ученые, опросившие студенческую

¹ Верещагина А.В., Шахбанова М.М. Формирование новых семейных ценностей ... С. 65–71.

молодежь Дагестана, молодые дагестанцы планировали иметь от 2-х до 4-х детей (при этом больше всего молодежь ориентирована на трехдетную семью), но для Дагестана, который всегда славился своей многодетностью, представленные показатели, как пишут авторы данного исследования, не являются высокими¹. Соответственно, наметившаяся тенденция снижения рождаемости в Дагестане в постсоветский период, несмотря на высокие показатели по данному демографическому критерию среди других российских регионов, также является отражением детрадиционализации семейной сферы. Но устойчивое сохранение данных тенденций может привести к изменению отношения к многоженству как способу повышения репродуктивного потенциала региона в дагестанском обществе. Сейчас оно, как нами было показано ранее, не является положительным, но ситуация может измениться, если демографические показатели в Дагестане станут явно неблагоприятными для дальнейшего воспроизводства ее населения.

Несмотря на то, что архаические традиции начинают возрождаться в дагестанском обществе в сфере семейных отношений, современные тенденции, находящие отражение в семейных практиках других регионов России, связанные с либерализацией семейной сферы и трансформацией гендерных отношений, еще не находят поддержки в дагестанской среде. В данном случае речь идет о внебрачной рождаемости и отношении к ней дагестанцев.

Прежде чем изложить полученный социологический материал по данному вопросу, представляется необходимым обратиться к содержанию явления «внебрачная рождаемость», которая, по мнению известного фамилиста С. И. Голода, стала реальным фактом. Если обратиться к статистическим данным, то начиная с 70-х гг. XX столетия наблюдается увеличение доли внебрачных рождений: так, с 2000 – 2004 гг. на 31,8 % сохранился тренд изменений, существующих с 1994 г., причем данный процесс не остановился и растет, достигнув 30 % общего числа родившихся. При этом заметных расхождений в городской и сельской местности не наблюдается, примером чего являются данные за 2003 г. – 28,6 % и 32,6 % соответственно². Исследователь задается вопросом «Не есть ли это свидетельство достаточно прочных отношений,

¹ *Верещагина А.В., Шахбанова М.М., Шихалиева Д.С.* Демографическое поведение и формирование новых семейных ценностей в установках студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10. С. 59–62.

² Население России 2003–2004 Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. С. 257.

связывающих между собой родителей, по каким-либо причинам не регистрирующих эти отношения как брачные?»¹.

Если перейти к эмпирической части нашего исследования, то в ее рамках для нас интерес представляло установление отношения дагестанцев к появлению ребенка вне официально зарегистрированных отношений между родителями. Как показывают полученные результаты исследования, в массовом сознании всех дагестанских народов сохраняется неприятие внебрачной рождаемости (см. табл. № 11).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к внебрачной рождаемости (когда женщина принимает решение стать матерью, не состоя в официальном браке)?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Положительно, это свободный выбор каждой женщины	Положительно, каждая женщина имеет право на то, чтобы стать матерью	Отрицательно, ребенок должен расти в полной семье	Отрицательно, внебрачный ребенок будет законным и чувствовать себя дискомфортно среди сверстников	Отрицательно, это безнравственно
Аварская	10,1	15,5	55,9	27,8	31,7
Даргинская	16,5	16,2	57,0	27,5	25,1
Кумыкская	17,8	18,5	54,8	12,6	17,8
Лакская	14,4	22,1	48,1	19,2	31,7
Лезгинская	16,5	22,0	55,0	20,2	22,9
Русская	33,3	35,2	29,6	9,3	7,4
Чеченская	25,0	8,3	57,1	11,9	16,7
Другая	17,3	18,0	58,0	26,0	23,3
Всего:	15,9	17,6	54,6	22,9	25,2

По всему массиву опрошенных превалирует отрицательная оценка внебрачной рождаемости с мотивацией: ребенок должен расти в полной семье, отмеченной большей частью опрошенных во всех этнических подгруппах за исключением заметно меньшей доли русских (одна треть опрошенных) и лакцев (каждый второй опрошенный), которые по сравнению с другими респондентами толерантно настроены к

¹ Голод С.И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XV. № 2 (61). С. 35.

возможности иметь ребенка вне официально заключенного брака. По гендерному признаку: 55,0 % мужчин и 54,6 % женщин, 56,5 % опрошенных со средним, 52,4 % средним специальным и 54,4 % высшим образованием также ближе негативная установка в отношении внебрачной рождаемости.

Далее: каждый четвертый опрошенный по всему массиву рассматривает такой шаг женщины, как безнравственный поступок, и преобладает доля таковых в подгруппе аварцев и лакцев (каждый третий опрошенный), каждый четвертый среди даргинцев и лезгин, каждый шестой среди кумыков и чеченцев. Данное суждение разделяет статистически небольшая доля опрошенных русских. По признаку пола: 29,3 % мужчин и меньшая доля женщин (23,4 %), респонденты со средним (28,6 %), средним специальным (19,9 %) и высшим образованием (26,6 %) также характеризуют данное явление как безнравственное.

Основанием отрицательного восприятия внебрачной рождаемости для каждого четвертого опрошенного по всему массиву, такой же доли аварцев и даргинцев, каждого пятого среди лезгин и лакцев, меньшей по сравнению с другими подгруппами части кумыков (каждый восьмой опрошенный) и русских (каждый одиннадцатый опрошенный) является то, что «внебрачный ребенок будет закомплексованным и чувствовать себя дискомфортно среди сверстников». По гендерному признаку: 22,0 % мужчин и 23,2 % женщин, а также 24,1 % респондентов со средним, 21,7 % средним специальным и 22,7 % высшим образованием демонстрируют свою заботу о психологическом состоянии ребенка, который может испытывать дискомфорт среди ровесников, тем более если он будет сталкиваться с оскорблением его личного достоинства, что также нельзя сбрасывать со счета.

Позитивно к внебрачной рождаемости с мотивацией, что «каждая женщина имеет право на то, чтобы стать матерью» относятся 16,0 % мужчин и 18,4 % женщин, 17,2 % опрошенных со средним, 18,1 % средним специальным и 17,8 % высшим образованием, каждый третий среди русских, каждый пятый среди лакцев, лезгин и кумыков, каждый шестой среди даргинцев и аварцев, и обращает на себя внимание позиция чеченцев, доля которых, по сравнению с другими этническими подгруппами, заметно меньше. Далее: решение женщины вне брака родить ребенка с мотивацией ее «свободного выбора» поддерживают 16,2 % мужчин и 15,8 % женщин, респонденты со средним (14,1 %), средним специальным (18,7 %), высшим образованием (15,4 %); по национальной принадлежности: по сравнению с другими

подгруппами доля таковых больше среди русских (каждый третий опрошенный) и чеченцев (каждый четвертый опрошенный), среди остальных респондентов – менее 20 %.

Отношение респондентов к внебрачной рождаемости во многом определяется религиозными установками, о чем мы судим по результатам исследования в разрезе отношения респондентов к религии. Так, негативный подход к внебрачной рождаемости демонстрируют 58,5 % самоидентифицирующихся как убежденно верующие, 55,5 % верующих, придерживающихся установки о необходимости растить «ребенка в полной семье»; заметно снижается доля отрицательно оценивающих внебрачную рождаемость в позициях колеблющихся (44,7 %), неверующих (33,3 %) и убежденно неверующих (50,0 %). Далее: по сравнению с другими подгруппами подмассив убежденно верующих и, что вызывает удивление, убежденно неверующих считают решение женщины стать матерью, не состоящей в официальном браке безнравственным, а доля таковых среди неверующих составляет 25,0 %, 21,2 % верующих, 11,7 % колеблющихся. Далее каждый третий опрошенный среди колеблющихся, каждый четвертый среди убежденно верующих и убежденно неверующих, каждый пятый среди верующих и каждый восьмой среди неверующих отмечает, что рожденный вне брачного союза ребенок будет «закомплексованным и чувствовать себя дискомфортно среди сверстников». Позитивное восприятие внебрачной рождаемости демонстрируют подгруппы убежденно неверующих (41,7 %), неверующих (29,2 %) и колеблющихся (24,3 %), в то время как процентное соотношение среди верующих и убежденно верующих заметно меньше – 18,9 % и 10,0 % соответственно. Такой подход первых трех групп дополняется суждением о свободном выборе женщины при принятии решения о рождении ребенка – 33,3 % неверующих, 27,2 % колеблющихся и 16,7 % убежденно неверующих в противовес убежденно верующим (6,9 %) и верующим (16,5 %). При анализе полученной социологической информации мы можем констатировать наличие в массовом сознании респондентов на первый взгляд противоречивых позиций: так, одинаковая доля опрошенных в подгруппе убежденно неверующих оценивает внебрачную рождаемость одновременно и как право каждой женщины стать матерью, называя это безнравственным поступком. Кроме того, такая же двойственность усматривается и в суждениях подгруппы верующих, которые, с одной стороны, негативно воспринимают решение женщины стать матерью, не находясь в официальном браке, но одновременно характеризуют подобный поступок как «свободный выбор каждой женщины». Однако такое впечатление о

позициях опрошенных в отношении религии не в полной мере отражают реалии: так, в массовом сознании дагестанцев, нами уже было отмечено, существует приоритет шариатского брака перед официально заключенным в ЗАГСе. Обряд венчания православные проводят в любое время, о чем свидетельствуют факты: когда семейные пары, вместе прожившие не один десяток лет, идут на такой шаг, то в исламе в этом отношении жестко регламентировано проведение бракосочетания по мусульманскому семейному праву до свадьбы, поэтому значимость данного ритуала для исповедующих ислам имеет большое значение. Если в городской среде можно еще встретить поколение, которое игнорирует заключение брака по исламским канонам, то в сельской местности в этом отношении существуют четко определенные правила.

Таким образом, можно констатировать, что русские респонденты не так категоричны и в своем большинстве полагают, что каждая женщина имеет право на свободный выбор своей жизненной стратегии и потому не стоит отрицательно относиться к ее решению стать матерью, даже если она не состоит в браке. Наиболее категоричными оказались аварские и лезгинские респонденты, характеризующие такой поступок женщины как безнравственный. Разногласий по гендерному признаку в этом плане не было зафиксировано: практически одинаково отрицательно и положительно отреагировали на этот вопрос и мужчины, и женщины в проведенном нами исследовании с той только разницей, что большее количество мужчин данный поступок женщины признали безнравственным по сравнению с респондентами-женщинами, что можно понять: женщине в большей степени понятны мотивы такого выбора женщины, решившей родить ребенка, не состоя в браке.

Как же относилась общественность к внебрачной рождаемости в недавнем прошлом? По мнению С. И. Голод, вступление «в сексуальные отношения до брака, рождение ребенка вне брака и самоценность эротического общения мужа и жены считались нарушением социокультурных норм»¹. Российские исследователи уделяли большое внимание изучению принципов семьи и сексуальной этики в различных вероисповеданиях, среди которых следует отметить Н. Л. Пушкареву. На основе проведенного сравнительного анализа института семьи и сексуальной этики в православии и католицизме, она делает вывод: православной концепции семьи и брака, отношения к женщине и сексуальной этике методы «устрашения» если и имели место, но не были преобладающими ни на ранних этапах, в X–XIII вв., когда на Руси ши-

¹ Голод С.И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм ... С. 21.

рокое хождение имели византийские переводные тексты, ни позже, когда русское православие сформировало свой подход к мыслям и чувствам людей. Православие большей частью апеллировало к совести самого человека, поэтому его внутренний самоконтроль должен был выполнять функцию жизненного регулятора. По сравнению с католицизмом православие демонстрировало толерантность в оценке поведения человека: наказания женщин за добрачные связи, проявление сексуальности, конфликтную жизнь супружеской пары, прелюбодеяния и т. п. были не очень суровыми по сравнению со странами распространения католичества, сводясь в большинстве случаев к соблюдению поста определенное количество дней, месяцев, реже 1 – 2 года, к многочисленным поклонам, чистосердечному раскаянию и покаянию¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что в традиционном обществе добрачные отношения, появление ребенка в официально незарегистрированном союзе рассматривались как отступление от социокультурных традиций и правил. Женщину, родившую внебрачного ребенка, в обществе клеймили, унижали и презирали. Исследователи считают, что активизация внебрачной рождаемости сопряжена с эволюцией нравственного сознания².

Рассматривая отношение опрошенных дагестанских народов к внебрачной рождаемости, следует обратить внимание и на состояние самой женщины, которая идет на такой шаг. Исследователи отмечают, что рост внебрачной рождаемости в последние десятилетия XX в. является универсальной тенденцией, причем имеется и возрастная специфика внебрачной рождаемости. Еще не так давно «рождение внебрачного ребенка было характерно для очень молодых матерей (до 20 лет) и для матерей старше 30 лет³, теперь же внебрачная рождаемость характерна для всех возрастов в равной степени. И, что важно подчеркнуть: увеличение доли внебрачных рождений у самых молодых матерей (до 20 лет) с 20,2 % в 1990 г. до 41 % в 2000 г. не сопровождалось ростом числа аборт⁴».

Иная ситуация складывается в отношении повторного брака женщины, которая, согласно большинству мнений, имеет право на семейное счастье, а, следовательно, и повторный брак. В ответах респон-

¹ Пушкарева Н.Л. Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 57.

² Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6. С. 89.

³ Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспект. Л.: Наука, 1984. С. 6.

⁴ Голод С.И. Семья: прокрация..... С. 26.

дентов проявилась и другая важная сторона этого вопроса – забота о детях, которым нужен отец (см. табл. 12).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к повторному браку женщины, имеющей детей от предыдущего брака?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Положительно, каждая женщина имеет право на семейное счастье	Положительно, ребенку нужен отец	Отрицательно, женщина должна думать не о себе, а о благополучии своих детей	Отрицательно, в новой семье могут обижать детей от первого брака
Аварская	60,8	19,1	12,6	8,0
Даргинская	62,9	18,2	9,6	5,5
Кумыкская	54,8	30,4	8,9	6,7
Лакская	58,7	19,2	14,4	5,8
Лезгинская	63,3	24,8	7,3	3,7
Русская	68,5	14,8	9,3	5,6
Чеченская	38,1	35,7	22,6	2,4
Другая	58,0	19,3	15,3	6,0
Всего:	59,2	21,4	12,1	6,1

Приведенные в таблице № 13 данные показывают, что больше половины опрошенных по всему массиву, а также во всех этнических подгруппах, за исключением чеченцев (каждый третий), позитивно оценивают повторный брак женщины с мотивацией, что каждая женщина имеет право на семейное счастье. Далее: одна треть респондентов среди кумыков и чеченцев акцентируют внимание на необходимости иметь для ребенка отца, но, насколько отчим будет добросовестно выполнять свои функции и в какой степени будет принимать участие в воспитании неродного ребенка, остается непонятным. Также следует отметить, что у некоторых дагестанских народов (например у чеченцев) при разводе дети остаются с отцом, чтобы женщина в последующем могла создать новую семью и чтобы дети от первого брака не являлись своего рода «багажом» для нее в ее новом брачном союзе. Доля разделяющих данное суждение в остальных подгруппах меньше: каждый четвертый опрошенный среди лезгин, каждый пятый среди аварцев, даргинцев, лакцев и меньше всего доля таких среди русских респондентов – каждый седьмой опрошенный. Далее: каждый восьмой

опрошенный по всему массиву и среди аварцев, каждый седьмой среди лакцев и менее 10 % в остальных этнических подгруппах негативно оценивают возможность вступления женщины в повторный брак с мотивацией, что женщина должна думать не о себе, а о благополучии своих детей. Среди выступающих против вторичного брака женщины по сравнению с другими подгруппами выделяются аварцы (каждый одиннадцатый опрошенный), мотивирующие свою позицию тем, что отчим может плохо относиться к детям от первого брака. Основанием для негативного восприятия повторного брака женщины в массовом сознании опрошенных являются репортажи в средствах массовой информации о применении, очень часто при молчаливом согласии матери, физического и сексуального насилия, убийства детей от первого брака, поэтому имеет место такая позиция, преследующая только одну цель, – оградить беззащитных малолетних детей, а также подростков от жестокости.

Подробно не останавливаясь на проблеме домашнего насилия в целом, конкретно по отношению к детям можно сказать, что семейное насилие над детьми является одной из актуальных проблем современного российского общества. Важнейшим направлением ее решения, а также и искоренения должно быть определение перспектив предупреждения и преодоления ущерба от эмоциональной и социальной патологий исходя из того, что потенциал детей дает им возможность быть активными и полезными членами как семьи, так и общества в целом¹.

Далее: анализ ответов родителей по стандартному признаку показал, что женское счастье рождает в большей степени женщин (61,8 % против 54,2 % мужчин), а рождение как мужчины в качестве значимой причины повторного брака обозначим тот факт, что ребенку нужен отец (30,1 % и 17,8 % соответственно). В этом, как нам представляется, отражается традиционная установка на отношение к женщине как хранительнице домашнего очага, на ее предназначение в обществе – рождение и воспитание детей. Личное счастье женщины не является безусловной самоценностью, не привязанной к семейным атрибутам, важнейшим из которых является наличие детей.

Если обратиться к исламскому вероучению, то согласно мусульманскому праву (шариату) в случае развода родителей до достижения ребенком зрелого возраста (7 – 8 лет) опеку предпочтительней закрепить за матерью, если она за это время не выйдет замуж за другого. Кроме того, в отдельных случаях право опекуинства передается отцу:

¹ Маслова Т.Ф., Смагина М.В. Наказание детей // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 100.

если мать материально не обеспечена, или недееспособна, или если отец все-таки изъявляет желание сохранить опеку над своими детьми. По достижении ребенком 8 – 9 летнего возраста, ему предоставляется право выбора между родителями. Следует учитывать, что, помимо перечисленных условий опекунства, имеется еще довольно большое количество требований и установок, регулирующих право опекунства. В любом случае расходы на воспитание и содержание ребенка являются долгом отца¹.

Мы специально обратили внимание на ряд ситуаций, связанных с семейным поведением женщины, так как в маскулинном дагестанском обществе именно к женщинам всегда предъявлялись наиболее строгие претензии. По тому, как меняется отношение к женщине, как воспринимаются те или иные ее поступки, можно понять изменения в общественном сознании и в семейной сфере. Наше исследование показало, что определенные изменения в этом направлении произошли, но женщина по-прежнему «привязана» к такому фактору влияния на ее семейное поведение, как общественное мнение, своими корнями уходящее в обычное право.

Институциональное пространство дагестанской традиционной семьи на современном этапе развивается на пересечении формальных и неформальных норм и правил, регулирующих семейные отношения в Дагестане и производных от норм законодательно закрепленного на всей территории России права (его некоторые исследователи условно называют позитивным правом), мусульманского права и обычного права. Последнее как первичное по отношению к мусульманскому за века своего существования было поглощено мусульманским (шариатским) правом, а потому их разделение в ряде случаев является достаточно условным, но необходимым, поскольку адаты, или обычное право, еще сохраняет свой регулятивный потенциал в Дагестане², особенно среди горских народов. Тем не менее, как отмечают исследователи, мусульманское право постепенно вытесняет нормы обычного права в ущерб последнему и позитивному, что связано с тенденциями процесса исламизации массового сознания народов Северного Кавказа³.

¹ Абу Хафс Умар б. Рисалан ал-Булкини аш-Шафии «Ат-Тадриб фи ал-фикх аш-шафии». Изд. «Дар ал-Киблатайн», Эр-Рияд КСА (Королевство Саудовская Аравия), 2012. Т. 4. С. 29–32.

² Сагидов А.М. Обычное право народов Дагестана: понятие, особенности, основные источники // [Электронный ресурс] URL: http://yaneuch.ru/cat_06/obychnoe-pravo-narodov-dagastana-ponyatie/79057.1486528.page1.html (дата обращения: 11.03.2016).

³ Гоов И.М. Эволюция обычного права у кавказских народов: этапы развития // Общество: философия, история, культура. 2015. № 3. С. 41–46.

Таким образом, альтернативы развитию института традиционной семьи в Дагестане во многом определяются характером трансформации формальных и неформальных правил и норм, регулирующих семейные отношения, а также тем, какие из них являются доминирующими на данный момент. Наше исследование, а также результаты других исследований, которые мы приводили по ходу решения поставленных нами задач, дают основания считать, что на современном этапе наблюдается противоречивое переплетение норм формального (всероссийского конституционного) права и неформального (как сочетания обычного и мусульманского) права. Такая ситуация сформировалась за годы Советской власти, и гармоничное сочетание этих нормативно-правовых систем позволяло достаточно устойчиво и эффективно функционировать институту семьи в Дагестане, сохранявшему традиционный облик, но с учетом позитивных и адекватных времени инноваций в семейной сфере. В постсоветский период пересеклись две тенденции – исламизация населения и эгалитаризация семейной сферы, не сочетаемые в своих сущностных основаниях. В этой связи институт семьи в Дагестане стал развиваться в фокусе двух непересекающихся плоскостей – архаизации и модернизации. Поэтому альтернативы институциональной динамики традиционной семьи всецело связаны с тем, какая из тенденций станет доминирующей, определив логику развития дагестанской семьи либо в русле исламизации (архаизации), либо в русле модернизации (эгалитаризации). Вектор указанных изменений зависит от ряда факторов:

- эффективности российского семейного законодательства, его адекватности современным реалиям в семейной сфере дагестанского общества;

- эффективности регионального (республиканского) семейного законодательства как имеющего возможности для сочетания норм формального (федерального семейного законодательства) и обычного права;

- динамики и характера развития религиозных тенденций, уровня исламизации населения.

Можно выделить также ряд иных факторов, не связанных непосредственно с развитием семейной сферы: это и уровень экономического развития региона, и динамика миграционных процессов (как внутренних, так и внешних), отражающаяся на этнической структуре населения и его мировоззрении.

В заключение следует привести мнение М. И. Гаджиевой, что за годы Советской власти отношения в дагестанской семье были значительно демократизированы, что прежде всего сказалось на отношениях

между мужем и женой и другими взрослыми членами семьи¹, и нам представляется, что данный процесс будет поступательно развиваться и дальше с параллельной, пока не разделяемой большинством, тенденцией архаизации семейных отношений.

Традиционно-модернизационный или неотрадиционный тип семьи, сформировавшийся в Дагестане на протяжении советского и постсоветского периодов, в значительно большей степени, нежели формирующийся на волне исламизации архаический тип, соответствует тому идеальному образу семьи, который сложился в массовом сознании дагестанских народов. В этой связи можно предположить, что при сохранении в Дагестане двух возможных альтернатив институционального развития традиционной семьи доминирующей тенденцией останется традиционно-модернизационная как ориентированная на гармоничное сочетание традиционных устоев семейной жизни и тех инновационных элементов, которые не угрожают разрушением традиционной культуре дагестанских народов.

Выводы по главе второй

Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что проникающие в институциональное пространство современной дагестанской семьи новые нормы и ценности сложно оценить однозначно, как, собственно, и тенденции, связанные с возвратом к некоторым из уже давно забытых семейных традиций, к которым относится многоженство и ранние браки. Распространение архаических явлений в семейной среде современного Дагестана является следствием исламизации населения республики, отражением роста значимости религиозных ценностей и установок. Реализация ряда архаических традиций в реальной семейной практике народов Дагестана создает противоречивое пространство соотношения традиционного и инновационного в семейной сфере дагестанского общества, что отразилось и на расхождении идеального и реального образов семьи. Так, к примеру, жители Дагестана признают приоритетность заключенного по религиозным обычаям брака, придавая ему большую значимость по сравнению с официально зарегистрированным браком, однако реальные практики в этом плане, связанные с распространением многоженства и ранних браков в дагестанском обществе, не вызывают положительной оценки среди населения данной республики. Особенное неприятие они вызывают у женской части населения Дагестана.

¹ *Гаджиева М.И.* Семья Дагестана в традиционном и современном обществе ... 63 с.

Образ идеальной семьи для дагестанского общества на данный момент можно охарактеризовать с помощью следующих признаков: официально зарегистрированный брак как приоритетный перед шариатским или «гражданским» типами брака; наличие детей в семье; раздельное проживание от родителей (нуклеарный тип организации семейной жизни – супруги и дети); ориентация на эндогамию (прежде всего в контексте конфессиональной принадлежности, а потом – этнической); основа создания семьи – любовь и уважение; их утрата – серьезный повод для развода.

Однако тот факт, что в современном дагестанском обществе начинают распространяться практики архаических семейно-брачных отношений как элементов «мифического» образа, их следует рассматривать как фактор увеличивающегося расхождения между идеальными представлениями о семье и реальными семейными практиками. На этом основании делается вывод о противоречивом характере трансформации традиционной семьи в Дагестане, по многим признакам уже демонстрирующая логику развития, связанную с эгалитаризацией семейных отношений. Носителями новых семейных ценностей в семейной культуре народов Дагестана является преимущественно молодежь и молодые семьи.

Исследование показало, что наиболее распространенным типом семьи в дагестанском обществе является неотрадиционная или традиционномодернизационная семья, где сочетаются традиционные и современные семейные ценности эгалитарного порядка, но воплощение в реальных семейных практиках такого типа семейных отношений сопровождается рядом деструктивных явлений, среди которых наиболее болезненным является высокий для Дагестана уровень разводов. Эта ситуация характерна в целом для современного российского общества и является закономерным следствием трансформации семейных отношений, так как переход к новому в сочетании с традиционными устоями всегда сопровождается кризисными явлениями.

В этой связи, с опорой на теоретические положения неоинституционализма, альтернативы развития института традиционной семьи в Дагестане определяются характером трансформации формальных и неформальных правил и норм, регулирующих семейные отношения. Этот характер, согласно результатам проведенного нами эмпирического исследования, определяется как весьма противоречивый, поскольку на современном этапе в институциональном пространстве дагестанской семьи переплетаются нормы формального (всероссийского конституционного) права и неформального (как сочетания обычного и мусульманского) права. Тенденции исламизации населения и эгалитаризации семейной сферы, не сочетаемые в своих сущностных основаниях, – вот ключевая проблема развития семейной сферы дагестанского общества, так как современный институт семьи в Дагестане развивается в фокусе двух непересекающихся плоско-

стей – архаизации и модернизации. Очевидно, что на данный момент традиционно-модернизационный или неотрадиционный тип семьи, сформировавшийся в Дагестане на протяжении советского и постсоветского периодов, является доминирующим, а потому при сохранении альтернатив институциональному развитию традиционной семьи (архаизации и модернизации) доминирующей тенденцией, с нашей точки зрения, останется традиционно-модернизационная, но очень многое будет зависеть от характера семейной политики на федеральном и региональном уровнях, динамики развития экономических и социальных процессов, влияния общественно-политических сил.

Мы полагаем, что оптимальным вариантом развития семейно-брачных отношений в Дагестане является гармоничное сочетание традиционных устоев семейной жизни и тех инновационных элементов эгалитарной семейной культуры, которые являются прогрессивными и не угрожают традиционной культуре дагестанских народов и традиционной семье как ее социокультурной основе.

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Заключение

Динамические процессы, происходящие в семейной сфере дагестанского общества, определяют необходимость глубокого социологического анализа традиционных и инновационных элементов в семейной сфере дагестанского общества на современном этапе, так как иначе невозможно отслеживать и прогнозировать траекторию их развития при всем том, что однозначно оценить рассматриваемые явления, символизирующие два, противоречивых по своему содержанию и социальным последствиям процесса, – переход к новым семейным отношениям и возврат к традиционным, характерным для дагестанского общества на более ранней стадии развития, – достаточно сложно.

Это подтвердило проведенное нами исследование, в процессе которого был проанализирован широкий массив теоретических и эмпирических данных, в том числе полученных лично автором диссертации, и мы пришли к выводу, что на современном этапе традиционная семья в Дагестане характеризуется противоречивыми тенденциями развития, обусловленными разнонаправленными тенденциями ее трансформации: с одной стороны, наблюдаются архаические процессы, ориентированные на традиционализацию семейной сферы, но в рамках обращения к устаревшим семейным практикам (ранние браки, многоженство и др.), а с другой – явные тенденции к либерализации, демократизации и в целом эгалитаризации семейных отношений в русле общемировых процессов.

В рамках концептуального анализа заявленной проблематики нами было разработано методологическое поле, где базовые теоретические подходы – неоинституциональный, социокультурный и теория традиций как адекватно отражающие современные реалии развития традиционной дагестанской семьи с позиций ее сосуществования с современными формами и ценностями семейных отношений и формирования на данном основании пространства зависимости традиционной и современной семьи друг от друга.

Под традиционной семьей в нашем исследовании было предложено понимать семью, соответствующую в совокупности реализуемым семейным практикам, сложившимся и разделяемым большинством общества нормативным представлениям о том, какой должна быть семья и какова ее функциональная специфика. Данное определение базируется на положениях неоинституционального подхода, с позиций которого обосновывается определяющая роль в функционировании традиционной семьи норм и правил неформального порядка, а потому их

изменения становятся фактором значительных изменений в развитии самой традиционной семьи и в представлениях о ней на уровне массового сознания.

Методологическая стратегия, предложенная в данном исследовании, базируется также на введении условно выделенных нами трех образов традиционной семьи, сложившихся в массовом сознании дагестанских народов: 1) «мифическом» образе – отражающем архаические представления о семье, уже практически не находящем реализации в реальных семейных практиках, но продолжающем оказывать влияние на них посредством преимущественно ритуальных семейных практик; 2) «реальном» образе – наиболее распространенном, соответствующем реальности и семейным практикам дагестанских народов; 3) «идеальном» образе – отражении идеальных представлений народов Дагестана о том, какой должна быть семья, чтобы соответствовать традициям и обычаям дагестанских народов в условиях изменившейся реальности.

В ходе анализа результатов авторского эмпирического исследования с позиций выделенных образов традиционной семьи было доказано, что новые нормы и ценности семейных отношений, проникающие в институциональное пространство современной дагестанской семьи, сложно оценить однозначно, как и тенденции возврата к устаревшим традициям на фоне резкого повышения значимости религиозного фактора в жизни дагестанских народов. Тем не менее очевидно, что реанимация ряда архаических элементов семейной жизни в реальной семейной практике создает противоречивое пространство соотношения традиционного и инновационного в семейной сфере дагестанского общества, что отразилось и на расхождениях идеального и реального образов семьи.

Признаками идеальной семьи как образа, сформировавшегося на уровне массового сознания дагестанских народов, можно считать следующие:

- официально зарегистрированный брак как приоритетный перед шариатским или «гражданским» типами брака;
- наличие детей в семье;
- раздельное проживание от родителей (нуклеарный тип организации семейной жизни: супруги и дети);
- ориентация на эндогамию (прежде всего в контексте конфессиональной принадлежности, а потом – этнической);
- основа создания семьи – любовь и уважение; их утрата – серьезный повод для развода.

Анализ имеющихся научных источников по данной теме показал, что наиболее распространенным типом семьи в современном Дагестане является нуклеарная семья, на данный момент являющаяся традиционной семьей для различных народов, населяющих Дагестан. Сочетая в себе традиционные (как универсальные, так и уникальные для каждого народа) и современные семейные ценности как результат эгалитаризации и автономизации института семьи в современном российском обществе, традиционная семья в Дагестане характеризуется постепенным распространением семейно-брачных отношений в форме неотрадиционализма, одной из которых стало многоженство, деструктивный и псевдотрадиционный характер которого выражается в росте конфликтных и разведенных по этой причине семей. Так, при признании равенства и даже приоритетности заключенного по религиозным обычаям брака на уровне восприятия форм организации семейно-брачных отношений, реальные практики в этом плане, связанные с распространением многоженства и ранних браков в дагестанском обществе, не вызывают положительных откликов среди населения Дагестана, особенно его женской части.

В современном Дагестане семейные практики сопровождаются рядом деструктивных явлений, таких как рост разводов, неполных и конфликтных семей и др., характерных для семейной сферы российского общества в целом, однако в дагестанской реальности эти деструктивные явления в семейной сфере усугубляются разрушительными тенденциями, связанными с возрождением не очень популярных архаических традиций, блокирующих возможности конструктивного развития традиционной семьи в логике положительно воспринимаемых тенденций семейной эволюции современного общества.

Итак, было выявлено, что в современном Дагестане тенденции исламизации населения и эгалитаризации семейной сферы как несочетаемые в своих сущностных основаниях определяют вектор трансформации традиционной семьи, а потому альтернатива институциональной динамики традиционной семьи всецело связана с тем, какая из тенденций станет доминирующей, определив логику развития дагестанской семьи либо в русле исламизации (архаизации), либо в русле модернизации (эгалитаризации). На этот процесс, безусловно, могут повлиять различные факторы, среди которых, как нам представляется, наиболее значимыми являются: эффективность российского семейного законодательства, его адекватность современным реалиям в семейной сфере дагестанского общества; эффективность регионального (республиканского) семейного законодательства как имеющего возможности для

сочетания норм формального (федерального семейного законодательства) и обычного права; динамика и характер развития религиозных тенденций, уровень исламизации населения; уровень экономического развития региона и материального благополучия дагестанских народов.

Отталкиваясь от полученного знания о характере развития семейной сферы современного дагестанского общества и доминирующих в ней тенденций, мы пришли к заключению: при сохранении альтернативы институционального развития традиционной семьи ориентация на модернизацию, при условии сохранения основополагающих устоев и традиций семейной жизни как обеспечивающих воспроизводство традиционной культуры народов Дагестана, будет определяющей в ближайшей исторической перспективе.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Литература

1. Абдулагатов З. М. Ислам в массовом сознании дагестанцев. Махачкала, 2008. 203 с.
2. Абрамова М. А. Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика, трансляция моноэтническими и межэтническими семьями / Науч. ред. В. Г. Костюк. Новосибирск: Параллель, 2016. 184 с.
3. Агаширинова С. С. К проблеме взаимоотношений в дагестанской семье на современном этапе // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции / Отв. ред. А. И. Османов. Махачкала, 2008. С. 59–61.
4. Алиев А. К. Многожёнство – социальная болезнь // Народы Дагестана. 2013. № 5. С. 25–27.
5. Алимова Б. М. Брак и свадебные обряды у табасаранцев // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX–начале XX в. Махачкала, 1986. С. 29–46.
6. Алимова Б. М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: Равнинный Дагестан. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1989. 112 с.
7. Алимова Б. М. Диалог полов в современной дагестанской семье // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2008. С. 76–79.
8. Алимова Б. М. Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики) // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 124–142.
9. Алимова Б. М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 48–52.
10. Алимова Б. М., Ибрагимов М.-Р. А. Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 2. С. 69–79.
11. Антонов А. И. Современные тенденции детности семьи и цели семейно-демографической политики // Экономические стратегии. 2014. № 5 (121). С. 68–74.
12. Архангельский В. Н. Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 56–64.
13. Архангельский В. Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.

14. Багирова А. П., Шубат О. М. Образ родительства и его развитие в концепции родительского труда // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 103–110.
15. Бандурин А. П. Молодая семья в условиях институциональных изменений в сфере семейных отношений российского общества: монография / А. П. Бандурин, А. В. Верещагина, Н. А. Левая, С. И. Самыгин. — Москва: РУСАЙНС, 2016. 122 с.
16. Бандурин А. П., Верещагина А. В., Самыгин С. И. Конфликты в молодой семье в условиях современной российской реальности: социокультурные основания и последствия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 22–26.
17. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Авторитарность в родительской культуре матерей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 43–53.
18. Богданова Л. П., Щукина А. С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 100–105.
19. Борисов В. А., Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: НИИ семьи, 1996. 117 с.
20. Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6. С. 84–91.
21. Брыкова Т. Ю. Возможно ли счастливое супружество в эпоху сексуальной революции? // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 140–145.
22. Варгумян А. А., Верещагина А. В. Трансформация института семьи и государственная семейная политика в России: монография. М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2012. 214 с.
23. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
24. Верещагина А. В., Самыгин С. И., Имгрунт С. И. Интеллектуальная безопасность России в условиях кризиса научно-образовательной сферы и роста социального неравенства // Гуманитарий Юга России. 2016. № 2. С. 52–65.
25. Верещагина А. В. Межэтническая семья и цивилизационная безопасность полиэтничной России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 7. С. 102–109.
26. Верещагина А. В. Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3 (7). С. 47–59.

27. Верещагина А. В. Традиции этнодемографического поведения семьи и межэтнической брачности у народов Северного Кавказа // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 7-15.
28. Верещагина А. В. Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе : Автореф. дис... д-ра социол. наук. Ростов н/Д., 2009. 47 с.
29. Верещагина А. В. Этнически смешанные семьи на Северном Кавказе: образование и межэтническая адаптация: Автореф. дис... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2003. 26 с.
30. Верещагина А. В., Бандурин А. П., Самыгин С. И. Кризис института традиционной семьи в России и семейные траектории молодой семьи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 24-28.
31. Верещагина А. В., Бандурин А. П., Самыгин С. И. Незащищенное детство в социальном государстве: парадоксы российской действительности и угрозы социальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 20-23.
32. Верещагина А. В., Гафиатулина Н. Х. Благополучное детство как основа социального здоровья молодых поколений: индикаторы социологического измерения // Инженерный вестник Дона, 2016. Т. 40. № 1 (40). URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3527>
33. Верещагина А. В., Гафиатулина Н. Х., Загирова Э. М. Семья и семейные ценности в восприятии студенческой молодежи (на примере Дагестана) // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 158–163.
34. Верещагина А. В., Загирова Э. М. Традиционная семья на Юге России: кризисные факторы функционирования (на примере Дагестана) // Международная научная конференция «Поликультурные регионы: проблемы и возможности гармонизации межэтнических отношений» (9 – 10 марта 2017 г. Ростов-на-Дону), Ростов н/Д., 2017. С. 34–40
35. Верещагина А. В., Загирова Э. М. Этнически смешанные браки на Северном Кавказе в свете смены парадигмы межэтнических отношений // Технологии мира на Юге России и Кавказе. Материалы международной конференции. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования. 2016. С. 27–30.
36. Верещагина А. В., Ковалев В. В., Самыгин С. И. Неоматриархат в условиях кризиса патриархальной семьи: становление новой гендерной картины мира // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3.

37. Верещагина А. В., Ковалев В. В., Самыгин С. И. Роль экономического фактора в трансформации неполной семьи (на примере семей одиноких матерей) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 4-2. С. 133-140.
38. Верещагина А. В., Кротов Д. В., Самыгин С. И. Трансформация семейно-брачных ценностей молодежи на Юге России: архаизация, традиционализация, модернизация? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 31-35.
39. Верещагина А. В., Нечипуренко В. Н., Самыгин С. И. Ценностный кризис современного образования в исторической проекции и динамике модернизации его парадигмальных оснований в условиях вызовов информационной эпохи // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 74-91.
40. Верещагина А. В., Самыгин С. И. Кризис традиционной семьи и альтернативы развития института семьи в России: теоретический анализ с позиций синергетической парадигмы // Инженерный вестник Дона. 2014. № 3. URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2531>
41. Верещагина А. В., Самыгин С. И., Кикоть А. С. Молодая семья в России и проблемы ее адаптации: специфика социологического дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 21-25.
42. Верещагина А. В., Левая Н. А., Самыгин С. И. Молодая семья и детство в условиях парадоксальной российской реальности и демографического неблагополучия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8-9. С. 58-61.
43. Верещагина А. В., Самыгин С. И., Самыгин П. С. Трансформация института семьи в России в методологических границах социокультурного подхода // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 20-24.
44. Верещагина А. В., Самыгин С. И., Щербакова Л. И. Молодая семья на Юге России: проблемы адаптации в полиэтничном пространстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 56-59.
45. Верещагина А. В., Самыгин С. И., Чапурко Т. М. Социально-политические факторы воспроизводства рисков жизнедеятельности молодой семьи в России // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2020. № 2. С. 68-74.
46. Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 4 (87). С. 159–178.

47. Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 4 (87). С. 159-177.
48. Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестник ДНЦ. 2013. № 50. С. 65–71.
49. Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 50. С. 65-71.
50. Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Этнокультурная специфика демографического поведения дагестанской семьи // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 78–85.
51. Верещагина А. В., Шахбанова М. М., Шихалиева Д. С. Демографическое поведение и формирование новых семейных ценностей в установках студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10. С. 59–62.
52. Гаджиева М. И. Семья Дагестана в традиционном и современном обществе: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Махачкала, 2004. 63 с.
53. Гаджиева М. И., Омаршаев А. О. Семья народов Дагестана в историческом развитии. Часть 1. Махачкала: РИЦ «Стиль», 2000. 160 с.
54. Гаджиева С. Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2005. 433 с.
55. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX–начале XX в. М.: Наука, 1985. 360 с.
56. Гафиатулина Н. Х., Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Повседневные социальные практики как способ идентификации российской студенческой молодежи // The Caucasus and the World. 2015. № 20. С. 166-170.
57. Гафиатулина Н. Х., Загирова Э. М. Система ценностей российской молодежи в контексте обеспечения духовно-нравственной безопасности общества // Вестник ИИАЭ. 2017. № 2. С. 142–156.
58. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
59. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Издательство: «Весь мир», 2004. 120 с.
60. Гимбатова М. Б. «Женское пространство» в традиционной культуре ногайцев // Материалы региональной научной конференции «Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа». Махачкала, 2008. С. 49-53.

61. Гимбатова М. Б. Брак и семейно-правовые отношения у тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX века // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 2(26). С. 97-109.
62. Гимбатова М. Б. Внутрисемейные отношения у нижнетерских казаков (XIX- начало XX в.) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 8. К 60-летию проф. Э. Г. Варганьян. Краснодар: Экоинвест, 2014. С. 315-321.
63. Гимбатова М. Б. Гендерная асимметрия социализации детей в семье у тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 1(25). С. 36-47.
64. Гимбатова М. Б. Гендерное неравенство полов в бракоразводном процессе у тюркоязычных народов Дагестана в XIX – нач. XX в. // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси-Гори-Батуми, 27-30 сентября, 2010 г. Тбилиси, 2011. С. 264-266.
65. Гимбатова М. Б. Гендерные аспекты хозяйственной специализации у народов равнинного Дагестана: традиции и новации // Вестник ДНЦ. 2014. С. 69-72.
66. Гимбатова М. Б. Гендерные роли в традиционной культуре дагестанских народов // Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики. Сборник научных трудов. Курск, 2019 С. 140-146.
67. Гимбатова М. Б. Любовная магия в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX века // Диалог культур в глобализирующемся мире. Диалог культур и культура диалога: Материалы Всероссийской научно - практической конференции (с международным участием). / Под редакцией В. Э. Манаповой, О. С. Мутиевой. Махачкала: АЛЕФ, 2019. С. 181-184.
68. Гимбатова М. Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана в XIX - начале XX в. Махачкала: «Эпоха», 2014. 392 с.
69. Гимбатова М. Б. Отношение к разведенной женщине у тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX века) // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы Шестой научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории. 3-6 октября 2013 г. Нальчик. Нальчик - Москва, 2013. Т. 2. С. 126-128.

70. Гимбатова М. Б. Отражение гендерных отношений в религиозных верованиях тюркоязычных народов Дагестана // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 3. С. 123–134.
71. Гимбатова М. Б. Отражение гендерных отношений в устном народном творчестве тюркоязычных народов Дагестана // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве // Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН. 21-22 октября 2014 г. Махачкала, 2014. С. 133-135.
72. Гимбатова М. Б. Понятие «настоящая женщина» в дагестанском сознании // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 139–148.
73. Гимбатова М. Б. Роль женщины в свадебных обрядах у тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX века // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы Шестой научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории. 3-6 октября 2013 г. Нальчик. Нальчик - Москва, 2013. Т. 2. С. 124-126.
74. Гимбатова М. Б. Роль женщины в традиционном дагестанском обществе // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Материалы VI-ой Международной конференции. ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет». 2018. С. 251-263.
75. Гимбатова М. Б. Семейная трапеза ногайцев - наглядная модель этикетного поведения (XIX- начало XX века)//Известия вузов. Северокавказский регион. ОН. Ростов-на-Дону, 2008. № 5. С. 49-52.
76. Гимбатова М. Б. Стереотипы «мужественности» и «женственности» в традиционном воспитании у тюркоязычных народов Дагестана // Лавровский сборник. Материалы XXXIV – XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений. 2010-2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2011. С. 238-241.
77. Гимбатова М. Б., Загирова Э. М. Институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Издательство: Саратовский национальный государственный исследовательский университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2019. Т. 19. С. 21-31.
78. Крамынина К. М.-Р., Гимбатова М. Б. Традиционное воспитание у кумыков в XIX – начале XX века // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 2. С. 249-258.
79. Голод С. И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 2. С. 106–119.

80. Голод С. И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XV. № 2 (61). С. 20–38.
81. Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 99–108.
82. Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49.
83. Голод С. И. Трансформация эротико-эмоциональных отношений молодежи на протяжении XX столетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 13(57). С. 15–24.
84. Гоов И. М. Эволюция обычного права у кавказских народов: этапы развития // Общество: философия, история, культура. 2015. № 3(7). С. 41–46.
85. Горшков М. К. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. М.: Издательство «Весь мир», 2015. 336 с.
86. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.
87. Гофман А. Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. М.: Новый хронограф, 2015. 496 с.
88. Грицай Л. А. Трансформация ценностей основ семейной жизни в России конца XIX–начала XX в. как предвестилка революционных событий 1917–1918 гг. // История и современность. 2012. № 1. С. 180–191.
89. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.
90. Гурко Т. А. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 38–52.
91. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи: монография [Электронное издание] / Т. А. Гурко; Институт социологии РАН. Электрон. текст. дан. (объем 2,5 Мб). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт социологии РАН, 2016. 210 с.
92. Егорова Н. Ю., Сизова И. Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 97–102.
93. Загирова Э. М. Влияние типа религиозности на отношение к традиционной семье // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 2 (90). С. 82–103

94. Загирова Э. М. Демографическое поведение дагестанской семьи: состояние и тенденции // Вестник ИИАЭ. 2016. № 4. С. 163–170.
95. Загирова Э. М. Конфессиональный фактор в семейном поведении дагестанских народов // Актуальные вопросы истории России. Материалы региональной научно-практической конференции. Хасавюрт, 2018. С. 24–36.
96. Загирова Э. М. Кризисные факторы в семейно-брачной сфере дагестанских народов // Пятые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. Сб. статей. Махачкала: Издательство ДГУ, 2018. С. 117–120.
- 97.** Загирова Э. М. Методологическая модель исследования традиционной семьи в Дагестане в условиях современной реальности // Историческая и социально-образовательная мысль. № 2. Часть 2 (апрель) 2017. С. 146–153.
98. Загирова Э. М. Общественное мнение о традиционной семье и причинах разводов в современном дагестанском обществе (по результатам социологического исследования) // Актуальные вопросы истории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хасавюрт, 2016. С. 24–36.
99. Загирова Э. М. Отношение дагестанских народов к гражданскому браку (по результатам социологического исследования) // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 2. С. 121–126.
- 100.** Загирова Э. М. Религиозные установки дагестанских народов в семейно-брачной сфере // Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 85-летию ДГУ «Единство народов России: межнациональный, межкультурный и межрелигиозный диалог» (Кизляр, 30 сентября 2016 г.). Кизляр, 2016. С. 140–144.
101. Загирова Э. М. Репродуктивные установки дагестанских народов: состояние и тенденции // Вестник ИИАЭ. 2017. № 1. С. 145–153
102. Загирова Э. М. Семейно-брачные установки горских евреев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 250–255.
- 103.** Загирова Э. М. Семья и дети в жизненных установках дагестанцев (по результатам социологического исследования) // Вестник ИИАЭ. 2018. № 1. С. 98–104.
104. Загирова Э. М. Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 298–303.
105. Загирова Э. М. Традиционная семья в Дагестане: историко-социологические аспекты исследования // Путь в науку. Материа-

- лы Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Ростов н/Д.: Изд-во «Фонд науки и образования» 2017. С. 689–693.
106. Загирова Э. М. Традиционная семья в современном Дагестане: альтернативы развития // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы истории». Хасавюрт, 2017. С. 54–67
107. Загирова Э. М. Традиционная семья: теоретические аспекты социологического исследования // Кавказ и мир. Международный научный журнал. Тбилиси, 2015. № 20. С. 158–165.
108. Загирова Э. М., Верещагина А. В., Гафиатулина Н. Х. Семья и семейные ценности в восприятии студенческой молодежи (на примере Республики Дагестан) // Вестник ИИАЭ. 2015. № 1 (41). С. 158–163
109. Загирова Э. М., Нурилова А. З., Акимова А. А. Межэтнические браки: оценки и установки в массовом сознании дагестанских народов // Успехи современной науки. 2017. Том 7. № 1. С. 39–43. (0,5 п.л.).
110. Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
111. Ибрагимов М.-Р. А. Этнодемографические аспекты развития дагестанской семьи в XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 53–65.
112. Ильясов З. З. Энциклопедия дагестанской жизни (Дагестан: цифры и факты). 3-е изд., доп. Махачкала, 2010. 696 с.
113. Каменева Т. Н. Семья в обществе риска: социологический анализ. Курск, 2018. 424 с.
114. Карлсон А. Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Пер. с англ. под науч. ред. А. И. Антонова. М.: Грааль, 2003. 288 с.
115. Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92–100.
116. Кисриев Э. Ф. Современная дагестанская свадьба: социологический анализ трансформации ритуала // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1988. С. 141–160.
117. Клименко Л. В. Трансформация внутрисемейных отношений в традиционных культурах народов Северного Кавказа // Семья и брак в условиях модернизации российского общества. Майкоп – Ростов н/Д.: Ред.-изд. отдел АГУ, 2010.

118. Клименко Л. В., Верещагина А. В. Динамика воспроизводства этногендерного этикета в северокавказской семье // ПОИСК. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 3(80). С. 19-26.
119. Клименко Л. В., Верещагина А. В. Меняющийся образ мужчины и женщины в контексте социетальной динамики полиэтничного Юга России // Гуманитарий Юга России. 2020. Том. 9. № 3. С. 99-107.
120. Клупт М. А. Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. 2014. Том 1. № 1. С. 34–56.
121. Ковалев В. В., Верещагина А. В., Самыгин С. И. Проблемы и риски молодой семьи первого года жизни с позиций ее типологической характеристики (нуклеарные и многопоколенные семьи) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С. 143–156.
122. Ковалев В. В., Самыгин С. И., Верещагина А. В. Неустойчивость и конфликтный потенциал молодых семей в современной России: факторы влияния // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9. С. 85–89.
123. Козлова Н. Н., Рассадин С. В. Дискурсивные эффекты модернизации: «женский вопрос» как механизм интеграции женщин в общество модерна // Власть. 2013. № 12. С. 40–44.
124. Кравченко Ю. В. Влияние супружеских потребностей на стабильность молодой семьи в контексте сельского и городского пространства // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 118–124.
125. Курбанова З. А. Семейно-брачные отношения в Дагестане: ретроспектива и векторы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 4 (21). С. 100–103.
126. Кучмаева О. В., Ростовская Т. К. Дискурс о модели современной российской семьи и стратегия семейной политики // Семья в современном обществе. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. Рязанцева С. В., Ростовской Т. К. М., 2018. С. 33-41.
127. Лагойда Л. Г. Проблема подготовки современной молодежи к браку и пути ее решения // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 5. С. 84–87.
128. Лактюхина Е. Г., Антонов Г. В. «Мы просто живем вместе»: социальство в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Том XVIII. № 4 (81). С. 83–95.
129. Левашов В. К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 32–46.

130. Лексин В. Н. Идеологические основы упадка современного института семьи // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 29–42.
131. Лубский А. В. Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России // *Гуманитарий Юга России*. 2015. № 2. С. 30–45.
132. Лубский А. В. Гуманизация и конструктивизм в социально-гуманитарных науках // *Гуманитарий Юга России*. 2012. № 3. С. 158–168.
133. Михеева А. Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. 156 с.
134. Мищенко В. А. Образ семьи в средствах массовой информации // *Социологические исследования*. 2014. № 6. С. 137–141.
135. Молодая семья в Ростовской области (по результатам социологического исследования): коллективная монография / Отв. Ред. Ю. Г. Волков. Изд-во: «Социально-гуманитарные знания». М.;-Ростов н/Д., 2011. 150 с.
136. Мустафаев Ф. М. Факторы разрушения культуры межнационального общения в современном полиэтничном пространстве российского общества // *Гуманитарные и социальные науки*. 2014. № 3. С. 113–123.
137. Мустафаев Ф. М., Верещагина А. В. Культура межнационального общения в современной России: проблемы и условия регенерации // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2015. № 5 (84). С. 69-72.
138. Мчедлов М. П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М., 2005. 447 с.
139. Награльян А. А., Филюшкина Д. В. Традиционное и инновационное в социальном пространстве современной России // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 4 (9). С. 181–184.
140. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
141. Носкова А. В. Семья перед лицом вызовов глобализованного мира // *Социологические исследования*. 2013. № 5. С. 147–149.
142. Нухаева Б. Б. Представления молодежи республики Калмыкия о семье и браке // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2012. № 1. С. 100–104.

143. Панкратова Н. В. Социальный и биологический аспекты родительства // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 116–123.
144. Пантин В. И. Социально-демографические и цивилизационные сдвиги в современном мире: причины и следствия // История и современность. 2014. № 1. С. 104–119.
145. Петухов В. В. Российская трансформация и общественная мораль // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 28–40.
146. Пещеров Г. И., Пирогов А. И. Институт семьи: эволюция и проблемы в современном мире // Власть. 2013. № 10. С. 106–109.
147. Порохнюк Е. В. Роль, статус и положение женщины в светском институте семьи // Власть. 2014. № 1. С. 65–69.
148. Проневская И. В., Нуров А. С. Этнические особенности различных типов семейного поведения // Вестник Московского университета. 2012. № 2. С. 163–181.
149. Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX– начало XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала, 2001. 158 с.
150. Рачипа А. В., Самыгин С. И., Верещагина А. В. «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8-9. С. 122-126.
151. Ржаницына Л. С. Улучшение положения детей в разведенных семьях // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70–77.
152. Ростовская Т. К. Статус молодой семьи в современном российском обществе // Человек в мире культуры. 2014. № 3. С. 74–80.
153. Рыбак Е. В., Слепцова Н. Г., Федулова А. Б., Цихончик Н. В. Молодая семья в современном обществе. М.: ООО «ТР-Принт», 2016. 150 с.
154. Рыбаковский Л. Л. Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 18–28.
155. Сагидов А. М. Обычное право народов Дагестана: понятие, особенности, основные источники // [Электронный ресурс] URL: http://yaneuch.ru/cat_06/obychnoe-pravo-narodov-dagestana-ponyatie/79057.1486528.page1.html.
156. Самойлова В. А. Адаптация личности в современном обществе и проблема психологического здоровья детей и подростков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 167. С. 41–54.
157. Самыгин С. И., Верещагина А. В., Загирова Э. М. Традиционная семья: специфика социологического дискурса и методологические приоритеты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 81-85.

158. Самыгин С. Н., Верещагина А. В., Рачипа А. В. Государственная культурная политика в контексте эскалации рисков и угроз национальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 1-2 С. 53-57.
159. Скворцов Н. Г. Формирование национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 20. № 4. С. 103–107.
160. Скворцов Н. Г., Верещагина А. В., Самыгин С. И. «Русский мир» в социологическом дискурсе о цивилизационной безопасности и национальной идентичности в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6-7. С. 103-107.
161. Соколова З. П. Эндогамия и этнос // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 67–78.
162. Сокольский А. Э. Основные функции молодой семьи в современных исследованиях // Среднее профессиональное образование. 2013. № 9. С. 40–42.
163. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
164. Сороко Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Том 1. № 4. С. 96–123.
165. Социология: Учебное пособие для бакалавров. / С. И. Самыгин, А. В. Верещагина, И. В. Тумайкин. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К»; Ростов н/Д: Наука-Спектр, 2018. 288 с.
166. Основы социологии: учебник /А. В. Верещагина, В. В. Ковалев, С. И. Самыгин. Москва: РУСАЙНС, 2018. 350 с.
167. Социология: учебник / А. В. Верещагина, В. В. Ковалев, С. И. Самыгин. Москва : КНОРУС, 2020. 382 с.
168. Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. 222 с.
169. Тарасова Е. О. Проблемы развода в современной семье // Власть. 2015. № 1. С. 128–135.
170. Тартаковская И. Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84–93.
171. Тощенко Ж. Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 23–36.
172. Хилажева Г. Ф. Насилие в семье как социальная проблема современного общества // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 61–65.

173. Хубиев Б. Б. Современная семья: к проблеме институционального кризиса // Социальная политика и социология. 2008. № 2 (38). С. 80–90.
174. Чернова Ж. В. Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 118–127.
175. Чурилова Е. В. Основные подходы к изучению факторов формирования и распространения семей с одним родителем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 4 (75). С. 150–161.
176. Чурилова Е. В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 78–81.
177. Шахбанова М. М. Межнациональные взаимодействия в республике Дагестан и их последствия для развития этнической идентичности (на примере малочисленных народов) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. № 2 (30). С. 92–104.
178. Шахбанова М. М. Межэтническая напряженность и этнический конфликт: содержание, факторы формирования, типология // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 1 (49). С. 154–167.
179. Шахбанова М. М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Вып. 4. Махачкала: АЛЕФ, 2009. С. 15–24.
180. Шахбанова М. М. Миграция и особенности межэтнического общения в республике дагестан (конец XX – начало XXI века) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3 (151). С. 32–37.
181. Шахбанова М. М. Отношение к межнациональным бракам в этническом сознании дагестанцев // Социологические исследования. 2008. № 11 (295). С. 72–76.
182. Шахбанова М. М. Религиозная идентичность в структуре социальной идентичности дагестанских народов // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 1 (46). С. 18–20.
183. Шахбанова М. М. Религиозная ситуация в республике: состояние и тенденции (по материалам социологического опроса) // Региональные аспекты социальной политики. 2008. № 10. С. 56–64.
184. Шахбанова М. М. Религия как доминирующий фактор социальной жизни дагестанской молодежи // Ориентиры самосознания молодежи в условиях глобального экстремизма и терроризма. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 211–217.

185. Шахбанова М. М. Установки на межнациональные связи и формирование толерантности // Дагестанский социологический сборник – 2006. Махачкала, 2006. С. 95-105.
186. Шахбанова М. М. Установки на межэтнические браки в общественном сознании малочисленных народов (на примере андоцезской этнической группы) // Культурная жизнь Юга России. 2011. Т. 5. № 3 (41). С 14–16.
187. Шахбанова М. М. Этническая идентичность андо-цезской группы (по результатам социологического опроса) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 232-237.
188. Шахбанова М. М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала: Изд-во АЛЕФ, 2013. 394 с.
189. Шахбанова М. М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения андо-цезских народов Дагестана. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2012.
190. Шахбанова М. М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях // Социологические исследования. 2013. № 10 (354). С. 88-97.
191. Шахбанова М. М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 358 с.
192. Шахбанова М. М. Этническое самосознание и этническая идентичность: современные концепции исследования // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 1 (33). С. 135-147.
193. Шахбанова М. М. Язык как признак этнической самоидентификации (по результатам социологического исследования) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2. С. 289-294.
194. Шахбанова М. М. Российская идентичность и специфика межэтнического взаимодействия дагестанских народов // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. С. 45 – 56.
195. Шахбанова М. М., Верещагина А. В. Типы демографического поведения семьи, их влияние на демографические процессы и стратегии управления семейно-демографической сферой российского общества // The Caucasus and the World. 2012. № 14. С. 157-166.
196. Шахбанова М. М., Верещагина А. В., Самыгин С. И. Жизненный мир молодой семьи и проблемы его формирования в условиях парадоксальной российской реальности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. С. 59-66.

197. Шахбанова М. М., Загирова Э. М., Сеидова Г. Н. Установки горских евреев на межэтническую коммуникацию: потенциал интеграции и зоны противоречий // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-2. С. 154-160.
198. Шахбанова М. М., Шахбанов А. М. Основные направления политики государства в урегулировании межэтнических и межнациональных конфликтов // Современное состояние и пути развития Юга России. материалы региональной научной конференции. главный редактор: Г. Г. Матишов. 2007. С. 265-267.
199. Шахбанова М. М., Шахбанов А. М. Причины социальных конфликтов в межэтнических отношениях // Современное состояние и пути развития Юга России. Всероссийская научно-практическая конференция «Системные исследования современного состояния и пути развития Юга России (природа, общество, человек)». Ростов н/Д., 2007. С. 357–363.
200. Шахбанова М. М., Лысенко Ю. М., Мамараев Р. М. Дагестанские русские о состоянии межнациональной ситуации в республике Дагестан // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 2(42). С. 149-157.
201. Шахбанова М. М., Лысенко Ю. М., Мамараев Р. М. Культурная дистанция» в межличностных установках дагестанских русских // The Caucasus and the World, 2016. № 21, с. 200-206
202. Шахбанова М. М., Лысенко Ю. М., Мамараев Р. М. Установки толерантности в массовом сознании дагестанских русских // The Caucasus and the World. 2015. № 19. С. 158-163.
203. Шацкий Е. Утопия и традиция / Общ. ред. и посл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
204. Шевченко И. О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70–77.
205. Щелкин А. Г. Нетрадиционная сексуальность (опыт социологического анализа) // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 132–141.
206. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 639 с.
207. Anna V. Vereshchagina, Albina Z. Nurilova, Aida A. Akimova, Djabrail G. Mirsahanov and Elvira M. Zagirova. The Traditions of the Interethnic Marriage Process in the North Caucasus: The Socio and Cultural Factors of Formation and the Trends of Destruction (For Example, Dagestan Republic). The Social Sciences, 2015. 10: 2256-2262. URL:
<http://medwelljournals.com/abstract/?doi=sscience.2015.2256.2262>

208. Elvira M. Zagirova, Dagmara S. Shikhaliyeva, Zaira M. Murtuzova, Ramazan I. Gazimagomedov, Albina Z. Nurilova, Aida A. Akimova Reproductive installations of Dagestan peoples // Turkish online journal of design art and communication // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC ISSN: 2146-5193, March 2018. Special Edition, Pp. 543–548.
209. Lesthaeghe R. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // Population and Development Review. 2010. 36(2). Pp. 211–251.
210. Shakhbanova M. M., Gafiatulina N. K., Samygin S. I., Chapurko T. M., Levaya N. A., Bineeva N. K. Youth of the south of Russia: specifics of manifestation of ethnic identity (on the example of the Dagestan Republic) // Purusharta. 2018. T. 10. № 2. Pp. 111-119.
211. Shakhbanova M. M., Gafiatulina N. Kh., Vereshchagina A. V., Samygin S. I., Imgrunt S. I. Social and economic consequences of regional ethnic migration for national security and social health of the russian youth // The Social Sciences (Pakistan). 2016. T. 11. № 16. C. 3886-3893.
212. Shakhbanova M. M., Kasyanov V. V., Gafiatulina N. Kh., Gluzman I. V., Polivina M. A., Gnatyuk M. A., Ramazanov R. O. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. 2019. T. 6. № 2. C. 296-305.
213. Vereshchagina A. V., Nurilova A. Z., Akimova A. A., Zagirova E. M. The Traditions of the Interethnic Marriage Process in the North Caucasus: The Socio and Cultural Factors of Formation and the Trends of Destruction (For Example, Dagestan Republic) // The Social Sciences. 2015. № 10 (9). Pp. 2256–2262.

Приложение

Анкета по изучению трансформации традиционной дагестанской семьи

Выберите из нижеприведенного списка тот состав или составы, которые, по Вашему мнению, соответствуют понятию «семья»? (можно отметить 3 варианта ответов)

1. муж и жена, состоящие в официальном браке
2. муж и жена, состоящие в гражданском браке (официально не зарегистрированном)
3. супруги и родные дети
4. супруги и приемные дети
5. один из родителей с детьми (так называемая, неполная семья)
6. муж и жена (одного пола – такие союзы в ряде европейских стран получили официальный статус семей)

Как бы Вы оценили происходящие изменения в институте семьи в современной России? (можно отметить только 1 вариант ответа)

7. семья в России переживает острый кризис
8. семья в России переживает период эволюции, в результате которого в обществе будут сформированы новые семейные ценности и отношения
9. никаких изменений в институте семьи не происходит
10. другое (напишите)

Как Вы считаете, в какой мере соблюдаются в современном дагестанском обществе семейные традиции и обычаи? (можно отметить только 1 вариант ответа)

11. в современном дагестанском обществе в полной мере соблюдают все семейные традиции и обычаи
12. в современном дагестанском обществе не в полной мере соблюдают семейные традиции и обычаи
13. в современном дагестанском обществе вообще не соблюдают семейные традиции и обычаи

14. в сельской местности соблюдают все семейные традиции и обычаи, в городской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи

15. в сельской местности соблюдают не все семейные традиции и обычаи, в городской местности вообще не соблюдают семейные традиции и обычаи

16. другое (напишите)

Соблюдаете ли Вы в своей семье традиции и обычаи своего народа? (можно отметить только 1 вариант ответа)

17. да, в моей семье соблюдают *все* национальные традиции и обычаи моего народа

18. да, в моей семье соблюдают только *некоторые* национальные традиции и обычаи моего народа

19. нет, в моей семье вообще не соблюдают национальные традиции и обычаи моего народа

20. нет, в моей семье не считают нужным соблюдать национальные традиции и обычаи моего народа

21. другое (напишите)

Как Вы относитесь к бездетным семьям? (можно отметить только 1 вариант ответа)

22. положительно, это право каждой семьи

23. положительно, если людям хорошо без детей

24. отрицательно, в семье должен быть ребенок

25. отрицательно, в стране демографическая проблема

26. отрицательно, предназначение женщины стать матерью

27. безразлично

28. мне их жалко, может они не могут иметь детей по состоянию здоровья

Как Вы относитесь к добровольно бездетным семьям? (можно отметить только 1 вариант ответа)

29. их вполне можно понять

30. это личное дело каждой семьи

31. осуждаю такое семейное поведение – супруги должны иметь детей

32. затрудняюсь ответить

Как Вы считаете, должна ли каждая женщина в обязательном порядке стать матерью (родить ребенка?)

- 33. да, если состояние здоровья позволяет ей стать матерью
- 34. нет, не обязательно, это личный выбор каждой женщины
- 35. затрудняюсь ответить

Как Вы относитесь к искусственному прерыванию беременности (абортам)?

- 36. положительно, если это угрожает здоровью женщины и предписано врачом
- 37. положительно, если эта нежеланная беременность
- 38. положительно, если материальное состояние семьи не позволяет иметь больше детей
- 39. отрицательно, это грех
- 40. отрицательно, нельзя убивать маленького человека
- 41. отрицательно, если женщина забеременела, она обязана родить

Как Вы относитесь к гражданским (не зарегистрированным, сожительствующим) семьям?

- 42. положительно, печать в паспорте не имеет значения, если они любят друг друга и им хорошо вместе
- 43. положительно, люди должны проверить свои отношения, прежде чем они вступят в законный брак
- 44. отрицательно, наша религия не допускает добрачных отношений
- 45. отрицательно, незарегистрированные отношения порождают безнравственность
- 46. отрицательно, тем самым нарушаются традиционные устои нашего общества

Как Вы относитесь к многоженству?

- 47. положительно, у нас нехватка мужчин, а каждая женщина заслуживает счастья
- 48. положительно, если мужчина не уходит из «первой» семьи и ее обеспечивает
- 49. положительно, наша религия допускает многоженство
- 50. отрицательно, это может разрушить семью, потому что не каждая женщина согласится с желанием своего мужа иметь «вторую жену»
- 51. отрицательно, многоженство – это пережиток

52. отрицательно, под многоженством пытаются прикрыть безнравственность

Как Вы относитесь к появлению дагестанского сайта «Ищу вторую жену»? (можно отметить несколько вариантов ответов)

53. положительно, это поможет молодым людям создать счастливую семью

54. положительно, это позволит людям не нарушая религиозных заповедей иметь супружеские отношения и сохранить нравственность в обществе

55. отрицательно, это приведет к разрушению основ традиционной семьи

56. отрицательно, это приведет к разрушению первой семьи

57. отрицательно, это противоречит государственным законам

58. отрицательно, это приведет к росту разводов и увеличению числа неполных семей

59. отрицательно, мужчина не сможет в полной мере уделить внимание воспитанию детей в обеих семьях

На это вопрос отвечают женщины

Вы сами согласились бы стать «второй» женой?

60. да, если я полюблю человека

61. да, ради того, чтобы иметь ребенка

62. нет, нельзя вмешиваться в чужую семью

63. нет, это безнравственно

64. затрудняюсь ответить

На это вопрос отвечают мужчины

Вы хотели бы иметь «вторую» жену?

65. да, если в первом браке не будет детей, но я не захочу расстаться со своей женой

66. да, если я полюблю другую женщину, но не захочу разрушить свою первую семью

67. да, наша религия позволяет мужчине иметь 4 жен

68. нет, я не хотел бы разрушать свою семью

69. нет, это безнравственно

70. нет, мое материальное положение не позволяет мне иметь «вторую жену»

71. затрудняюсь ответить

Когда в семье должен появиться первый ребенок?

- 72. сразу после брака
- 73. после того, как семья обретет социальную и материальную устойчивость
- 74. в любое время, которое покажется нужным для конкретной семьи
- 75. когда супруги проверят свои отношения

Должна ли молодая семья проживать совместно с родителями?

- 76. да, родители должны материально помогать молодым
- 77. да, родители помогут молодым психологически адаптироваться
- 78. да, чтобы родители помогли с уходом за ребенком
- 79. нет, молодая семья, независимо от родителей, должна самостоятельно себя обеспечивать
- 80. нет, это может провоцировать семейные конфликты
- 81. нет, молодые должны научиться самостоятельно справляться со всеми проблемами

Как Вы относитесь к внебрачной рождаемости (когда женщина принимает решение стать матерью, не состоя в официальном браке)?

- 82. положительно, это свободный выбор каждой женщины
- 83. положительно каждая женщина имеет право на то, чтобы стать матерью
- 84. отрицательно, ребенок должен расти в полной семье
- 85. отрицательно, это ребенок будет закомплексованным и чувствовать себя дискомфортно среди сверстников
- 86. отрицательно, это безнравственно

Как Вы считаете, что должно выступать основой создания брака? (можно отметить 2 вариант ответа)

- 87. любовь
- 88. взаимное уважение
- 89. желание иметь детей
- 90. решение родителей
- 91. уровень доходов

По каким критериям надо выбирать спутника жизни? (можно отметить 4 вариант ответа)

- 92. любовь
- 93. желание иметь детей
- 94. материальное благосостояние

- 95. уровень образования
- 96. уровень доходов
- 97. место проживания
- 98. национальная принадлежность
- 99. рекомендации со стороны родственников
- 100. рекомендации со стороны друзей и т. д.

В каких случаях развод в семье может быть оправдан? (можно отметить несколько вариантов ответов)

- 101. отсутствие любви между супругами
- 102. насилие в семье (рукоприкладство по отношению к супруге, детям)
- 103. нежелание одного из супругов иметь детей
- 104. невозможность одного из супругов иметь детей
- 105. неуважение со стороны одного из супругов к родственникам своего супруга (-и)
- 106. нежелание заниматься воспитанием детей
- 107. нежелание обеспечивать материальное благосостояние семьи и т. д.
- 108. решение мужа взять «вторую жену»
- 109. алкоголизм одного из супругов

Какую национальность, по Вашему мнению, должен выбрать ребенок, родители которого принадлежат к разным национальностям? (можно отметить только 1 вариант ответа)

- 110. национальность матери
- 111. национальность отца
- 112. национальность того из родителей, которая считается коренной для данного региона
- 113. любую, которую он сам выберет и т. д.

Как Вы относитесь к повторному браку женщины, имеющей детей от предыдущего брака? (можно отметить только 1 вариант ответа)

- 114. положительно, каждая женщина имеет право на семейное счастье
- 115. положительно, ребенку нужен отец
- 116. отрицательно, женщина должна думать не о себе, а о благополучии своих детей
- 117. отрицательно, в новой семье могут обижать детей от первого брака

Какой возраст, на Ваш взгляд, является наиболее оптимальным (подходящим) для создания семьи для женщины?

- 118. 20
- 119. 21
- 120. 22
- 121. 23
- 122. 24
- 123. 25
- 124. 26
- 125. 27
- 126. 28
- 127. 29
- 128. 30
- 129. После 30 лет

Какой возраст, на Ваш взгляд, является наиболее оптимальным (подходящим) для создания семьи для мужчины?

- 130. 20
- 131. 21
- 132. 22
- 133. 23
- 134. 24
- 135. 25
- 136. 26
- 137. 27
- 138. 28
- 139. 29
- 140. 30
- 141. После 30 лет

Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека.... (пожалуйста, ответ дайте по каждой строке)

- при выборе будущего супруга (-и) 150. да 151. нет
- при выборе супруга (-и) Ваших детей 152. да 153. нет

Готовы ли Вы принять человека другой национальности в качестве...

- супруга (и) Ваших детей 160. да 161. нет
- Вашей супруги (а) 162. да 163. нет
- гражданина России 164. да 165. нет
- жителя Вашей республики 166. да 167. нет
- партнера в совместном деле 168. да 169. нет
- непосредственного начальника 170. да 171. нет

соседа по дому, квартире 172. да 173. нет
коллеги по работе 174. да 175. нет

Сообщите, пожалуйста, некоторые сведения о себе.

Пол

190. мужской
191. женский

Возраст

192. до 20 лет
193. от 20 до 30 лет
194. от 30 до 40 лет
195. от 40 до 50 лет
196. от 50 до 60 лет
197. от 60 лет и выше

Образование

198. среднее (11 классов)
199. среднее специальное (техникум, училище)
200. высшее, незаконченное высшее (после 3 курса)

Ваше отношение к религии?

201. убежденно верующий
202. верующий
203. колеблющийся
204. неверующий
205. убежденно неверующий

Ваше семейное положение

206. женат
207. холост
208. замужем
209. не замужем

Ваша национальность

210. аварцы
211. даргинцы
212. кумыки
213. лакцы
214. лезгины
215. русские
216. чеченцы
217. другое

(напишите)

instituteofhistory.ru

Э.М. Загирова

**ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ В ДАГЕСТАНЕ:
специфика и альтернативы институциональной трансформации**

Монография

Подписано в печать 29.03.2021.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 10,5.
Тираж 1000 экз.

ООО «Русайнс».
117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2.
Тел.: +7 (495) 741-46-28.
E-mail: autor@ru-science.com
<http://ru-science.com>

